

Священник Сергей Адодин

Ворваться в рай

Кемерово
2016

*По благословию Высокопреосвященнейшего Аристарха,
митрополита Кемеровского и Прокопьевского*

А31 Адодин, Сергей (священник). Ворваться в рай : [рассказы] / Сергей Сергеевич Адодин; худож. Ольга Савина. – Кемерово: Примула, 2016. – 188 с.

Рассказы больничного священника Сергея Адодина – разные и о разном. Но все они, будь то живая и узнаваемая зарисовка из современной жизни или повествование, в котором размыты границы реальности и веет сквозняком из другого мира, – все они объединены одним общим, главным смыслом. Герои рассказов протоиерея Сергея всегда оказываются в захватывающей ситуации, когда необходимо сделать жёсткий нравственный выбор. В конечном счёте, это – сделать шаг навстречу Богу или отойти прочь от Него.

ББК 84

Литературно-художественное издание

Сергей Сергеевич Адодин

Ворваться в рай

Редактор – Н. П. Мурзина

Художник – О. Савина

Вёрстка – С. А. Скобликов

Корректор – Н. В. Скобликова

Сдано в печать 16.03.2016. Подписано в печать 11.05.2016.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10,9. Печать Riso. Тираж 200 экз.

ООО «Примула»

650024, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31-6

+7-951-576-10-01

ISBN 978-5-904430-42-9

Дверь в мою весну

Насколько я помню, тут всегда была детская площадка. Небольшой проулок заканчивался глухой бетонной стеной. Окна начинались только с третьего этажа, что давало большой простор любимым забавам с мячом. Видавший виды потрескавшийся асфальт был расчерчен белой краской на игровые зоны. Летом мальчишки приходили сюда ещё ранним утром, а расходились уже при свете фонарей.

Однако сейчас площадка отсутствовала. Да и целый проулок тоже! Я остановился как вкопанный, уставившись на витрину неизвестно откуда взявшейся антикварной лавки. Сзади на меня налетела средних лет женщина, едва не сбив с ног.

— Встал посреди дороги, старый хрыч! — ругнулась она, проверяя содержимое пакета в руках. Очевидно, там были яйца. Я даже не стал огрызаться. Настолько меня потрясло случившееся.

Ну, представьте себе, что семьдесят с лишним лет вы своими глазами наблюдаете восход, а потом вдруг обнаруживаете, что солнца никакого нет. Мало того, никто вокруг этого самого солнца-то и в глаза не видывал (прохожие совершенно спокойно проходили мимо — я специально понаблюдал).

Меня стал прошибать пот. Но, решив не поддаваться панике, я сначала убедился, что не перепутал местность. Затем тростью проверил наличие витрины на том самом месте, где когда-то находился злополучный проулок. Витрина была, причём со вкусом оформленная, с удачным сочетанием малинового, чёрного и золотого. А вот проулок,

увы, исчез. Стена во всех местах выглядела однородной, безо всяких признаков недавних строительных работ. Мне стало неожиданно горько. Дожил-таки до сумасшествия. От нахлынувшего чувства великой жалости к самому себе я чуть было не расплакался. Вспомнился фильм, где герой в самом конце узнаёт, что у него всю жизнь были галлюцинации, которые он принимал за чистую монету. Как же он там назывался? Впрочем ну его!

В психушку очень не хотелось.

Немного поразмыслив, я решил провести небольшую разведку. Остановив проходящую мимо молоденькую девушку, я, ткнув тростью в вывеску, попросил её подсказать мне название «вот этого магазина». Для убедительности я подслеповато щурил глаза, которые никогда не нуждались в очках.

— Дедушка, какого магазина? Тут же подворотня какая-то! А магазин во-он где! — она правой рукой заботливо взяла меня за локоть, поворачивая в сторону гастронома. Безымянный палец не обременён кольцом, а руки — пакетами с продуктами. Скорей всего, не замужем.

— Спасибо, дочка, — проямлил я дрожащим голосом, — очки вот дома позабыл. Ничего не вижу.

— Давайте я вас доведу, — предложила она.

— Нет, доченька, пойду домой, за очками. Дай Бог тебе здоровья!

Девушка мило улыбнулась и пошла своей дорогой. Значит, всё-таки жёлтый дом.

Я остался стоять пень пнём, уныло глядя ей вслед. Когда она скрылась из виду, я, убедившись, что на меня никто не смотрит, ещё раз проверил свою галлюцинацию на ощупь. Всё было вполне реально. Штукатурка даже крошилась и пачкала руки.

— Упал, отец? — вопрос задал добродушного вида здоровяк, оглядывая меня. Пышная, боярского вида борода делала его похожим на священника, но серьга в ухе и изящная

печатка на пальце подсказывали обратное. Скорее всего, художник какой-нибудь или режиссёр. В общем, человек искусства. Увидев в моём взгляде непонимание, он пояснил:

— Да вот, грязный весь.

Действительно, видок у меня был ещё тот. Штукатурка выпачкала мне рукава и брюки.

Стоп!

Он её видел, штукатурку!

Кое-как отделившись от заботливого бородача, я отошёл в сторонку и присел на старую деревянную скамейку, внутренне ликуя.

Всё-таки я не рехнулся, как показалось сперва. Ну, по крайней мере, не совсем. Но вот беда: только я один видел эту проклятую лавку, остальные видели проулок.

Стеклопанельная дверь распахнулась и выпустила шумную ватагу чумазных ребятишек с футбольным мячом. Они, ссорясь и перебивая друг друга, громко обсуждали только что закончившуюся игру.

М-да, вряд ли ребята играли в мяч посреди всяких статуэток и греческих ваз. Может, стоит войти внутрь и положить конец догадкам и сомнениям?

«Эти вазы, милый Филя, ионического стиля», — пробурчал я себе под нос, поднимаясь со скамьи и направляясь к таинственным дверям.

Внутри не было ни души. Красный мраморный пол, обшитые эбеновой рейкой стены, потолок с яркими светильниками в виде звёздного неба. И дверь с золотой ручкой в виде львиной морды.

Первый шаг уже сделан, поэтому на второй много времени не потребовалось. Потянув за ручку, я распахнул дверь.

Я ожидал увидеть всё что угодно: комнату пыток, набитую глупцами вроде меня, больничную палату с зарешеченными окнами и мягкими стенами, просто пыльный чулан, в конце концов. Но за дверью была весна.

Настоящая, с цветущей ивой на берегу тихого затона, полного окуней, жирных от стрекоз. С сочной ярко-зелёной травой на пригорке, растущей вперемешку с золотыми макушками одуванчиков. Ах, какое варенье когда-то готовила из них мама! Ещё был родной домик с зелёной застеклённой верандой. Во дворе росла могучая сосна. С неё я однажды свалился прямо на грядки с анютиными глазками, а перепуганный насмерть младший братишка громко заревел, не зная, что делать. Вовремя подоспевший отец, подхватив меня на руки, хлопнул по спине, отчего я снова начал дышать. Как испугалась тогда мама, запретив даже близко подходить к сосне! А вот и рыжий соседский кот — снова лежит на крыше нашего сарая. Ждёт, хитрец, когда гуси выйдут на двор. Ставни дома были открыты, из трубы поднимался прозрачный дымок — мать готовила завтрак.

Я уже стоял в самом проходе, готовый вприпрыжку бежать к родному дому. Хотелось смеяться, петь, гонять котейку, снова залезть на сосну и свалиться с неё ещё хоть тысячу раз! Я посмотрел на свои детские руки, уже не скрюченные артрозом. Они крепко сжимали ивовый прут вместо привычной трости. На мне снова были короткие клетчатые штанишки с большой пуговицей на кармашке. И жёлтые сандалики с дырочками. И чуть великоватая мне белая кепка с якорем на козырьке. Так просто дышалось теперь, когда лёгкие больше не были забиты угольной пылью!

Ещё один только шаг — и я смогу остаться здесь. Я понимал это, хотя никто ничего мне не объяснял. Что меня держит в мире, где я живу один в пустой двухкомнатной «сталинке» с видом на двухэтажный барак во дворе, не имея уже никого в живых из друзей и родных? Любушка умерла тридцать пять лет тому назад. Она так и не смогла пережить смерть старшего сына Витеньки, погибшего на Афганской войне. Младший наш сыночек Сашенька разбился на машине двадцать два года назад. А брат Вова перенёс два инфаркта и умер на больничной койке в прошлом году. Он

не был женат и не оставил детей. Близкие друзья давно уже отошли в лучший мир.

И тут я заплакал, по-детски размазывая слёзы по щекам. Господь Бог уж точно не забавляется злыми шутками. Но кто тогда придумал всё это? Кто решил, что я смогу променять груз пережитых лет на безмятежное детство? Выстраданное душой, незабытое и незалеченное временем я просто не в силах отдать взамен. Перешагнуть порог? Но болит моё сердце. Сейчас это уже сердце ребёнка, но оно так и не помолодело.

Я сделал шаг назад, сполна ощутив навалившееся на меня бремя лет. Вчера онколог честно назвал мой срок — не более двух месяцев. Значит, уже скоро. На что мне суррогат жизни? Ведь настоящая — уже за плечами, а впереди — вовсе не конец.

Там только начало.

Решительно захлопнув дверь, я повернулся и, опираясь на трость, вышел на улицу, оставив свою весну позади.

Ворваться в рай

Я никогда не пристёгиваюсь ремнём безопасности, поскольку от него мнутся рубашка и галстук. А чтобы не раздражала сигнальная лампочка, я купил специальную заглушку для фиксатора ремня. Торжество разума над японской электроникой.

Воскресным утром на трассе всегда мало машин. Да и гаишники в это время спят. Я обычно разгоняюсь до ста сорока — ста шестидесяти километров в час. Трасса у нас приемлемая. Говорят — лучшая до самого Урала. Если умешь водить — чего ещё желать?

Владелец Volkswagen Touareg управлял машиной так, как ему хотелось. Лихо вырулил от шашлычной на проезжую часть. Поворота не показал, меня не пропустил. Чтобы не влететь в новенький кроссовер на полном ходу, я резко утопил педаль тормоза. Визг покрышек, размазывающихся по асфальту, наверное, перебудил весь посёлок. К чести моего автомобиля надо сказать, тормоза на нём отменные — на обеих осях, с системой распределения нагрузки. Поэтому машину не закрутило и не выбросило с трассы. Но скорость у меня была более чем приличная — расстояние до немецкого народного автомобиля стремительно сокращалось. Секунда-другая — и лишение прав гарантировано. По внушительному тормозному пути грамотный инспектор легко определит скорость моего движения по трассе. И это — при ограничении в сорок километров!

Поэтому я вильнул рулём на встречную полосу. Зря, в общем. Этот-то манёвр мне и не удался. Судя по всему —

под колесо что-то попало. Кто его знает — что. Может, кусок кирпича — случается и такое.

Через мгновение я врезался в световую опору и от удара со всего размаху налетел грудью на руль. Тут же подушка безопасности резко отбросила меня назад, и я, стукнувшись головой, потерял сознание.

* * *

Пришёл в себя от того, что какой-то бородатый мужик растирал мне уши.

— Ну вот, очнулся. Лежи, не вставай, — торопливо добавил он, видя мои попытки пошевелиться.

Я еле дышал. Сознание путалось. Всё вокруг как-то странно дергалось. Тошнотворный запах крови прятался где-то в носоглотке.

— Что... со мной? — язык еле двигался во рту.

— Грудину сломал, голову разбил.

— Чего? Ты... это... врач?

— Врач. И священник. Тебя как звать?

— Ммм... Семён.

— Семён, ты не хочешь исповедоваться?

— Зачем?

— Я могу исповедь у тебя принять. Скорую я вызвал, но травма груди слишком опасная, риск очень большой... Ну что, будешь каяться перед Господом?

— Не надо... — я плохо соображал, меня сильно раздражал назойливый Божий слуга.

— Послушай, родной, а вдруг не спасут тебя? Не дело выкаблучиваться. А с грехами в Царствие Божие не войти.

«Не пустят?» — спросил я. Нет, кажется, не спросил, а только подумал. Сил говорить уже не хватало.

«Не воспримешь. Даже если тайком проберёшься». Этот голос что — у меня в голове?

«Если рай есть, я туда и так попаду. А если ты врач — спасай меня!»

«Как врач я сделал всё, что мог». Это что — шутка? Или я схожу с ума?

— Ну и пошёл ты...

Закончить фразу уже не получилось, поскольку мир как-то странно закружился. А потом на меня навалилось небо.

* * *

Прошла вечность, а может быть и одна секунда. Я очнулся. Наверное, это был плохой сон. Приснится же такое! Надо вставать, а то опоздаю.

Стоп! Не понял!

Перед глазами вместо спальни вдруг предстала давешняя дорога, моя истерзанная машина. Капот смят в гармошку, стекло вспучено. Рядом стоит тот самый поп из сна и говорит по мобильному телефону.

А на обочине возле автомобиля лежу я...

Растерянность захлестнула меня. Как же это?

Внезапно я оказался в квартире своих родителей. Они сидели на диване, не глядя друг на друга. Никогда прежде не плакавший отец сейчас утирал обильные слёзы. На прикроватной тумбочке стояла моя фотография с чёрной ленточкой. Меня никто не замечал. Время текло как-то странно: то ли оно переключалось эпизодами, подобно фильму, то ли его вовсе не было. Промелькнули мои похороны.

Затем я взлетел куда-то ввысь. Не сам. Ощущение было такое, как если бы кто-то меня тянул. Потом я вновь переживал почти всю свою жизнь. Почти — это потому что я видел только свои скверные дела. То, в чём часто упрекала совесть. Это давило, подобно наркотическому трансу, и я не мог остановить этот ужас. Через целую вечность кошмар — вся эта череда моей грязи — внезапно закончился. Вокруг — колючий нестерпимый свет.словно сто тысяч софитов направили мне прямо в лицо. Будь у меня глаза, я бы закрыл их. Но как раз этого-то я сделать не мог.

Звучал голос, но я всё никак не мог его разобрать. Что-то давило на меня своим присутствием, я задыхался. Был некий вопрос, но я не мог уловить его суть. Вокруг меня присутствовала правда. Она обличала меня во всём. Я был как червяк на крючке. Хотелось бежать куда угодно, только подальше отсюда.

Вдруг всё закончилось. Появилось небо — чистое, безоблачное. Показалась земля — прекрасная, утопающая в зелени и ароматных цветах. Пели птицы. Сиял день, не нуждаясь в солнце. А с неба нисходил величественный город — древние стены из какого-то драгоценного камня. Ворота, распахнутые настежь, переливались перламутром. Городские улицы пылали золотом. У меня захватило дух. Мне непреодолимо захотелось устремиться туда — в этот дивный город невообразимой красоты.

Однако меня тяжко влекло куда-то вниз. Земля словно разверзлась, как при землетрясении. Там, на огромной глубине, горел огонь. Страшный, испепеляющий и леденящий. Там, внизу, были ужас, страдание, тоска, одиночество, злоба и отчаяние. Неужели это ад? Что? Как? Зачем? Ведь это же навсегда!

Я хотел закричать, но не смог. Рывок! Наверх, изо всех сил! Вся моя воля сейчас сконцентрировалась в едином порыве. Туда! В город! Чего бы это ни стоило! Только не в ад!

Разум был готов взорваться от напряжения. Всё естество противилось движению вниз. Моя цель — наверху. Я обязан быть там. Если это и есть рай, я должен в него попасть! Какая удача, что тело не обременяет меня сейчас! Я бы умер вторично от нечеловеческих усилий, которые сейчас прилагал к тому, чтобы достичь города.

И у меня получилось!

Страшная пропасть теперь отдалялась от меня. Я возносился туда, где сиял и пел прекрасный город. Ещё мгновение — и я внутри! Победа! Я убежал от ужаса, больше никогда мне не придётся бояться!

* * *

Золото вокруг было подобно прозрачному стеклу. Оно теплилось, будто светодиод, но не согревало. Город пустовал и безмолвствовал. Сверкали самоцветы в основаниях стен, но я не видел никого, кто мог бы насладиться зрелищем. Вся эта красота царила впустую. Сколько я уже здесь? Минуту? Год?..

В молчаливом отчаянии я метался по выцветавшим и мрачнеющим улицам. Запахи, дивные запахи! Они более не ощущались. Звуки также отсутствовали. Улицы сливались друг с другом безумной схожестью. Или это одна и та же улица? Где же тогда моя золотая нить? Однообразие... Скука... Разум томился. Ничего не происходило уже целую вечность. Что это — обман? Где же хвалёное Царствие Небесное? Нет, так нельзя! Умереть! Уснуть! В ад! Хоть что-нибудь!

По ликующему многолюдному граду — Небесному Иерусалиму — по залитым светом улицам бродил единственный несчастливый человек, не видя и не слыша ничего вокруг, приводя в недоумение каждого, кто сталкивался с ним.

Кровная месть

— Я не буду этого делать! — Юнус вскинул руки, как бы защищаясь. — Лучше сам застрелюсь!

Дени жалостливо смотрел, как старший брат, запустив пальцы в кудрявую копну волос, растерянно метался по гаражу.

— Чего молчишь? Выскажись!

Дени опустил голову, изучая стрелки на своих брюках, прислонился к бамперу старой «Волги». Нащупал рукой на капоте скачущего во весь опор оленя. Закрыв глаза.

— Брат, ты ведь сам понимаешь, на весь наш род ляжет пятно из-за Малики.

— Да кто бы что понимал? — взорвался Юнус. — Кто обратит внимание? Родила — и ладно. Кому какая разница?

— Через одиннадцать месяцев после смерти мужа?! Ты что говоришь? Думаешь, люди глупы? Не в силах отличить одиннадцать от девяти? Скажут: «О, неужели Шамсти иногда навещает свою вдову»? Позор будет не только на ней. На тебе, на мне, сёстрах. На детях.

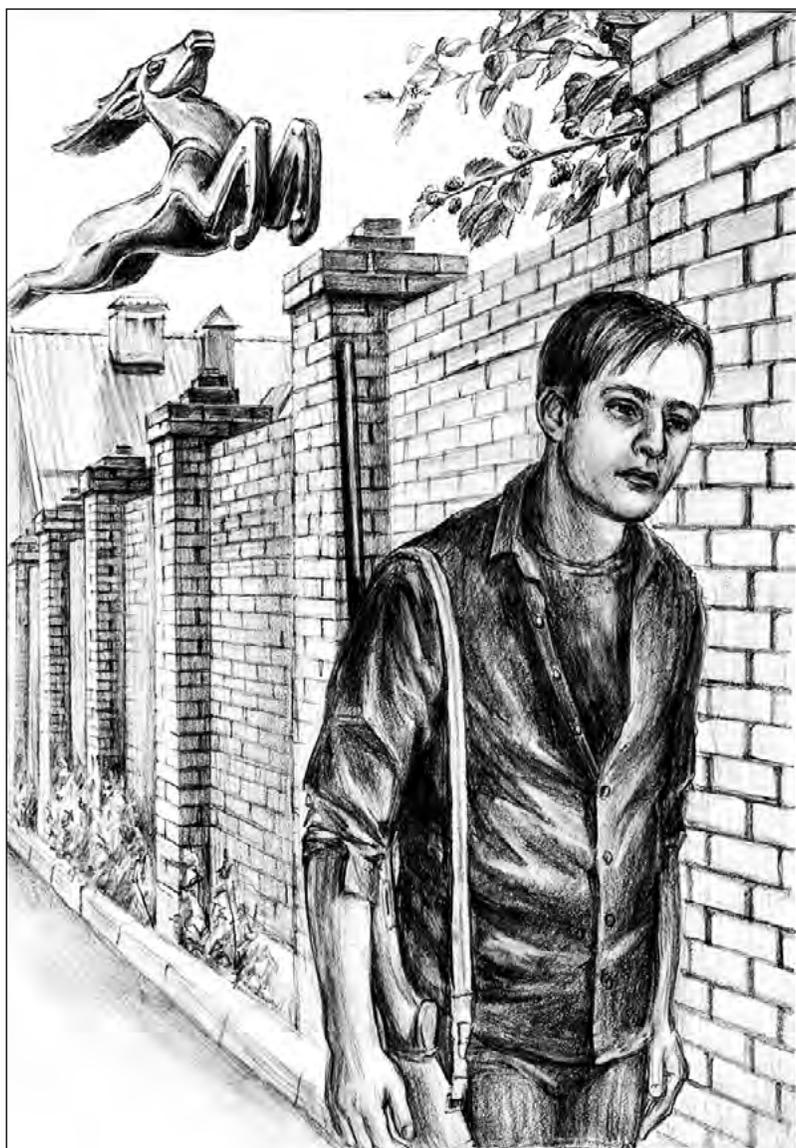
— Да не могу я! Понимаешь? Она — женщина! Как я лишу племянников матери? Я ведь не убийца! Не пойду! Нет! Ну хочешь, я на колени встану, а?

Стремительно подскочив к брату, Дени предотвратил его попытку пасть ниц. Обнял. Горячо зашептал в ухо:

— Что ты? Что ты, родной? Не смей. Чеченцы не встают на колени. Даже женщины.

Юнус тяжело дышал. Его знобило.

— Иди в дом, Юнус. Попроси Лайлу приготовить на ужин чепалгаш. Оставим разговор до завтра, хорошо?

В ответ на кивок Дени ласково похлопал брата по спине и проводил до порога его дома. Вернулся в гараж, сел на корточках перед выдавшим виды автомобилем. Никелированный олень одиноко и гордо мчался вперёд и куда-то выше. Его цель была над горизонтом, и на земле его уже ничто не держало.

Услышав сзади тихие шаги, головы не повернул.

— Что решили-то, мужчины? — язвительно спросила вошедшая в гараж жена.

Дени промолчал, завистливо рассматривая счастливого оленя.

— Ну сделайте вообще хоть что-нибудь! — возвысила она голос. — Или, может, мне юбку снять, брюки твои надеть и самой взяться за это дело? Если мужчин в роду не осталось. В сентябре дети в школу пойдут. Что им скажут? А отец? Он глаза на меня, свою сноху, не может поднять от стыда. Если бы он мог ходить, уже давно смыл бы позор с твоего покойного брата! Молит Бога о втором инсульте!

Дени поднял руку, прерывая гневную тираду.

— Альбика, верёвка хороша длинная, а слово — короткое. Прошу тебя, не ругайся. Завтра Юнус сделает то, что должен сделать. Я всё улажу.

Жена недоверчиво хмыкнула и удалилась в дом.

Дени остался один. Потёр с усилием лоб. Долго сидел, закрыв глаза.

Поднялся, вяло походил вокруг машины, над которой бился уже третий месяц.

Подошёл к верстаку и взял в руки двуствольное ружьё, которым обычно пугали голубей. Повесил за плечо.

Запустил руку в коробку с патронами, вынул полную горсть, высыпал обратно. Холостые сейчас не нужны.

Торопливо, чтоб никто не заметил в окно, пересёк пустой дворик между тремя домами — его, Юнуса и овдовевшего отца. Остановился на мгновение у ворот под грецким орехом, с которого свалился в девятом классе и чуть

не испустил дух. Прислушался к возмущённым крикам, доносившимся из глубины сада, — дети гоняли мяч в лунки, и Марет, его старшая дочь, кажется, уличала кого-то из братьев в нечестной игре.

Потихоньку вышел на улицу и, вежливо здороваясь с попадавшимися на пути соседями, поплёлся мимо кладбища вверх по улице — к дому своего двоюродного дяди.

— Патроны, говоришь? Какой калибр? Двадцатый? А-а... Сейчас, — Солса долго копался в доме и наконец вынес коробку с патронами. — Вот, с пулями. С дробью кончились.

Он покосился на ружьё, висевшее за плечом племянника.

— Что-то ты небритый какой-то сегодня. И стрелки у тебя плохо проглажены. Ладно, пойду домой, русские сейчас с румынами играют. Пока ноль-ноль. Надеюсь, Протасов им покажет настоящий футбол.

И Солса поспешил в дом, оставив Дени сидеть на скамейке. Через минуту из дома раздались истошные вопли:

— Что-о? Один-ноль? Как? На сорок первой минуте! Собачьи дети! Тьфу! Сорок тысяч человек на стадионе! Так опозорить страну! Криворукий Даса...

Дальше Дени не слышал, ибо взял из коробки один патрон, сунул его в карман брюк и выбрел со двора.

Тутовник уже начал осыпаться, и его раздавленные ягоды красили тротуар в белый, жёлтый, розовый и чёрный цвета. Люди, попадающиеся навстречу, старались не замечать либо ружья за спиной у Дени, либо его самого. Он с надеждой заглядывал в их лица, но все делали вид, что человек, прогуливающийся с ружьём по улицам города, — явление не более удивительное, чем заход солнца.

Перейдя через проезжую часть перекрёстка, Дени вынужден был остановиться — по тротуару неспешно шёл, опираясь на палку, седовласый старик в папахе. Хотя до него было метров десять, было бы непочтительно переходить ему дорогу. Вскоре старик поравнялся с ним,

окинул властным взором, одобрительно качнул головой и проследовал дальше.

Дом брата был уже совсем рядом, когда из-за поворота выехала милицейская машина. Дени встал как вкопанный и облегчённо устался на неё. Водитель между тем сбавил скорость до минимума. Милиционеры в течение целой минуты изучали Дени через окна с опущенными стёклами. Затем, показав правый поворот, «бобик» свернул на другую улицу и уехал, оставив Дени потрясённо глядеть ему вслед.

Прислонившись спиной к низкому кирпичному забору, который они с Шамсти и Юнусом когда-то выкладывали самостоятельно, Дени сел на корточки, откинул голову назад и долго смотрел в медленное розовое небо. Потяжелевшая двустволка лежала на его руках. Загнав патрон в патронник ствола, он, удерживая открытое ружьё на сгибе руки, вошёл во двор, оставляя своё счастье где-то далеко позади.

— Малика! — закричал он так громко, как только смог. — Выходи и встреть свою смерть!

Ответом ему был испуганный плач младенца. Он вздрогнул. Голова как-то странно закружилась.

— Малика, выходи! — взревел он, перекрикивая футбол, «Изауру» и безмятежность всего мира, — Это я, Дени! Я пришёл убить тебя!

Он затворил ружьё и взял его наперевес, не взводя курка.

Дверь открылась, и на порог вышел старший сын Шамсти — Арсен.

— Уходи, Дени! — крикнул подросток так, чтоб слышали соседи.

Дени устался на племянника. Тот смотрел исподлобья прямо в его глаза.

— Она — моя мать! Не дам её убивать! Что бы она ни сделала! Хочешь — в меня выстрели! Зачем ты пришёл? Иди домой! Пусть на мне будет позор! На мне одном!

Опустив ружьё к земле, Дени закрыл глаза, вдохнул сладкий запах вечерней прохлады и представил, как одинокий олень взлетает в небо и парит над всей землёй.

Спустя минуту он спокойно и чинно шёл по розовой улице, но в душе своей бежал, взлетая, раскинув руки, словно крылья, и счастливо смеялся, не замечая никого вокруг.

Ружьё, никогда не стрелявшее ничем, кроме холостых патронов, осталось валяться в пыли под ногами юного Арсена, который благодарил Бога, что его никто сейчас не видит, и плакал, украдкой утирая слёзы.

А когда спустя месяц хоронили старого Лечу, Арсен молча стоял отдельно от всех мужчин, поскольку был опозорен. И только один Дени тайком поглядывал в сторону племянника.

Постоялец

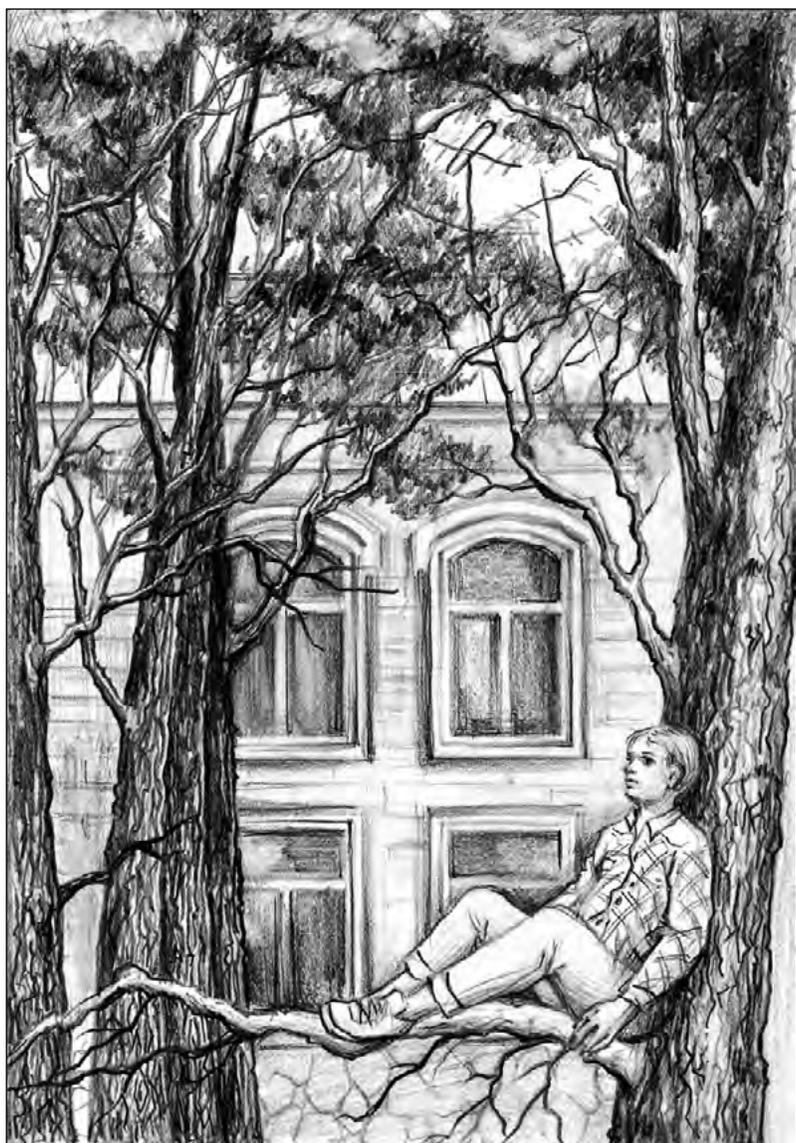
Солнце клонилось к закату. Его розоватый свет нежно выстилал покатые крыши, усыпанные ежистыми антеннами, слегка погнутыми от недавнего урагана.

Узкая улочка спускалась между домами к дамбе. В звонкой тишине летнего вечера отчётливо слышался шум быстрой речушки. Сочные кроны тополей едва колыхались от ленивого ветерка, который, казалось, был утомлён длительным перелётом от холмов, что виднелись вдали. Таким же ленивым выглядел этот городок: опустевшие улицы разомлели от жары и готовились ко сну.

В дворике двухэтажной гостиницы с одинаковыми окнами на толстой ветке старого тополя лежал мальчишка пятнадцати лет. Листва здесь выросла достаточно густая, образуя надёжное укрытие. Болтая в воздухе ногой, обутой в кроссовку, он следил за одним-единственным окошком. В нём вот-вот должна появиться дочка владельца гостиницы. Её зовут Анной — обладательницу самой красивой в мире улыбки, милых карих глаз с солнечными зайчиками и доброго доверчивого сердца. Только её присутствие озаряет для него этот город, помимо глупых фонарей.

* * *

К гостинице подъехал шумный грузовик с бортами. Из кузова выбрался среднего роста мужчина, одетый несколько вразнобой: из-под застёгнутого на все пуговицы серого вельветового пиджака торчала чёрная футболка, синие джинсы будто спорили с кричаще-белой кепкой. Он отряхнулся, махнул рукой водителю, и грузовик уехал.

Прежде чем войти через парадный вход, мужчина не спеша обошёл вокруг гостиницы. Проходя через дворик, он задержался, оглядывая окна. Ровно настолько, чтоб заметить, как в одном из них появилась румяная девушка лет пятнадцати, чья ладная фигурка заманчиво очерчивалась через лёгонькое сатиновое платьице бледно-персикового цвета.

Анна знала, что Виктор давно уже занял свой наблюдательный пункт. Его клетчатая рубашка предательски виднелась через листву, но девушка ни разу не показала, что его секрет раскрыт. Ему нравилось смотреть на неё, а ей не хотелось разочаровывать влюблённого хулигана. Он с самой весны под вечер всегда приносил ей белые гортензии, кроме того дня, когда разбушевался ураган. Неуклюже протягивал и сидел рядом, глядя на неё во все глаза, пока она развешивала постиранное постельное бельё. Потом она возвращалась в гостиницу, а спустя полчаса заходила в свою комнату, где переодевалась в уличное платье, повернувшись спиной к забывавшему, как дышать, Виктору.

Этот-то момент и уловил человек в белой кепке. Он стоял и, облизнув вмиг пересохшие тонкие губы, пристально смотрел на обнажённые девичьи плечи. А полутора метрами выше на него угрюмо взирал сердитый подросток, одновременно размышляя, отчего у того хмыря сзади так странно топорщится пиджак.

* * *

Дом, где располагалась гостиница, был старый. Нижний этаж его состоял из холла со столом регистрации постояльцев, за которым обычно сидел сам хозяин заведения, и двух длинных коридоров, из концов которых шли лестницы наверх. Слева располагались жилые комнаты, справа — подсобные помещения. Мужчина вежливо поздоровался, снял на ночь комнату на втором этаже и стал спрашивать, где можно поесть. Выяснилось, что в правом крыле первого

этажа можно поужинать солянкой и яичницей с овощами. Уже через четверть часа, управившись с нехитрой снедью, он неспешно потягивал холодное пиво в невзрачной столовой: белёные стены, трещины по потолку, разбегающиеся в прихотливом узоре, клеёнка на столах и скамейки возле.

Горела хрустальная люстра, пахло мылом и пережаренным подсолнечным маслом. Других постояльцев в столовой не наблюдалось. За стойкой грузная женщина в белом халате энергично протирала вымытую посуду, напевая под нос какой-то популярный мотив. Мужчина достал из кармана пиджака сигареты, затянулся и слушал задумчиво. Та цыпа, которую он видел в окне, деловито вбежала, чтоб из длинной булки соорудить закрытый бутерброд. Он засмотрелся на её стройные ноги с тоненькими голубыми жилками на коленных сгибах, и пепел с сигареты упал прямо в кружку с пивом.

* * *

Закончив с делами, Анна сделала Виктору большой бутерброд, так как знала, что тот, как правило, голоден с утра. Это уже стало неким ритуалом. Он приносил ей цветы, а она ему — еду. Пока Виктор ел, она обычно поливала клумбу с ужасно вредными пионами, которые никак не желали цвести и просто торчали зелёными кустами. Покончив с бутербродом и клумбой, они обычно отправлялись на прогулку вдоль речки, где Виктор всякий раз удивлял её — то умением «печь блины», левой рукой добрасывая плоский камушек до противоположного берега, то знанием, где можно найти птичье гнездо и посмотреть на птенцов. Малоразговорчивый, он был в то же время удивительно чутким и внимательным кавалером. Всегда тактичным и порядочным. Всякий раз, когда ему удавалось привести Анну чем-нибудь в восторг, он восхищённо смотрел на неё, словно делая снимок на память. А сегодня он, заявив, что приготовил подарок, увел её далеко на другой

берег речушки. Полукасовое путешествие через старьй лог и ольшаник — и он показал ей еле заметный выход породы из скалы. Осыпающийся камень там и тут блестел бледно-фиолетовой росой в закатном огне. Виктор достал из левого кармана джинсов отвёртку и расковырял одну из щелей. Вскоре он положил на ладонь Анны небольшой аметист, спрятал отвёртку и уселся рядом. Девушка подняла ладонь и посмотрела сквозь кристалл на мгновенно ставшее сиреневым солнце. Тут можно найти целую жилу кварца и заработать много денег, а Виктора, похоже, волновала только реакция Анны. Это было так чудесно — значить для этого милого мальчика с янтарными глазами больше, чем весь белый свет! Анна наклонилась, протянула руку и коснулась его жёстких коротких волос. Виктор вздрогнул и прикрыл глаза. Обвив шею юноши руками, Анна мягко поцеловала его в губы. Тот кончиками пальцев осторожно дотронулся до её руки, и они замерли, очарованные моментом, пока солнце мчалось за горизонт.

* * *

Вернувшись в свою комнату, Анна отворила окно и, высунувшись наполовину, всей грудью вдохнула сияющего лунного счастья с ароматом акации. Хорошо слышно было, как шумели листья старого тополя, как стрекотал сверчок где-то снаружи, как мурлыкал сытый кот, вышедший на ночную прогулку. Некогда привычный, шум речки теперь завораживал, а луна, казалось, занимала полнеба и звала мечтать, мечтать, мечтать...

Девушка задумчиво отошла от окна, положила на стол аметист и зарылась лицом в подаренные гортензии. Медовый их аромат опьянял, умножая обаяние этой необычной ночи. Один из цветков походил на вспорхнувшего мотылька, и Анна осторожно поцеловала его. Затем она откинула покрывало с кровати, поправила подушку и легла, соскальзывая в объятия крепкого девичьего сна.

* * *

Виктор снова находился на своём наблюдательном посту. Сердце бешено стучало, он всё ещё ощущал вкус её губ. Он видел, как Анна выглядывала из окошка, и даже затаивал дыхание, чтоб она не догадалась о его присутствии. Теперь парень чувствовал, что она спит, и лежал, глядя на редкие звёзды. Домой торопиться не стоило, так как мать наверняка принимала очередного гостя и появлению сына вряд ли обрадовалась бы. Да и запаху ненавистного винного перегара гораздо предпочтительней благоухание летней ночи. Можно было, конечно, подловить собутыльника матери в тёмном углу, когда он пойдёт к себе домой, чтобы облегчить его карманы, но сегодня приключений не хотелось. Только бы лежать тут, неподалёку от милой спящей Анны. Лежать и мечтать. Но не о будущем, которое вряд ли есть у них — безотцовщины-шалопая и красавицы из богатой семьи. Мечтать всего лишь о том, что вот сейчас она увидит дурной сон, проснётся и назовёт его имя. Негромко. Но он услышит. Услышит и скатится вниз с дерева, бесшумно подцепит вон тем прутиком крючок на наличниках и перемахнёт через подоконник кухни. Затем по коридору до лестницы, вверх, третья дверь слева. Он войдёт и будет всю ночь сидеть у двери, охраняя покой своей любимой.

* * *

Постоялец ждал. Он сидел и слушал, как стучат по коридору тувельки той симпатяшки. Слушал, как она открывает дверь и входит внутрь. Слушал лёгкий удар крючка о петлю. Крючок, а не замок. Как же это удачно! А потом слушал собственное дыхание, отсчитывая время, необходимое для того, чтоб она уснула. Вышел в коридор, подкрался к двери, прислушался к тишине, затем достал из кармана сложенный вдвое лист бумаги и вставил в щель между дверью и косяком. Осторожно приподнял им дверной крючок и вошёл в комнату. Девчонка лежала на кровати,

одетая в полупрозрачную ночную рубашку: лунный свет слегка озарял её нежное лицо. Незванный гость аккуратно притворил за собой дверь и снова накинул крючок. Никто не помешает. И он приготовил кляп — чтоб никто ничего не услышал. Потом наведается к тому козлу, из-за которого сел на пять долгих лет. И тот ответит сполна! А утром его в этом мерзком городишке уже не будет. Товарняк увезёт его уже в половине шестого. Но всё это чуть позже. А сейчас — она. Чувствовался её запах — такой волнующий. Аромат нежной юности. Два осторожных шага вперёд — но вот под ногой предательски скрипнула доска пола. Девушка непроизвольно мотнула головой и открыла глаза.

Анна смотрела на незнакомого мужчину, непонятно как оказавшегося в её комнате, и чувствовала животный страх. Его вытянутое лицо с водянистыми, ничего не выражающими глазами словно парализовало волю, не позволяя позвать на помощь. Он подскочил и навалился на неё своим телом, а его шершавые пальцы торопливо пытались поймать её обнажившиеся колени. Девушка закричала, но крик тут же захлебнулся, когда потная ладонь, воняющая луком и табачным дымом, зажала ей рот. Отчаянно мотая головой, она рвалась и пыталась вскочить с кровати. Другая рука насильника змеёй скользнула под её одежду. Не помня себя от отвращения и ужаса, жертва попыталась оттолкнуть нападавшего пинком в живот, но тщетно. А в следующий момент в её глазах вспыхнули мириады красных звёзд, и она потеряла сознание, ударившись затылком о край кровати.

Дрожа от волнения, бывший заключённый разорвал на девушке ночную рубашку, но в ту же минуту в комнату, молниеносно сорвав дверной крючок с петельки, ворвался бледный худой паренёк с тонким шрамом на правой щеке. Вскочив на ноги, мужчина выхватил из самодельной кобуры за спиной армейский пистолет и нацелил его в живот неожиданному нарушителю трепетного момента. Мгнове-

ние — и предохранитель сухо щёлкнул, переводя оружие на стрельбу короткой очередью. Увидев Анну, лежащую на кровати без сознания, Виктор, еле справившись с внезапным головокружением, яростно выхватил из кармана заточенную отвёртку и бросился на врага. Три пули без труда пробили его тело насквозь, чудом не задев позвоночный столб. Это дало Виктору возможность нанести насильнику резкий удар в правый бок и дернуть рукоятку на себя, разрывая тому печень. А потом он завалился на спину и умер, глядя на бесчувственно свисающую с постели руку своей возлюбленной и уже не слыша испуганных голосов в коридоре.

Пять месяцев жизни

Пробуждение из небытия наступало долго и неясно. Чувства ещё не появились, только смутное осознание своего «я». Был Свет. Совсем рядом. Он нежно ласкал юную, только что созданную душу, удивлённую собственным существованием. От Него исходила любовь, согревая крохотное, размером почти в одну клеточку, тельце, питая жизнью, окружая заботой и наполняя необъяснимой радостью и спокойствием...

* * *

Юное существо училось управлять обрётённым сознанием, которое работало пока что только на восприятие, давая возможность впитывать происходящее, как губка впитывает воду. Ощущалось присутствие Бога. Дав жизнь, Он поддерживал её, наполнял смыслом и дарил Самого Себя. Время вытеснялось вечностью, прерываемой частыми снами. Они давали отдых от ярких впечатлений, несли что-то необъяснимое, сладостное. Была лёгкость, какую ощущают лишь птицы небесные, скользящие в струях летнего ветра...

* * *

Вскоре ощущение полёта стало незаметно проходить. Изю дня в день становилось всё тяжелее, сны менялись, чувство вечности ускользало: наступало Время. Хотелось удержать уходящие впечатления, вернуть в прежнем объёме, но оказалось, что это невозможно. Росло тело. Рост притуплял чувства и несколько изменял способы позна-

ния окружающего. Становилось как-то неловко и тесно, но с течением времени вчерашние ощущения улетучивались из крошечной памяти, живущей только настоящим. Во снах появлялись цветовые гаммы, обрисовывались смутные контуры внешнего мира...

* * *

С каждым днём Божье создание обретало всё больше уверенности, что его тело является чьей-то маленькой частицей. Кто-то питал его и заботился о его безопасности.

Кто-то шепнул ему новое слово: «мама». Оно породило в душе новое чувство, которое стало нарастать и скоро захлестнуло сознание сладостным волнением, чувство, укрепившееся навсегда, — нежнейшая любовь к той, что называлась мамой...

* * *

Человек! Он был человеком, притом мужского пола. Мальчик. Правда, тело ещё не сформировалось, ведь ему исполнилось ещё только семь недель со дня пробуждения к жизни, но пол был уже определён уникальным набором генов, как и многое другое, например, цвет глаз, голос, характер. Он будет любить петь, у него будет сочный баритон и тонкий музыкальный слух.

Сны обретали всё более чёткие контуры, несли всё больше информации...

Интересно, знает ли мама о моём существовании? Ведь я — внутри, и она не может видеть меня. Но она должна чувствовать мою любовь. Да и вес мой растёт, и потребности в пище увеличиваются. Из снов я теперь знаю, что есть небо, облака, солнце и деревья, и хочу увидеть всё это собственными глазами. Но больше всего мне не терпится увидеть маму. Я знаю, что она самая красивая и добрая. Скорей бы наступил день моего рождения! Он должен быть весной — через шесть месяцев.

Весна. Какая она?..

* * *

Малышу снился чудный сон. Он с мамой был в зоопарке, но звери не сидели в клетках, а свободно гуляли по украшенной сочной травой территории. Жирафы подозрительно обнюхали их и, покрывшись от нетерпения разноцветными пятнами, стали ожидать угощения. Мартышки же от бананов отказались и, смешно кривляясь, умчались понимать старого бегемота, мирно дремавшего в луже, заросшей тиной. Мальчик хотел было поиграть с кудлатыми медвежатами, что шумно возились, отбирая друг у друга банановую кожуру и кусаясь, но внезапно пошёл сильный холодный ливень, и мама, подхватив сынишку на руки, поспешила укрыть его под навесом...

Сон прервало появление Ангела. Малыш видел Ангела впервые, но он ему очень понравился. От него исходили свет и любовь. Внезапно всё тело пронзила жгучая красная боль. Во сне мальчик не заметил, как к нему подобрался острый инструмент. От него пахло смертью. Ножницы стали методично отсекал крохотные ручки и ножки, заставляя ротик малыша открываться в беззвучном крике.

Мама, мамочка, беги отсюда, спаси меня, мама!

Хищно изогнув свой клюв, приблизился крючок Брауна к головке малыша и отделил её от четвертованного туловища. Маленькое тельце ещё раз судорожно дёрнулось и затихло...

С ужасными воплями налетели было полчища бесов, почуявших смерть некрещёного младенца, но Ангел отогнал их властным движением руки. Он взял трепещущую от страха пятимесячную душу и, нежно прижав к груди, начал своё восхождение к Богу.

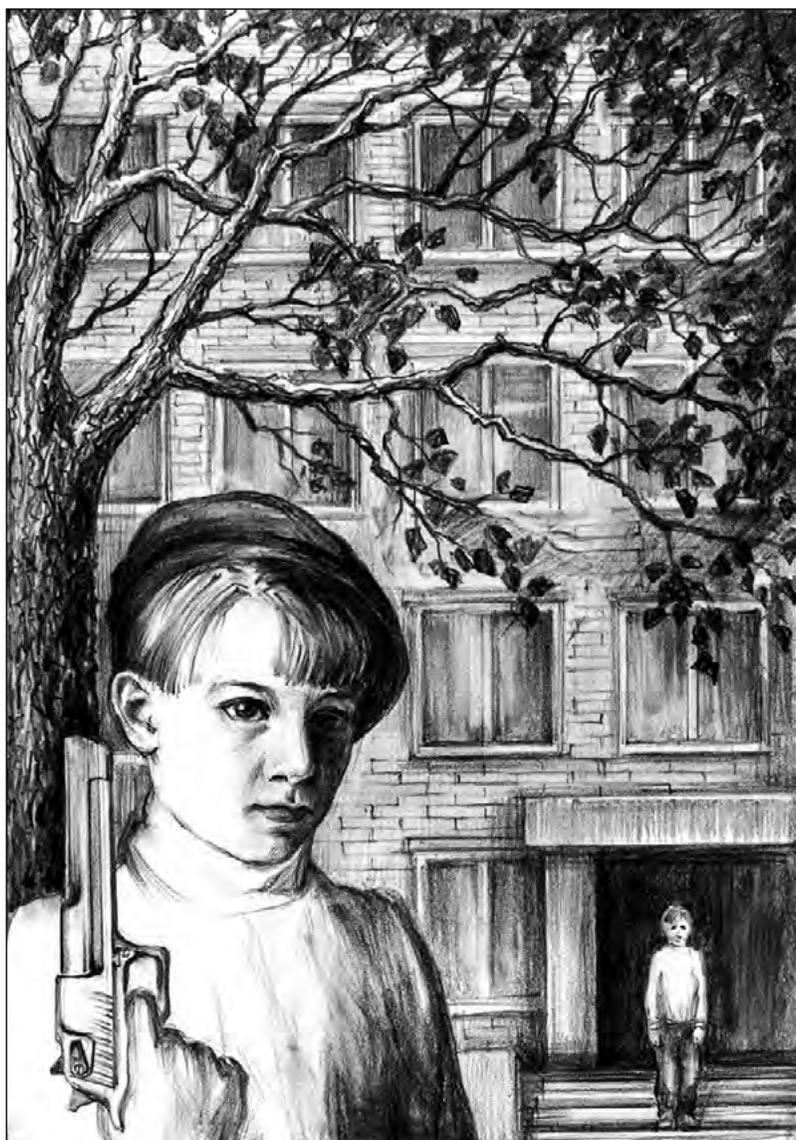
Малыш же, прильнув к любящему сердцу Ангела, думал о маме...

Ангел-хранитель

День стоял превосходный! Даром что, согласно календарю, лето кончилось. Солнце старалось вовсю, заливая в класс русского и литературы через распахнутые окна горячее золото. Ужасно повезло, что по алгебре меня не спросили! Попробовал бы кто постоять у доски, когда маленькая, но очень злая математичка кричит, что ты идиот, а для убедительности лупит указкой по парте! Забываешь даже таблицу Пифагора! Что касается биологии, так мы давно придумали ловкую схему: перед уроком несколько человек сидят и усиленно читают. Но не всю тему, а каждый свой параграф. И вызываются добровольцами отвечать. Замороженная биологичка ужасно довольна своими передовыми методами преподавания, да и нам хорошо.

На инязе вместо порядком надоевших уже временных форм снова слушали «Битлз» и пели хором песню про вчерашний день, готовясь к выпускному. И это в начале учебного года! Подозреваю, что пожилая англичанка просто филонила. Было ещё «окно» — на физру я мог не ходить, так как почки мои болтались чуть ниже того, где следовало. Поэтому я просто потолкался в живом уголке и подсыпал рыбкам в аквариум щепотку специально припасённого стирального порошка. Рыбки бодро подкрепились, но умирать почему-то не стали.

Урок физики прошёл, как всегда, интересно. Ирина Александровна — женщина замечательная, но рассеянная, чем мы с Пашей вполне успешно пользовались. Мы сидели вместе и прикалывались на каждом уроке. Ну, кроме алгебры с геометрией, само собой. Иногда Паша просто ложился на парту, краснел и дёргался в конвульсиях, силясь

не заржать как конь. Мы могли смеяться, даже просто переглянувшись. С физикой отношения у нас были натянутые, но учительница почему-то гордилась нами и даже считала хорошими теоретиками. Во время опросов мы наловчились отвечать ничего не значащими фразами. Выглядело это приблизительно так:

— Костецкий, скажи нам, пожалуйста, что такое дифракция света?

— Ну, Ирина Александровна, ну это же элементарно... — разводил он руками.

— Дифракция света — это...

— Явление...

— Которое наблюдается при распространении света...

— Ну да!

— В среде с резкими неоднородностями.

— Резкими (*многозначительный кивок*).

— Что при этом происходит?

— Как это — «что»? (*возмущённое выражение лица*).

— Происходит нарушение прямолинейности его пространства. Так?

— Конечно, Ирина Александровна, да это все знают! (*большие удивлённые глаза, выражающие недоумение по поводу существования вероятных неучей в классе*).

— Хорошо, Павлик, четыре.

И Паша — её любимчик, высокий блондин, похожий на Дэвида Боуи, садился с небрежным видом гения. Все уже давно привыкли к нашим выходкам и иногда спорили: смогут ли Пашка с Мишкой обойтись вовсе без слов? Однажды Паше и вправду удалось обойтись одними лишь междометиями, жестами и многозначительными взглядами. Но сегодня его рекорд побил я!

Худенькая учительница неловко расчертила на доске таблицу, которую заполняла с нашей помощью. В руках она держала журнал, приводящий всех в трепет. Паша с самого начала урока полулежал на парте, всем своим видом демон-

стрируя ужасное самочувствие. На испуганный вопрос он, еле ворочая языком, сказал, что у него, как обычно, подскочило давление. Нет, домой он не пойдёт, хочет послушать урок. Да, глаза почти не видят ничего, но слух работает. Нет, медпункт закрыт. Да, таблетку выпил, но что-то не помогает. В общем, отвертелся. Опрос продолжался, поблажек физичка на этот раз не давала. Тройку получил даже Лёха Чупин — лучший физик в классе, у которого не списывала только сама учительница. И тут очередь дошла до меня. Как раз тогда, когда я уже почти дорисовал на спор барашка. По-моему, даже девчонки в тот момент затаили дыхание.

— Фролов. Следующая колонка. Поляризация света.

Я встал, досадливо оглядел нарисованный мной прямо на парте закрытый ящик с одной дыркой, после чего почесал затылок и спросил, нахмутив брови в мучительной попытке вспомнить что-то важное:

— Ирина Александровна, а я вот не совсем понял про интерференцию вторичных волн, — мой голос выражал смущение и некоторую растерянность. Кстати, а может, мне в Щукинское пойти после школы? Ну его, этот медуниверситет!

— Как? А что конкретно тебе непонятно, Мишенька? — физичка сняла большие круглые очки, и её лицо потеряло напускную строгость.

— Вы уж простите, Ирина Александровна, да вот — дополнение Френелем принципа Гюйгенса...

— Чего? — раздался сзади недоверчивый Лёхин голос.

Следующие десять минут физичка, позабыв обо всём на свете, в подробностях рассказывала мне про принцип Гюйгенса-Френеля и всякие там когерентные колебания, которые интерферируют, или типа того. Всё это время класс пребывал в немом восторге. Выслушав лекцию с умным видом, то кивая в знак согласия, то делая недоумённые жесты, я сердечно поблагодарил учительницу и... сел на место. Опять четвёрка.

Литература, последний урок на сегодняшний день, проходила вполне предсказуемо, и я от всей души досадила аристократичной учительнице, заявив на опросе, что у Есенина знаю наизусть «Белую берёзу», ту, что под окном. На раздражённое замечание, что этот стих относится к программе второго класса, я с наслаждением заявил:

— Вера Константиновна, но ведь Вы, когда задавали Есенина, не конкретизировали. Так что к уроку я готов.

На волне всеобщего одобрения, довольный собой, я вышел с Пашей из здания школы. У крыльца жарились на солнце восьмиклассники, рассматривая пневматический пистолет в руках своего заводилы — Жеки Елагина. Пистолет был точной копией «пустынного орла», с которым в американских боевиках разгуливает каждый уважающий себя положительный герой, когда наступает время сурово покарать героев отрицательных. Не успел я позавидовать счастливому обладателю недешёвой заморской игрушки, как она тут же оказалась в широкой ладони моего приятеля.

— Э, Пахан, что за дела? — возмущился было Елагин.

— Не бойся, человек! Мир будет в безопасности! — торжественно провозгласил Паша, с размаху опустив другую ладонь восьмикласснику на плечо и, кажется, слегка отбив его. — А ну рассказывай, как тут чего работает, и ничего тебе за это не будет!

Авторитета среди восьмиклассников у меня было много, зато у Паши — с избытком. Только поэтому потрясающе красивый пистолет перешёл на время ко мне. К неудовольствию Жеки, разумеется, которое он не преминул выразить вслух. «Орёл» приятной тяжестью влился в мою руку. Бравируя перед сопляками, я прицелился по верх их голов в сторону школы, держа пистолет не прямо, а боком, оттопырив локоть, словно чернокожий гангстер. Как я нажал на спусковой крючок, непонятно до сих пор. Паша утверждает, что меня нечаянно толкнули, а Елагин и его прихлебалы ограничились обидным комментарием:

«Овца есть овца». Так или иначе, реальный факт в том, что пистолет выстрелил, когда находился в моей руке. А пулька — металлический шарик — попала в шестиклассника, так не вовремя выбежавшего из школы.

Попала ему прямо в глаз.

На фоне всеобщего галдежа и без того негромкий звук выстрела не услышал никто. Пистолет был тут же кем-то вырван из моей ладони и унесён подальше. Чтоб избежать неприятностей, восьмиклассники потом говорили, что ничего подозрительного не видели. Милиция решила, что стрелял кто-то издалека из винтовки. Возможно, из окна дома напротив или из проезжающего автомобиля. Паша меня не сдал по дружеским соображениям. А сам я просто испугался. Раненый мальчишка ведь завопил тонким голосом, словно заяц. Завопил и сел прямо на асфальт, зажимая глаз ладонью. От боли он сучил ногами, а из-под ладони вытекала струйка крови. Моя голова закружилась, а крик мальчишки словно пронзил меня насквозь. Засвербило где-то в районе живота. Захотелось в туалет. Паша тянул меня в сторону, но я не мог двинуться с места и всё стоял и смотрел, смотрел...

Всю ночь я не мог уснуть и боялся, что вот-вот зазвонит дверной звонок, а на пороге появится участковый. Я придумывал легенды одна правдоподобнее другой, чтоб меня не призвали к ответу. А на следующий день я увидел отца этого шестиклассника в школе. Высокий бледный мужчина выходил из кабинета директрисы. Конечно, кто угодно мог выходить оттуда, но я как-то с первого взгляда понял, что такие, полные боли глаза могут быть только у отца. У папы. Я встретился с ним взглядом, и внутри полыхнуло одновременно огнём и морозом. Он смотрел в мою сторону всего лишь полсекунды и потом перевёл взгляд дальше, а для меня время как будто остановилось в тот момент. Совершенно ясно я почувствовал, что это моему ребёнку выстрелили в глаз. Моему. Тому, которого я носил

на руках. Тому, который не давал мне спать по ночам. Тому, чьим успехам я радовался больше, чем своим. И я понял, глядя в глаза этого человека, что он, не задумываясь, будет рад отдать свою жизнь, лишь бы его сыну никогда не было больно и страшно.

Недели три я не видел мальчишку в школе. Я посещал занятия, огрызался с дерзкими восьмиклассниками, придумывал новые хохмы с Пашей, но какая-то часть меня всё время отсутствовала. Когда я, наконец, его увидел, он шёл с какой-то симпатичной рыжей девчушкой, видимо одноклассницей, и весело смеялся. Его левый глаз не закрывала чёрная повязка, как я ожидал. Я прислонился к стене, не очень хорошо сдерживая счастливую улыбку. Но когда они проходили мимо, вдруг увидел, что у него белок вокруг радужки налит кровью, а сам зрачок мутный и неестественно расширен. Они прошли мимо, а у меня губы словно примёрзли к лицу. Со странной гримасой я вышел из школы, завернул за угол и остановился. Внутри было неопределённое гадкое чувство. Себя я не ненавидел. Вряд ли я на это способен. Сердце билось, на глаза наворачивались слёзы, я их всячески сдерживал. Ещё чего не хватало! Пальцы почему-то дрожали. Прозвенел звонок, и я отправился на литературу.

Опоздав на целых пять минут, я, не моргнув глазом, твёрдым голосом сообщил, что задержался в туалете из-за расстройства кишечника и матерных стихов, написанных на стене. Стихи оказались подписаны почему-то Владимиром Маяковским, но я, конечно же, в это не верю. Ну не мог же известный пролетарский поэт сочинить такое! Ясно дело — оболгали завистники. Что? Сегодня урок как раз посвящён Маяковскому? Не может быть! Какое совпадение! А я вот как раз недавно ознакомился с его наследием...

В течение следующих пяти минут я отказывал Маяковскому в праве быть великим поэтом, критикуя его манеру стихосложения. Особенно изощрённо я поглумил-

ся над рифмами: «люди — верблюдик, в лоне — слоник». А напоследок рассказал про него несколько неприглядных историй с участием Есенина. Как и всегда, весь класс был в восторге от моей шутки. А я просто заранее выяснил, что Маяковский — её кумир, потому и затеял всё это представление. Вот только она и виду не подала, что я задел её чувства. А мне так и не полегчало, хоть я и выплеснул на неё всю ту бурю, что бушевала у меня внутри.

Я продолжал жить жизнью, полной весёлых затей, планов, надежд. А за тем мальчишкой начал приглядывать. Как если бы я был... ну, его ангелом-хранителем, что ли. Просто немного изменил свои маршруты следования по школьным коридорам. Вот он играет с одноклассниками в «сифу» тряпкой. Вот он косолапо бежит, опаздывая на урок. Вот он идёт с той самой рыжеволосой девчонкой, несёт её сумку с учебниками.

Сегодня Паша с Виталькой Скибой и Лёхой Чупиным взяли у молодой химички ключ от класса, чтобы после уроков распить бутылку венгерского красного, заверив её, что они за собой всё приберут. К вину я относился равнодушно, а потому не остался с ними зависать и пошёл домой одиноким маршрутом — через школьный стадион. Впереди гопники зажали кого-то у забора — обычное дело. Автоматически я изменил направление в безопасную сторону. Не заметили — и слава Богу!

— Ты чё, одноглазый, обурел? Дай сюда! — после этих слов послышался глухой удар и сдавленный стон. Я резко обернулся, ноги стали ватными. Так и есть! Они поймали моего подопечного и теперь били, пытаясь сорвать с его руки наручные часы. Драться я совсем не любил, противников было двое, оба моего возраста, в гадких кепках, спортивных трико и остроносых ботинках. Как будто вышли из плохого кино.

Очень хотелось убежать, но вместо этого я, пересиливая себя, сорвал с плеча увесистую сумку с учебниками и побе-

жал к месту действия. На бегу раскрутил сумку и швырнул её в затылок одного из них. Тот стукнулся лицом о металлические прутья забора. Второй, не отпуская руку своей жертвы, обернулся и поймал подбородком прямой удар моей левой. Удар был несильный, но резкий, ошеломляющий. Следом уже летел удар правой. Тоже прямой, но мощный. Попади мой кулак точно в центр подбородка, был бы нокаут. Прямо как в боксе. Я эти два единственных удара тренировал дома ежедневно с лёгкими гантелями в руках. Довел до полного автоматизма, вдохновлённый словами Брюса Ли: «Я не боюсь того, кто изучает десять тысяч различных ударов. Я боюсь того, кто изучает один удар десять тысяч раз». Противник упал на спину и, обескураженный, подниматься не спешил. Второй понял, что напал на них всего лишь один я, и, разозлённый ударом сумки по голове, пнул меня в живот. Удар пришёлся вскользь и сильной боли не причинил. Пуловвер, правда, испачкал. Времени у меня было мало, первый уже начинал вставать, и я подхватил с земли какой-то кирпич. Не особо соображая, швырнул его в гада, который меня пнул, и попал ему прямо в грудь. А того, который уже поднимался с земли, начал беспорядочно топтать обеими ногами. Больно ушибленный кирпичом, гопник с испугу обратился в бегство, даже не пытаясь спасти своего подельника.

— Уйди, уйди от меня! А-а-а! — заорал лежащий на земле, решив, что пришла его смерть.

— Убью! — безумным голосом заорал я, решив ему подыграть, подскочил к жёлтому тополю и стал отламывать большую ветку, громко перечисляя страшные казни и якобы собираясь их сейчас совершить. Как я и планировал, дожидаться он не стал и рванул через футбольное поле, ни разу не оглянувшись.

Меня колотило. Сердце пыталось выскочить через горло, а в висках стучал отбойный молоток. К почкам как будто кто-то привязал верёвки и теперь тянул за них вниз.

Я наклонился вперёд, уперев ладони чуть выше колен, и посмотрел на мальчишку. Он был растрёпан и очень напуган. Похоже, он думал, что я ничем не отличаюсь от его обидчиков. Я ободряюще, как мне показалось, кивнул ему и, немного отдышавшись, выдавил:

— Я в одиннадцатом «А» учусь. Что эти уроды хотели от тебя?

— Мои часы, — он облегчённо вытянул вперёд худую руку, на запястье красовался белый циферблат без цифр, с золотыми стрелками, — мне их папа подарил.

— Знаешь, часы отличные, но у тебя их могут отобрать. Ты их в школу не носил бы.

Мальчик отрицательно помотал лохматой головой.

— Нет! Я их буду носить. Это же папин подарок.

— Ну, эдак тебе телохранитель потребуется. Вон видал что? Гопота, нарки...

Мальчик насупленно смотрел в землю, сжав губы.

— Ладно, проехали. Как тебя зовут?

— Фёдор. Федя.

— Ну а я — Михаил. Миша, — улыбнулся я. — Пошли, дядя Фёдор, домой, а то, мало ли, вернутся ещё с толпой.

Мы шли по жёлто-красным улицам, и он всю дорогу рассказывал мне о себе. Я узнал, что он любит слушать «Депеш мод» и «Технологию», что его любимый мультфильм — «Остров сокровищ», а у папы есть мотоцикл с коляской, работает папа на шахте проходчиком, а летом они летали на Чёрное море, где он своими глазами видел дельфинов. Он болтал без умолку. Я многое узнал о его отце. А вот мой вопрос о матери вызвал долгую паузу.

— Мама умерла. Два года назад. Её автобус сбил.

Ёлки-палки! Почему именно сирота? Остаться без мамы в четвёртом классе... Мне было бы очень тяжело на его месте. Вот ведь... Какое-то время мы шли молча, потому что я не знал, что говорят в таких случаях. Лицо моё горело. Но Федя снова нарушил тишину рассказом о том, как он

стрелял из мелкокалиберной винтовки с оптическим прицелом по мишеням в тире, и что у него дома есть целых пять настоящих патронов со свинцовыми пулями.

Я довёл его до дома, и мы договорились, что завтра я найду за ним перед школой. Теперь, на обратном пути, я думал о том, что стану для Феде другом. Познакомлюсь с его замечательным папой, буду ходить к ним в гости. Стану для него телохранителем и порву на куски любого, кто его тронет. Возможно, этим искуплю свою вину перед ним и его родителями. Я шёл и улыбался своим мыслям, когда увидел, как высокий худой наркоман неопределённого возраста уводит с улицы за гаражи мальчишку чуть младше Феде, обняв его за шею, как лучшего друга. Мальчишка счастливым вовсе не выглядел и жалобно озирался, боясь позвать на помощь. За ними, оглядываясь по сторонам, шли ещё две сутулые фигуры в дерматиновых куртках не по погоде.

Я вспомнил, как пару лет назад меня завёл в подъезд трясущийся от ломки наркоман и, приставив нож к горлу, долго тарачился на мои вывернутые пустые карманы, соображая, что делать дальше. Тогда я смотрел в злые пустые глаза, понимая, что моя жизнь зависит от решения этого человека. Почему-то он меня не убил. Родителям о том случае я говорить не стал. Теперь ситуация повторялась. Только я не знал, вооружены ли эти трое. А у паренька тоже есть родители, чьи сердца наверняка разорвутся, если что-то плохое случится с их сыном. С другой стороны, если меня сейчас убьют, что вполне возможно, с ума сойдут мои. Чьё горе будет тяжелее? Чьи слёзы важнее для меня?

Стоп! Нет, неправильно, не так! Чья жизнь сейчас важнее? Моя или этого напуганного мальчишки? Ненавидя себя за потраченные на колебания драгоценные секунды, я выломал из клумбы кусок кирпича и повернул за гаражи навстречу... не знаю, чему. Жизни или смерти. Да неважно, лишь бы успеть вовремя.

Семинарист

Матушка Лидия Бородина была младше своего мужа на два года. Познакомились они случайно, как сказал бы неверующий. Но для Лиды давно уже не существовало случайностей.

Отмечали последний звонок. После официальной части в управлении культуры решили пойти в городской сад — на аттракционы. Все были нарядно одеты: некоторые девочки красовались в настоящей школьной форме, с белыми бантами, другие просто оделись по принципу «белый верх, чёрный низ», парни носили пиджачные пары с галстуками. Весёлой гурьбой спускаясь по Советской, громко распевая то «Катюшу», то «Взвейтесь кострами», одиннадцатиклассники не могли не вызывать весёлых улыбок прохожих.

— Какие красивые! — растрогалась одна старушка.

— Красивые, красивые, а вот подрастут, так натворят делов! Тоже мне! — фыркнула её соседка, отворачиваясь.

Когда ребятам надоело распевать старые песни, они перешли на современные хиты:

— Забирай меня скорей, увози за сто морей! — разносилось по улице.

Когда они, наконец, достигли горсада, многие уже охрипли от шлягеров. Некоторые ребята куда-то делись по дороге. Вроде бы у Паши Костецкого намечался какой-то между собойчик для особо посвящённых. Остальные мальчишки по дороге набрали импортного баночного пива и теперь бесились на каруселях в ещё более весёлом настроении, чем раньше. Потом они стали катать девочек на автодроме, разбившись по парам. Неподалёку от автодрома, присло-

нившись к неработающему фонтану, стояли двое парней чуть постарше. Несмотря на жару, они были одеты в одинаковые чёрные кители со стоячими воротничками, белыми изнутри, судя по окантовкам. Ребята пили пиво, вероятно, не самой престижной марки, за что были вознаграждены беззлобными насмешками от Лёши и Витали:

— Бросайте пить кислятину, мужики!

— Э, пейте нормальное пиво, как мы с Лёхой!

Один из парней, светленький, с битловской стрижкой, приветственно помахал им свободной рукой:

— Не бойсь, всё равно с одной бочки разливали!

У него оказался довольно звучный баритон. Лида окончила хоровую школу с отличием и в голосах разбиралась очень даже неплохо. Она тут же окрестила его Хворостовским. Второй был тёмненький, с короткой стрижкой. Узковатые глаза делали его похожим на китайца. Разве что кожа была обычная, светлая.

— Э, стой, так вам же нельзя пиво пить! — это вмешался Толик Жмак из параллельного класса. — Это же грех! Бог накажет!

Раздался дружный хохот. Те двое, однако, нисколько не обиделись. Усмехнувшись, они продолжили свою беседу.

— А что такое, пацаны, в смысле? — спросил Юра, который всегда отставал от курса событий. — Не понял прикола.

— Да это же семинаристы, ну семинария — ты что, не знаешь, что ли? — ответили ему.

— Попы, что ли?

— Да нет ещё. Учатся.

— А-а-а.

— Кто, семинаристы? — это уже девочки заинтересовались.

— Пошли, познакомимся, — прошипела Лариска Звягина.

— Да ты что, им же жениться нельзя, — возразила Наташка Неупокоева.

— Дура, это монахам нельзя.

— Так, мож, они монахи.

— Ага, и пиво пьют у всех на виду! Монахи с бородой, а у этих нету. У них ещё платья такие длинные должны быть.

— Блин, Волкова, пойдём скорей знакомиться, пока эти кикиморы нас не опередили! — зашептала в ухо Верка Могушкова. Лида уже была настолько заинтригована тем, что ее Хворостовский учится в духовной семинарии на священника, что решила поступиться своим принципом не знакомиться первой. К тому же она была не одна. Да и с Веркой не страшно — та такая бойкая, что могла дыру на месте провертеть. Пожалуй, пора действовать — вон уже Лариса дергает Неупокоеву за рукав.

— Пошли, только разговор начинай сама.

Вера отмахнулась и решительно направилась в сторону семинаристов. Лида поспешила за ней.

— Привет, мальчишки! А это правда, что вам жениться нельзя? — Верка, похоже, подслушала разговор девчонок и теперь использовала полученные знания прямо на ходу. Чёрненький смутился:

— Да нет, ну почему? Мы это...

Хворостовский положил ему руку на плечо, останавливая. И добавил с серьёзным видом:

— Нет, жениться-то нам можно, а вот замуж выходить — ну никак нельзя!

Лида, не выдержав, прыснула от смеха. Похоже, они ещё и шутить умеют. Разговор завязался легко. Выяснилось, что Хворостовского зовут Павлом, а «китайца» — Ильёй.

— Он японский самурай, — поделился секретом Павел, заговорщицки подмигивая. Лида была уверена, что он подмигнул именно ей, а не Верке.

— Сам ты самурай! Не слушайте его, девчонки. Он самый настоящий наркоман. Обкурился камыша, в башке ни шиша. У меня дед кореец.

— Кто-кто? Индеец? — развеселился Павел. — Нет, ну где правда? Индейский шаман в городе, куда смотрит миграционная служба? Дай бубен, Косой Глаз!

— Только в бубен могу!

Тут их внимание привлекли крики. Пока они разговаривали, к автодрому подошли восемь мальчишек не из их школы. Они уже успели отбиться от своих одноклассниц и, судя по поведению, тоже были навеселе. Но, похоже, пивом дело не обошлось. Видимо, они не поделили с Максимом Голуновым скамейку.

— Ты чё, не понял, ботаник? Место жёстче освободил! — кричали они.

Максим все девять лет учился вместе с ними, но после перевёлся к «бэшкам», им дали гуманитарный уклон. «Вэшки» стали физико-математиками. А прежний класс был химико-биологический. К ним прибыло несколько человек, кое-кто ушёл. В одиннадцатом Голунов снова вернулся туда, с «бэшками» не сложились отношения. Максим являл собой типичный образец «ботаника» — нескладный отличник в неизменных очках. Он был высокого роста, худой и довольно слабый. На физкультуре Максим только злил физрука — маленького плотного дядьку с красным лицом и алкоголическими прожилками на носу. Однако, несмотря на физическую слабость, трусом Максима никто не мог назвать. В начальных классах его часто били, но никогда не добивались слёз и просьб о пощаде. Вырос Максим колючим и неуступчивым.

Вот и сейчас он не желал встать со скамейки просто потому, что на ней захотели посидеть новоприбывшие пацаны. Те, разгорячённые таким неповиновением, а также выпитой баночной водкой, стали его оскорблять и стаскивать силой.

— Я тут сию раньше вас, почему я должен слезть? — упирался Максим, оглядываясь на своих одноклассников. Но те скромно молчали, предпочитая не вмешиваться.

Ободрённые таким поворотом событий, задиры удвоили усилия, схватив его за шкирку. Максим закашлялся, но только крепче вцепился в скамейку. Тогда один из нападавших, самый низкорослый, разбежался и изо всех сил пнул Максима в грудь.

Лида пронзительно закричала. Перед её глазами поплыл туман. Максим медленно, как во сне, стал заваливаться вбок. Там его встретило колено другого парня, разбив очки. Из его носа хлынула кровь. Упавшего тут же стали пинать.

— Твою ять! — выдохнул Павел, и, швырнув бутылку в сторону, кинулся к скамейке. Илья тут же бросился за ним.

Некоторые из нападавших озирались по сторонам и поэтому заметили движение в свою сторону. С разбега Павел пугнул одного, а атаковал совсем другого. Тот рухнул как подкошенный, получив прямой удар в подбородок. Ещё один отправился следом, пропустив хук слева. Уже позднее, в травмпункте, он узнал, что заработал трещину в нижней челюсти. Подоспевший Илья уже воспользовался некоторым замешательством и сшиб с ног того парня, который по-гестаповски бил Максима коленом. Упав, тот получил хороший пинок в живот, отчего на полминуты потерял способность дышать. Потом Илье уже не везло так. В отличие от друга-боксёра, он специально никакими единоборствами не занимался. Да и опыта уличных драк не имел. Пропустив зуботычину, он замешкался и упал, потеряв сознание от удара бутылкой по голове.

Павел остался один против пятерых. Те быстро поняли, что соваться под кулак не стоит, и предприняли попытку его окружить. Этому Павел им не давал сделать. Каждый раз, когда полукольцо начинало смыкаться за его спиной, он бросался на крайнего. Тот отскакивал назад, размыкая цепь. Через минуту в ход пошли палки и камни. На испуганные крики девочек о помощи мальчишки никак не среагировали. Павлу удалось увернуться от двух камней, но третий больно попал ему в грудь, а четвёртый разбил

бровь над правым глазом, отчего в голове как-то нехорошо зазвенело. Кровь тут же залила глаз, и Павел едва не получил палкой по голове. Подставив левое предплечье, он резко подался всем корпусом вперёд, сломав нападавшему нос хлётким ударом. Остальные, подскочив, повалили его на землю и стали добивать. Павел поспешил прижать колени к груди и закрыть голову руками. Прежде, чем потерять сознание, он успел почувствовать два крепких пинка в бок и один по уху.

Очнулся он, когда вокруг уже было полно омонцовцев, заталкивающих в машину всех подряд. Один из них слегка похлопал Павла по щекам.

— Живой вроде. Давай его тоже в скорую.

Дышать было больно, правый глаз не видел, тошнило, все тело болело, как будто его пинали ногами. Ах, да, его ведь и вправду пинали...

Лида с Верой сразу вызвались свидетелями. С ними в отделение милиции отправились еще Лена Жданюк и Оля Сникер — те из немногих, кто относился к Максиму хорошо. Они подробно все рассказали, расписались. Их мальчишек сразу же отпустили, как только выяснили, что те в драке участия не принимали. Максима, Павла и одного из нападавших увезли в больницу. Илья пришел в сознание ещё до приезда милиции, кости черепа у него оказались крепкие, но он не смог прийти на помощь другу — некоторое время ноги просто отказывались его держать. Ещё двое отделались лёгким сотрясением мозга и синяками. Одному из нападавших — тому, кто ударил Максима ногой в грудь, удалось сбежать. Он первый заметил приближение милицеских машин и кинулся наутёк, через кусты — в сторону стадиона, пока его друзья были ещё увлечены расправой над Павлом. Те заметили омонцовцев слишком поздно. Один из них сразу улёгся на траву, положив руки на голову. Хотя это и выглядело смешно, он всё же стал единственным, кто вообще никак не пострадал. Двум беглецам крепко

досталось резиновыми дубинками — бегать омоновцы не любили.

Выяснив дома по телефону 03, какая больница дежурит, Лида на следующий день отправилась навестить Максима и своего героя.

* * *

Максим пребывал в ещё более скверном настроении, чем обычно. Он и так никого не любил, а тут и вовсе взъялся на весь мир. У него были сломаны два ребра и переносица, из-за чего парень теперь имел сходство с очковым медведем — гипсовая повязка закрывала только нос и лоб, и чёрные круги вокруг глаз отчётливо виднелись. Весть о том, что за него заступились два семинариста, которым тоже досталось, Максим воспринял совершенно равнодушно.

— А я не просил ничьей помощи! Благодетели нашлись. Да они просто перед вами выделывались. Вот и получили. Такие же ничтожества, как и все остальные.

Лида ушла от него опечаленная.

— О, э-э, здравствуй, Лида! — произнёс ошеломлённый Павел, пытаясь привстать на постели. Он покосился на спящего соседа (остальные койки пустовали). — Как там тот парень?

— Да всё нормально, жить будет, — ей очень не хотелось, чтобы Павел узнал, какая всё-таки свинья этот Голунов. — Как ты-то себя чувствуешь?

Вопрос оказался явно риторическим — вид у героя был тот ещё: левое ухо распухло, правый глаз заплыл, бровь, вся зелёная, зашита, грудь перебинтована, руки — тоже.

— Да ничего страшного, просто койкоместо занимаю. Сильно напугалась тогда?

— Просто кошмар какой-то: сначала я испугалась, что они убьют Максима, потом они ударили Илью бутылкой, а потом напугалась за тебя, когда ты упал. Билетёрша

позвонила в милицию. Слава Богу, что они приехали так быстро, обычно не дождёшься...

Лида осеклась и смутилась: Павел как-то странно на неё смотрел, задумчиво, словно не слышал.

— Сегодня приходил следователь. Организовывает мировую. Дескать, повреждения средней тяжести, встречные заявления, и всё такое. Илья приходил. Говорит, что в семинарии, когда узнали обо всём этом, решили нас отчислить. Мол, пьяная драка, привод в милицию, будущим священнослужителям не к лицу, и прочее. Илюха завтра домой едет, а я — как выпишусь... А ты завтра придёшь?

Лида опешила:

— А как же так? Вы же защищали человека от пьяных хулиганов! Да его эти... уроды... запросто убить могли! Да вы ему жизнь спасли, разве не этому Христос учил?! Я тоже Евангелие читала, помню, что там написано. Да как они могли?

Павел молчал, опустив глаза.

Немного помедлив, она добавила:

— А ты, значит, не здесь живёшь и скоро уедешь... А где, в каком городе? — не дожидаясь ответа, девушка вскочила со стула, на краешке которого сидела. Сосед по палате заворочался и начал сквозь зубы материться.

— Я завтра приду! — перебила она Павла, покраснев, и умчалась, забыв вручить больному пакет с апельсинами.

Целый вечер Лида была сама не своя. На вопросы отвечала невпопад, за ужином пыталась насыпать сахар в молочник. Родители, будучи уже в курсе событий, оценивали их каждый по-своему. Отец слегка подпил и всецело пребывал на стороне Паши и Ильи, считая, что мальчишки поступили достойно. Он даже поинтересовался Пашиным состоянием здоровья и дал денег на передачку.

— На, купи ему соку или ещё чего-нибудь. Хороший пацан, молодец. Привет ему от меня. Так и скажи, мол, батя передаёт привет. А я Осипова лично попрошу, чтобы

отнесли к нему в больнице как надо. Мне не откажет. А как там этот ваш Головнов? У него, кажется, чисто случайно травматический пневмоторакс¹ не случился — дежурный говорил.

— Голунов...

Лида пересказала содержание разговора с Максимом. Отец поставил рюмку на место, помрачнел и издал досадливый звук. Скривился.

— Не Голунов он, а Го... — тут отец поймал строгий взгляд жены и осёкся.

— Гольюнов он — ваш Максим. Сказал бы, что мало ему дали, да вроде по полной отхватил, — он ещё хотел что-то добавить, но вместо этого хлопнул залпом рюмку финской водки, поставил её на скатерть и закусил солёным белым груздём.

Мама много не распространялась, но по её реакции Лида поняла, что большой разницы между теми хулиганами и семинаристами она не видела. К тому же молодые люди, поступившие в духовную семинарию, вызывали у неё большие подозрения. В храм она никогда не ходила, считая верующих как минимум инопланетянами, а самих служителей Церкви — хитрыми аферистами. «Набивают брюхо себе за счёт дураков», — говорила она. А свекровку всегда осуждала за то, что та под старость лет не только стала ездить в Петропавловский собор молиться, но и Лиду таскала с собой. А сейчас мама сильно переживала из-за знакомства старшей дочери с этими людьми. Характер у Лиды был романтический, и теперь стоило бояться, что молодая девчонка влюбится в этого проходимца. Тем более что тот сейчас находился в положении пострадавшего героя.

Увидев, что Миля, младшая дочка, наелась и уже балуется с чаем, отпивая его, а потом выпуская обратно в чаш-

1. Скопление воздуха в плевральной полости, возникшее вследствие открытого проникающего ранения грудной клетки или тупой травмы груди с разрывом лёгкого.

ку, мама отправила её умыться и повторять заданного в музыкальной школе «Сурка»². Миля скорчила недовольную мину, но перечить матери не решилась. Уже выходя из-за стола, она тайком показала Лиде язык. Та либо не заметила, либо просто никак не отреагировала. Миля оскорбилась и, проходя мимо, наступила сестре на ногу. С тем же результатом.

Всю ночь Лида проворочалась в постели. Первую половину ночи её просто распирало от желания, как минимум, подпалить всю семинарию. Она уже представляла себе, как бородатые преподаватели в чёрных мантиях во главе с ректором (или кто там у них главный?) лезут в окна, спасаясь от огня. Внутри рос протест. Девушка никак не могла взять в толк, что человека, исполнившего Божью заповедь истинной любви, как раз за это Церковь и наказала. Лида вспомнила, как в детстве ходила с бабушкой (пока та не умерла) в воскресную школу. Там батюшка однажды пересказывал притчу о том, как на одного человека напали разбойники. Мимо прошёл священник, торопясь на службу: посмотрел и ничем не помог, а простой человек, который ни у кого не пользовался уважением и любовью, не только оказал ему первую помощь, но и потом в беде не оставил. Добрый самарянин. Да они там — просто вертеп разбойников! Будь её воля, всех бы поразогнала!

Оставшуюся часть ночи Лида прислушивалась к своим чувствам. Да, так и есть. Она влюбилась в Пашу. Как горько, что он теперь уедет! Будь у неё Веркин темперамент, она легко заставила бы Пашу влюбиться в себя. Или сама могла признаться первой. Верку вообще трудно чем-либо смутить. Но Лида была стеснительной. И сейчас она кляла себя за это. В сказки о толпах прекрасных принцев, разъезжающих по горам и долам в поисках принцесс, она никогда не верила. Вокруг сплошь одни только самовлюблённые, никогда не взрослеющие дураки, крепко держащиеся

2. Хрестоматийная песня Бетховена.

за мамины юбки. Все нормальные парни давным-давно заняты более успешными девушками. Лида довольно часто влюблялась раньше, но очень быстро разочаровывалась в очередном избраннике. И теперь она долго ворочалась под покрывалом, мучая себя вопросом: а вдруг это тоже всего лишь глупая влюблённость? Уже под утро Лида решительно отказалась терзать себя вопросами.

— Всё ему сегодня скажу! — пробормотала она, засыпая. — Вот и узнаю, как он ко мне относится. А если это ошибка — ну и пусть катится в свой Белогорск... Белозёрск... Белорецк, или как он там...

* * *

Когда Лида проснулась, от прежней решительности не осталась и следа. Кое-как позавтракав, она отправилась на занятия. Было четыре урока и окно — на астрономию она могла не ходить, так как годовая оценка уже была выведена, экзаменационный реферат на тему: «Юпитер — планета или квазизвезда?» был готов и заранее проверен, оставался сам экзамен, которого Лида совсем не боялась.

На физике Фролов с Костецким опять хихикали весь урок и скоморошили над Ириной Александровной. Прервались на объяснения об отсутствующем на уроке Голунове. Кстати, к чести Костецкого, тот, когда ему пересказали инцидент, возмутился:

— Я в шоке! Да как так, никто не встал за Максимку! Да вы мужики или кто?

— Я горжусь вами, братья! Своя шкура ближе к телу! Всё правильно сделали! — поддержал его Фролов. Мальчишки тогда чуть не подрались из-за этого.

Больше в тот день в средней общеобразовательной школе № 19 ничего интересного не произошло. Хотя нет. На уроке литературы Миша Фролов снова довёл пожилую учительницу до белого каления, заявив на опросе, что у Горького он читал «Буревестника». И это вместо за-

данных «На дне», «Мать» и многого другого. У них была вражда с десятого класса. В начале учебного года сменился преподаватель. Новая учительница Вера Константиновна имела неосторожность озвучить своё мнение, что ученики никогда не смогут преодолеть барьера «Курочки Рябы» и «Теремка». Все промолчали, решив не спорить, кроме, разумеется, Миши. Тот возмутился:

— Простите, а почему это Вы так думаете, ведь Вы ещё не знакомы ни с кем из нашего класса, а уже такие высказывания!

— А что, разве не так? Ну, скажи нам, каких авторов ты читаешь? — ласково улыбнувшись, ответила Вера Константиновна. — А мы послушаем.

— Почему мы? Мои одноклассники давно в курсе, — парировал Фролов и огласил довольно солидный список писателей, из которых Лида читала только Акутагаву, Хемингуэя и Маркеса. В тот момент всех охватила большая гордость за Мишу и вообще за весь класс, так как учительница, слушая его, медленно бледнела, поджав губы. С той минуты они стали вежливыми врагами. Их стычки забавляли всех.

Когда, наконец, кончился последний урок, Лида в потоке класса устремилась вниз по лестнице — к выходу из школы, обдумывая предстоящий разговор с Пашей.

Когда она спустилась на первый этаж, то увидела, что возле расписания собралась небольшая толпа.

* * *

Восьмиклассники обступили кого-то плотным кольцом и галдели, выкрикивая угрозы. Паша Костецкий тут же взял курс на толпу и резко вклинился в нее. Фролов, оторвавшись от хихикающей Альбины Паньшиной, которой он что-то шептал на ухо, моментально рванул за другом. Альбина тут же надулась.

— Пшли вон, салаги, — беззлобно ругался Костецкий, бесцеремонно расталкивая всех вокруг.

— Цыц, муха! — отрезал Фролов, надвинув на глаза бейсболку запротестовавшему было восьмикласснику.

— Да это же тот поп, который за Голунова впрягался! — послышалось справа над ухом. Это воскликнул Юрка Снытко, который ростом превосходил всех в школе.

Лида вздрогнула и устремилась к толпе, но пробиться к расписанию ей уже не удалось.

— Да тихо, я сказал! — рявкнул Паша на толпу. Мальчишки предпочли успокоиться.

— Слышь, мужик, а ты кто вообще? — Лида теперь могла только слышать. Даже встав на цыпочки, она ничего не видела из-за рослых восьмиклассников. «Вот ведь акселераты!» — досадливо подумала она.

— Человек, — это был голос её Паши. Но как он мог быть здесь, ведь он должен был находиться в больнице, да и номера школы она ему не говорила!

— Сам вижу. А чего за демонстрация тут?

— Спроси вон у них, я сюда не ссориться пришёл.

— Жека, иди сюда. Докладывай! — Костецкий обращался к здоровому мальчишке — тот был у всех восьмиклассников кем-то вроде главаря.

— А чё он наехал на Лёху?

— Враньё, — Пашин голос был спокойным и уверенным.

Тут Снытко, которому надоело стоять сзади, стал проталкиваться сквозь толпу. Лида воспользовалась моментом и, ухватившись обеими руками за его олимпийку, нырнула за ним.

— Паша! — воскликнула она, увидев своего героя. На восклицание обернулся и Костецкий.

— Чего? — спросил он, но, увидев, что она смотрит вовсе не на него, обернулся к собеседнику.

— А ты что, к Лиде, что ли, пришел? Так бы и сказал сразу, а то мы чуть тебя не прессанули.

— Всё, цирк окончен, давайте быстро по горшкам и спать! — эти слова Костецкий адресовал уже восьмикласс-

никам. Те связываться не стали, так как Пашка, который однозначно был у всех в авторитете, имел к тому же тяжёлую руку. Только их главарь, фамилии которого Лида не знала, запротестовал:

— Не, Пахан, так дела не делаются! Что за ерунда?

— Да иди давай, иди! — это Миша оттеснил его от греха подальше, так как Костецкий моментально покраснел от злости.

— Пошли, Жека, — друзья увлекли его вверх по лестнице.

— Слышь, Паш, это тот, который позавчера бился с кировскими, — доложил Костецкому Юрка.

— Опа! — Костецкий уважительно посмотрел на разукрашенного побоями Бородина, который был уже одет не в китель, а в чёрную джинсовку с надписью «Metallica».³ На плече у него красовалась потрёпанная спортивная сумка.

— Мужик, да ты крут! Будем знакомы, — сказал он, протягивая руку.

— Похоже, тёзки мы.

— Да, — усмехнулся Паша, — точно.

Юрка Снытко и другие мальчишки, бывшие тогда в горсаду, уже куда-то пропали. Остались девчонки и те, кто тогда отсутствовал.

— Михаил, — это тянул руку Фролов. — Весьма разочарован, что нас с Пашей тогда не было в парке, вот бы мы тем подонкам наваляли от души! А ты что, каратист?

— Не, боксёр, — покачал головой Паша.

— Круто. А разряд какой?

— Камээс.⁴

— Слушай, Мигель, так это не мы его от молодых спасли, а как раз наоборот.

— Ага, Пабло, да он бы их просто поубивал! — обрадовался Фролов.

3. Американская трэш-метал группа.

4. Кандидат в мастера спорта.

— Ладно, мужики, извините, я к Лиде пришёл...

— Да не вопрос, о чём речь? Держи краба. Только давай-ка мы с Мигелем вас проводим немножко, мало ли что, у нас тут некоторые совсем без башни. Камрад, ты не против?

— Как можно? Пошли, как раз прогуляемся до ларька на Герцена.

Костецкий и Фролов, как всегда остря на каждом шагу, довели их до перекрёстка и распрощались.

Лида с Пашей остались вдвоём.

Какое-то время они молча шли по проспекту. Лида боялась даже голову повернуть в сторону Паши, хотя чувствовала, что время уходит. Вся её ночная решимость расставить точки над і бесследно испарилась. Тишину нарушил Павел:

— Лида, я сегодня уезжаю домой, последний автобус в четыре часа... в общем... ну... я хотел сказать, ты мне нравишься... очень. Можно, я тебе буду писать, ну, если ты не против, конечно, и... если ты уже не дружишь с кем-нибудь... — Павел смешался и замолчал.

Лида остановилась, резко повернулась на каблуках и, откинув со лба непослушную прядь, сказала, глядя то на Павла, то на фонарный столб с вороной на верхушке:

— Ты знаешь, Паша, а ведь я то же самое тебе хотела сказать, но не знала, как начать.

К щекам Павла прилил слабый румянец, правая рука метнулась к пластырю над глазом. Но уже через пару секунд ему удалось справиться со смущением и он, напустив на себя непринуждённый вид, деловито изрёк:

— Ну вот, обе стороны пришли к неизбежному консенсусу. Когда будем играть свадьбу?

Лида улыбнулась и, стараясь не обращать внимания на ворону, которая уже слетела с фонаря на асфальт и теперь почему-то подбиралась к Павлу, сказала:

— Ну, если у тебя нет жены и троих детей, то осенью обязательно поженимся.

Она ещё хотела добавить, что свадебного путешествия не предвидится — ей предстоит поступать в медицинский университет, тот, что слева от них, через дорогу, но тут она заметила, что ворона вплотную подобралась к ним. Павел стоял к ней спиной и не мог видеть наглуую птицу.

— У меня пока что нет жены и детей, но я надеюсь, что это... э-э-э! — Павел от неожиданности шарахнулся в сторону, чуть не уронив сумку с плеча. Не менее напуганная ворона, чья попытка сорвать блестящую бляшку с ковбойского ботинка Павла провалилась, тоже рванула в сторону, едва не врезавшись в витую ножку скамейки. Сориентировавшись, она проскакала под скамейкой к газону, вызывая каркнула и взлетела на аккуратную голубую ёлку, откуда продолжила своё наблюдение за Павлом.

Лида, закрыв лицо руками, заливалась смехом, глядя на эту сцену. Сообразив, что к чему, Павел и сам развеселился.

— А я-то думал, что блестящее привлекает только сорок, а тут смотри-ка...

Они смеялись, а прохожие шли мимо, иногда недоумённо оглядываясь на странную парочку — хрупкую девушку в белоснежной блузке и бандитского вида неформала со зловещей надписью «Kill 'Em All»⁵ во всю спину. Недостаток знания английского языка у прохожих с лихвой восполнялся недвусмысленным изображением выпавшего из чьей-то руки молота на фоне кровавого пятна. Явное несоответствие друг другу Паши и Лиды бросалось в глаза, словно делая молчаливый вызов всему миру. Да, в принципе, так оно и было — утончённая девушка из приличной семьи и воспитанный одной лишь матерью дворовый парень.

Что было у Лиды? Мама — директор Дома детства и юношества, заслуженный музыкальный работник об-

5. «Убей их всех» — название одного из альбомов гр. «Metallica».

ласти, папа — главный врач центральной станции скорой помощи. Счастливое детство, летние поездки на Золотые Пески, Диккенс и Чехов после вечернего семейного чаепития, хоровая школа с отличием, серебряная медаль в школе, перспективы.

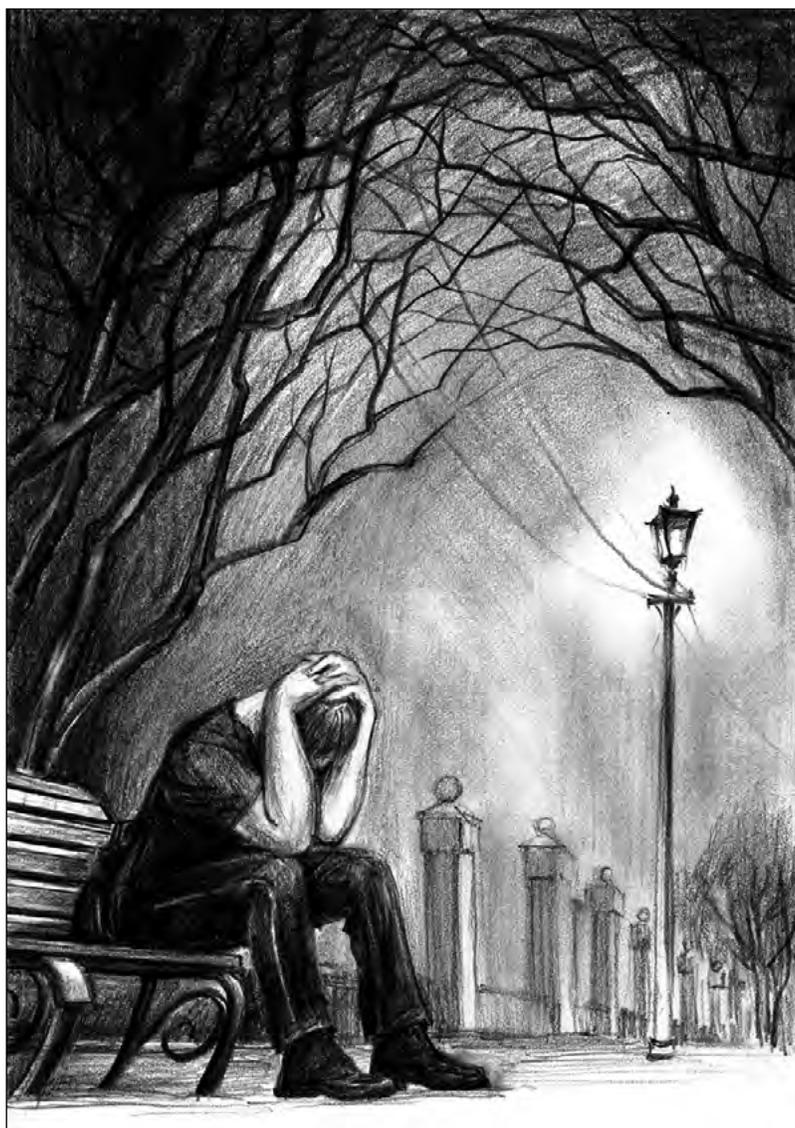
А что у Павла? Мама — инвалид второй группы, которая смогла подарить сыну свою любовь и заботу, но не сумела обеспечить материально. Вместо уютного дворика с песочницей — гаражи и стройка, в которой он не раз прятался от больших пацанов ещё до того, как записался на бокс. Школа, в которой ему никак не давалась алгебра, — приходилось каждый год оставаться на осень. Уличные стычки с гопниками, ножевое ранение в грудь, летняя подработка в «Зеленстрое», чтобы купить себе ботинки.

Однако сейчас всё это не имело никакого значения. Павел видел перед собой ту единственную, ради которой стоило побороться и со всем миром. Лиде же было абсолютно наплевать на всякие условности — она была готова следовать за своим избранником хоть куда. Её даже не смущало то, что она не знала о Паше почти ничего. Но, вероятно, краешком сердца она чувствовала, что за этой смущающей обывателей внешностью скрывается нежная, чуткая душа. Они смеялись, болтали о пустяках, гуляли по зелёным улицам, взявшись за руки, как дети. Каждый понимал, что их встреча просто не могла не состояться. И радость этой встречи так и не проходила. Ни в тот день, ни в последующие дни, месяцы и годы.

Остановка времени

Борис любил мечтать с самого детства. Почти каждую ночь он просто лежал с закрытыми глазами до двух часов, не в силах уснуть. Богатая фантазия, подкрепляемая прочитанными сказками и фантастическими историями, часто рисовала ему захватывающие дух приключения. Например, хотелось побывать счастливым обладателем волшебной палочки, которая исполняла бы любые пожелания. Или иметь ковёр-самолет, как у старика Хоттабыча, ведь тогда можно улететь и в Италию, чтобы понежиться на песочке где-нибудь в Вероне (интересно, возникнут ли проблемы на границе?). А волшебные кольца, при помощи которых можно попасть в сказочную страну Нарнию, где живут говорящие звери? Владеть такими — значит быть самым счастливым человеком на Земле. Или вот возьмём, к примеру, Люка Скайуокера, героя «Звёздных войн». У него был световой меч. Иметь бы такой — и никакие обидчики не страшны. Он бы и за беззащитных заступался.

Однажды Борис в «Марсианских хрониках» Рэя Брэдбери читал, как один человек не пожелал возвращаться на Землю с обжитого людьми Марса во время мировой войны. Он остался на пустой планете и всю пользовался благами цивилизации. Совершенно бесплатно, разумеется. Тогда Борис замечтался, чем бы занялся он, оставшись во всём городе один. Но не насовсем, конечно. Без родных и друзей всё равно плохо. Но больше всего его воображение пленяли мечты о способности останавливать время. Вот это действительно круче всего!

У кого-то из зарубежных фантастов главный герой мог то ли замедлять время, то ли ускорять собственный метаболизм. В результате в нужные моменты всё вокруг как бы начинало двигаться очень медленно. Можно и банк ограбить, а можно и хулигану накостылять. Можно стать лучшим в мире боксёром или футболистом.

Но полная остановка времени — это всё-таки гораздо лучше. Вроде как весь мир поставил на паузу. Да таким образом можно стать героем всех времён и народов! Что там жалкие Человек-паук или Бэтмэн!

А вот если бы время останавливалось само каждый раз, когда кому-нибудь рядом угрожает опасность! Тогда можно предотвращать любые преступления. Вот это дело! Заморозил время, подошёл к террористу, забрал бомбу, взамен крысу дохлую в руку вложил. Или розовый воздушный шарик. Вот потеха! Да он посвятил бы этому делу всю свою жизнь! Ничего более интересного и увлекательного даже представить себе нельзя. Предотвращать чужое горе. Жертвовать собой. Точно, именно жертвовать, ведь в таком случае он будет стареть гораздо быстрее других. Пока всех преступников обезвредишь, часа два-три точно пройдёт. Но ладно. Ерунда. Борис был готов принести в жертву своё время. Меньше, чем положено, всё равно не проживёшь. Зато какая была бы жизнь! Сказка!

Таким мыслям Борис предавался и дома, и в школе. А в особенности когда ходил по улицам города, когда попадал в неприятности или смотрел криминальные сводки по телевизору.

Вот и сейчас он шёл домой с занятий, погружённый в тягостные раздумья. На контрольной по неорганической химии ему не хватило каких-то пяти минут на решение простой, в принципе, задачи. Последней. Пятерка, само собой, сорвалась. Эх, вот так вот щёлкнул бы пальцами, остановил время — и всё путём.

Потенциальную опасность он заметил автоматически. В какой-то сотне метров впереди на углу дома стояли трое пацанов в спортивных костюмах. Намётанный глаз ментально определил, что стоят они не просто так. Борис тут же свернул налево. Лучше обойти этих гопников по другой улице и не искушать судьбу. Эти-то уж точно сшибают деньги с таких, как он. А вот хорошо бы их проучить!

Взгляд, блуждавший по окрестностям, внезапно натолкнулся на девушку. Нет, девушка, конечно, вовсе не была единственной на улице. Просто она совершенно неожиданно для Бориса оказалась целиком и полностью в его вкусе. Да-да. В свои пятнадцать лет парень инфантильным не был. Девушки занимали его мысли достаточно часто.

Но эта девушка стоила всех вместе взятых. В тот момент она показалась ему сказочной нимфой. Её волосы были не просто рыжими — они огненными волнами окатывали округлые плечи. Глаза казались не просто зелёными — они блистали на солнце, как изумруды. Слегка вздёрнутый носик, округлый подбородок. Лёгкое платьице в цветочек, белые босоножки. На вид ей было лет шестнадцать. Красива ли она? Беспредельно! Но красота эта — не из гламурных журналов. Не аристократическая, украшающая рекламные щиты и экраны телевизоров. Красота родная, домашняя, что ли.

Навряд ли милого личика касался отпечаток надменности. Она даже не пользовалась косметикой. По крайней мере, её следов не было видно. Впрочем, этой девушке косметика к чему.

Всё это парнишка успел заметить за несколько секунд, пока они сближались. Вот между ними около пяти метров. Надо отводить глаза. Неприлично вот так идти и пялиться. Поравнялись. Боковым зрением Борис увидел, что сказочная нимфа вроде бы слегка повернула голову в его сторону. Ах если бы! Сейчас он всё отдал бы за то, чтобы познакомиться с ней. Как обидно! Разошлись. Всё.

От досады Борис щёлкнул пальцами. Она, конечно же, дружит с парнем покруче. Эдаким спортсменом, вроде Жеки Лямина из 11-го Б.

И тут мальчишка остановился как вкопанный.

Женщина с красной сумкой на плече, которая вела за руку маленькую большеглазую девочку, застыла с поднятой рукой. Видимо, она хотела убрать с глаз чёлку, но рука так и не достигла лба. Девочка, задрав голову вверх, тоже пребывала неподвижной.

Борису стало страшно. Слегка закружилась голова, его передернуло от неприятного холодка, пробежавшего до самого копчика. Медленно-медленно он перевёл взгляд на бородача в затемнённых очках. Тот уставился на свой мобильный телефон, видимо читая или отправляя sms. Мужчина не двигался. Похоже, что даже не дышал.

Борис стоял посреди улицы и дико озирался по сторонам. Люди вокруг как будто играли в «Море волнуется». На всеобщий стговор это похоже не было. Всё ясно! Это либо сон, либо глюк.

Точно. Помешательство на почве переутомления плюс неуёмная фантазия.

— Их бин больной, — вяло произнес Борис вслух. Просто для того, чтобы удостовериться, что он — это всё ещё он. Засвербило в носу, и он чихнул. Вышло очень громко. Наверно, потому, что городские шумы разом исчезли.

Автомобили не двигались, несколько голубей висело в воздухе. Ну прямо фильм «Матрица».

— Ну да, сейчас, конечно, появится Морфеус и скажет что-нибудь вроде: «Проснись, Нео, ты в сумасшедшем доме», — пробормотал несчастный Борис.

Обычно он не разговаривал с самим собой и не думал вслух. Но теперь это казалось ему необходимым. Вселяло уверенность.

Положив сумку с тетрадями и учебниками на свежескошенный газон, Борис постарался унять участившееся

дыхание. Сердце бешено колотилось, кровь стучала в голове. Дрожащая рука коснулась низкорослого кустарника на границе тротуара и проезжей части. Обстриженные веточки кололись. Реальность?

Буквально всем напряжением воли Борис заставил себя успокоиться и думать здраво. Мозг понемногу начинал соглашаться с тем, что видели глаза и слышали, а точнее не слышали, уши. Время действительно остановилось.

Но почему?

Пальцы!

Взгляд скользнул вниз, к дрожащим пальцам, вцепившимся в пряжку ремня. Как, неужели? Он всего лишь щёлкнул ими — и...

Сбылась мечта идиота?

А что если снова щёлкнуть? Всё пойдёт своим чередом? Стоп, не стоит торопиться. А вдруг потом не получится снова остановить время? Даже апостол Пётр только один раз ходил по воде... Разум откажется верить — и не работает. Во сне часто так бывало — если летаешь, то плохо, низко. Если палочка волшебная — то барахлит. Если в машину сел, то заводится долго и ездит медленно.

Ну а пока что всё работало...

Борис вспомнил о хулиганах, из-за которых ему пришлось свернуть на эту улицу. Надо бы пойти да отмочить что-нибудь эдакое с ними, чтобы им потом стыдно было даже собираться вместе. Скажем, пусть они обнаружат друг друга держащимися... Хотя стоп! Если бы не эти охламоны, он не свернул бы сюда и не встретил бы... Её!

Девушка! Как он мог забыть о ней!

Борис даже кинулся бежать, хотя расстояние между ними не превышало и тридцати метров.

Вот она! Прекрасная. Узнать бы, как её зовут. Да что же это он? Ведь это просто элементарно.

В её пакете оказалось три учебника и тетрадки. И так, тянем-потянем... Вот и тетрадь. На ней красивым мелким

почерком написано: «Для контрольных работ по русскому языку ученицы 10 класса «А» средней школы № 19 Кабановой Татьяны». Тетрадь тотчас же была возвращена на законное место.

Таня...

Борис немного отошёл и походил вокруг, любуясь девушкой, стараясь запомнить её получше.

И тут он обратил внимание на одну деталь, которая всё изменила. Таня не носила бюстгалтера. Возвышенные сказочные чувства постепенно уходили куда-то, а на смену им приходили совсем другие. Более приземлённые. Снова кровь застучала в висках. Заработала новая мысль.

Такая... красивая... недоступна, конечно же... другому достанется... а что если... ну хотя бы... потрогать её?

А, собственно, чего это он? Что за ажиотаж такой? Да ему теперь доступна любая! Он теперь может щупать каждую понравившуюся ему девушку сколько влезет. И никто не узнает ничего.

Теперь Борис смотрел на Таню другими глазами. Как-то свысока. И не казалась уже она ему неземной нимфой. Сейчас и отныне все они в его власти — стоит только пальцами щёлкнуть. Да он теперь всемогущ! И всё безнаказанно!

Дрожа от волнения, Борис подошёл к Тане сзади и протянул руку, чтобы расстегнуть молнию на её платье. Ещё секунда и...

И тут всё пришло в движение. Девушка, не заметив паренька, судорожно отдёргнувшего руку, удалялась, цокая каблучками по тротуарной плитке. Затарахтели автомобили. Мимо прошла усталая женщина с четырёхлетней дочкой, покосившись на мальчишку, который вроде бы только что был в другом месте.

Да что же это?!

Борис щёлкнул пальцами. Ничего. Сильнее. Тот же эффект.

Чтобы не привлекать к себе внимания, он поднял сумку, перешёл через дорогу, продравшись через кустарник. Присел на скамейку, даже не удосужившись стереть с неё пыль. Ещё около получаса он безуспешно щёлкал пальцами, пытаясь вновь остановить время.

Внезапно он всё понял, и ему захотелось заорать от досады на самого себя. Он провалил экзамен. Сколько раз он мечтал и даже молился об этой способности, чтобы стать настоящим героем. Спасать людей.

И на что же он пытался употребить этот дар? На воровскую низость? Повёл себя как настоящий болван! И лишился всего.

Борис заплакал, как ребёнок, повернув голову в ту сторону, куда ушла сказочная нимфа Таня.

В ожидании

— Ларочка, посиди здесь, на скамейке, постереги сумку, а я сейчас быстро приду, схожу только в туалет!

Мама посадила четырёхлетнюю дочь рядом с худощавым усатым мужчиной неопределённого возраста, задумчиво читающим какую-то газету. Обшарпанную красную сумку поставила рядом со скамейкой.

— Мама, только ты быстро приходи, ладно?

— Конечно, Лара, сейчас.

Туалет на автовокзале по какой-то причине оказался закрыт, поэтому Татьяне пришлось идти на железнодорожный.

Обычно, желая подчеркнуть высокую степень озабоченности, говорят, что в голове роились мысли. Какое там роились! Татьянины мысли не летали, а тяжело маршировали целыми колоннами, причём в разные стороны. От такого бедлама голова просто раскалывалась, даже поворачивать глаза было нестерпимо больно. Может быть, в этом был виноват портвейн, которым её вчера угощала подруга. Или затрещина, полученная утром в награду от мужа. Тогда она больно стукнулась головой о холодильник. Собрав кое-как вещи, она решила снова пожить с Ларисой у мамы пару недель. Обычно Сергею хватало этого времени, чтобы соскучиться. Тогда он приезжал за ними и просил прощения.

Головная боль усиливалась. Хотелось спать. Татьяна подошла к ступенькам, но спуститься почему-то не получилось. Левая нога никак не хотела слушаться. Внезапно

но подкатила нестерпимая тошнота, и Татьяну вырвало на ступеньки.

— Алкашня! — процедила грузная немолодая женщина, обойдя её стороной.

Закружилась голова, да так, что пришлось опуститься прямо на асфальт — до лавочки было слишком далеко. Всё тело бросило в жар, сердце буквально вырывалось из груди. Ещё миг — и Татьяна словно провалилась в какую-то пропасть.

* * *

Девочка беспокойно оглядывалась по сторонам. Когда же, наконец, придёт мама?

Хотелось что-нибудь покушать, но мама ещё не успела ничего купить. Громкий голос объявил, что начинается посадка на какое-то направление. Усатый мужчина, сидевший рядом, засуетился и, стараясь не смотреть на худенькую большеглазую девочку, которую мать оставила уже больше часа назад, поспешил к автобусу.

Ларисе очень хотелось пойти искать маму, но она боялась оставить сумку без присмотра. Она с надеждой смотрела на людей, представляя, что вот-вот кто-нибудь заметит, как она сидит здесь совсем одна, подойдёт и спросит, где её мама. Тогда взрослые соберутся, найдут её и приведут к ней. И они смогут поехать к бабушке в деревню. Там клювачий петушок, курочки и коровка Ночка. А ещё там малинка в огороде...

* * *

Татьяна пришла в себя. В ушах гудело так, как будто летишь на самолете с открытыми иллюминаторами. С усилием оторвала голову от ступеньки. Ощущение падения не прекращалось.

Лара! Её дочка сидела совсем одна на лавочке за углом! А она тут разлеглась!

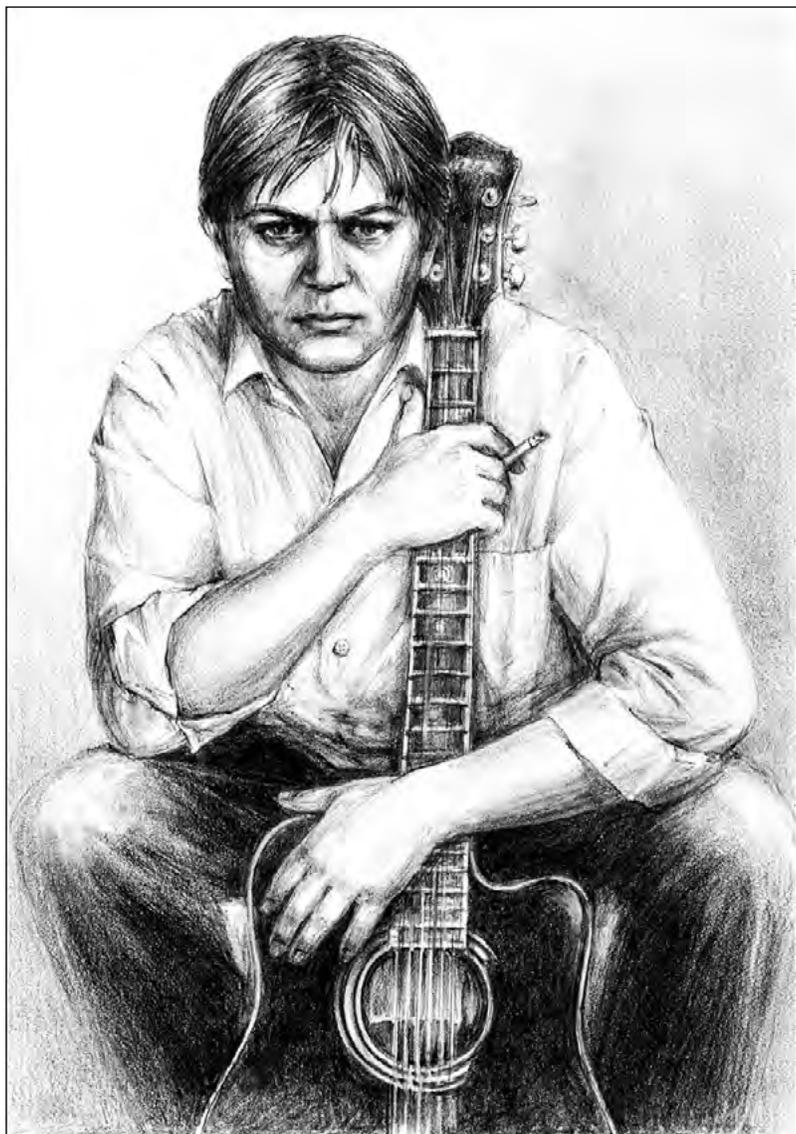
Татьяна предприняла попытку встать, но сил не хватило. Тогда она попыталась позвать на помощь, но язык не повиновался. Из рта вырывались только бессвязные звуки. В отчаянии она пыталась даже ползти, но ей стало ещё хуже. В глазах двоилось. Шум в ушах усиливался. Голова просто раскалывалась от боли. Инсульт развивался стремительно.

А люди всё шли мимо, стараясь не замечать пьяную женщину.

Если б не было тебя...

Ольга познакомилась с Мишей на дне рождения своей подруги Оксаны. Та была девочкой без комплексов и пригласила кучу всякого народа. Кое-кого из пришедших не знала даже сама Оксана. Тем не менее это нисколько не затруднило весёлого студенческого общения. Через каких-нибудь двадцать-тридцать минут все уже были друг с дружкой на короткой ноге. На столе — модная водка в алюминиевых банках, много фанты, консервированные огурчики и шпроты. Ещё постаралась Катя — двоюродная сестра Оксаны, с которой они жили в одной комнате студенческого общежития политехнического института. Она ухитрилась приготовить пару селёдочных салатов и отварить целую кастрюлю картофеля с укропом. Так что стол, можно сказать, ломился от яств. Да ещё пришедшие сочли просто необходимым принести хоть что-нибудь к столу и теперь извлекали из пакетов и карманов — кто пиво, кто сок, а развязный Эдик, студент политеха, небрежным жестом положил целую палку копчёной колбасы.

— О-па, нормально! — оживился длинноволосый парень с серёжкой в правом ухе. Кажется, его звали Витей. Судя по фенечкам на запястьях и футболке навывпуск, выглядывающей из-под чёрной джинсовки со всевозможными заклёпками и цепочками, он учился либо в универе, либо в «культуре». Он уже был знаком с Катей, сидел рядом с ней и время от времени что-то шептал ей на ухо.

Девочек за столом было немного: Ольга, сама виновница торжества с сестрой, пухленькая Вика — Оксанкина одноклассница — и Алёна из только что открытого «коммерческого». Зато мальчиков — хоть отбавляй. И все симпатичные. Лишь Эдик не вызывал в Ольге никаких эмоций, поскольку манерой говорить и двигаться походил на человека, не понаслышке знакомого с наркотиками. А таких в её родном городе было навалом. «Торчали» в подъездах, на лавочках во дворе, оставляя после себя одноразовые шприцы. Потом «засыхали» кто в кустах, кто в подъезде. Один такой как-то целых два часа просидел на корточках посреди городской площади с чупа-чупсом во рту. Примерно раз в десять минут он вынимал леденец изо рта, задумчиво смотрел на него, то и дело закрывая глаза, затем засовывал обратно.

Михаил Фролов, высокий мальчик лет восемнадцати, учился на первом курсе медицинского университета. Его привел Вадик — Оксанкин парень. Они с Мишей учились на одном факультете, но в разных группах. Вадик уже хорошенько поддал и взахлёб рассказывал другу приключившуюся с ним историю:

— Прикинь, Мих, еду я сегодня в трамвае, а на сиденье сидит мужик. Рубашку расстегнул, чуть ли не до пупа, а там у него на вот такенной золотой цепи висит икона Богородицы величиной с пачку «Данхилла». Тоже золотая. На руке — золотой браслет с полкило, не меньше! И вот этот новый русский едет в трамвайчике. Уж не пойму, то ли мерс у него поломался, то ли себя показать решил, пёс его знает... Так, о чём это я? А, ну и вот, едет такой, и у него телефон звонит. Прикинь? Сотовый!!! Весь трамвай, короче, в трансе. А он важно так достаёт телефон и говорит туда, типа: «Алё!» Я вообще чуть не упал!

Михаил улыбнулся, причём уголки рта при этом смешно опустились.

— Владелец заводов, газет, пароходов... Нет, ну сами рассудите, коллега, кто же узрит всю его славу, если он будет всё время в тонированном мерсе рассекать по нашим негритянским трущобам? Вот пациент и вышел в народ. Комплекс неполноценности, надо полагать...

Ольга уже обратила внимание на его глубокие карие глаза, статную фигуру и манеру держаться уверенно, но без напускной бравады. Теперь её привлёк приятный голос, от которого веяло... какой-то надёжностью, что ли? Что-то в Михаиле было особенное, притягательное.

Аккуратно стряхнув пепел с длинной сигареты в пустую баночку из-под «фанты», Михаил задумчиво потёр лоб тыльной стороной руки, покосился в Олину сторону и сказал, обращаясь к Вадиду:

— Ну что, Сергеич, как там твой анатом?

Вадик помрачнел лицом, выругался и, отложив в сторону вилку с наколотой картофелиной, сказал:

— Прикинь, он меня сегодня, такой, поднимает и спрашивает, как проходит лицевой нерв, ну, я ему, значит, всё подробно описываю, а он говорит, типа, неправильно, садись, два. Я сажусь в полном ауте, открываю атлас, смотрю, а я всё правильно сказал, как там написано. Ну, я, такой, ему и говорю, типа, что за ерунда, вон в книжке так написано.

— Ну да. А он?

— А этот упырь улыбается так ехидно и говорит, мол, неправильно в твоей книжке написано!

— Совсем уже, что ли?

— Ага, прикинь, наши все, такие, в трансе, а я ему говорю, ну тогда, мол, скажите сами, как фациалис проходит.

— Ну?

— А он говорит: «А я знаю, как он проходит, и мне хватит».

Михаил развернулся на табуретке и уставился на друга в упор.

— Да ладно! Как так?

— Вот так вот, а ты как думал? Мы после занятия всей группой подошли к завкафедрой, спросили, как проходит фацалис. Он на нас как на дураков сначала посмотрел, потом мы всё-таки докопались до него, он нам сказал то же самое, что и я. Мы ему всю эту историю рассказали, а он нас прогнал, чтоб на своего преподавателя не жаловались.

— Слушай, я в шоке! Как двойку теперь отрабатывать будешь?

— Да пошёл он! Правильно его каждую зиму бьют! Как второй курс анатомию сдаёт, он, говорят, в больницу попадает с побоями.

— Ну, это, жалко мужика, хорош бы ему уже студентов доводить.

Ольга выпила ещё немного водки. Поморщилась, запила томатным соком. Интересно, наверное, учиться в медицинском, только слишком уж сложно. Спиртное понемногу развязывало язык.

— Мальчишки, а вы как, на трупах там учитесь?

— На зомби, — радостно закивал Вадик.

Михаил улыбнулся, проглотил кусок колбасы и сказал:

— У нас в подвале целый бассейн с формалином, метров пять на восемь примерно, так там отказные трупы плавают. Мы на каждое занятие отлавливаем какой-нибудь труп и в класс поднимаем на носилках.

Вика с отвращением отодвинулась от салата, а Алёна брезгливо высунула язык, скорчила недовольную мину и с возмущением сказала:

— Ну, ё-моё! Не за столом же!

Мальчишки дружно захохотали, а Эдик дружески похлопал Вадика по плечу.

— Молодцы, пацаны, давайте выпьем за медицину!

Веселье продолжалось. Вскоре кто-то принёс из соседней комнаты гитару.

— О, круто, дайте-ка её сюда! — это вновь подал голос Витёк.

Через минуту, настроив гитару, он уже вовсю лупил по струнам, извлекая очень тяжёлые аккорды. Оказалось, что Витёк — металлист и знает много всяких шумных песен зарубежных команд.

Вскоре девочки попросили Витька уняться, и он, отложив гитару в сторону, налёг на водку с пивом.

— А ты, Оль, где учишься? — поинтересовался Михаил.

— В филиале универа, на эргээфе.

— А это что за зверь такой? — поднял он брови в удивлении.

— Это не зверь, Миша, это романо-германская филология. По-другому — иняз.

— Ого! — удивился парень, — а на каком ты курсе?

— На третьем.

— А сколько тебе лет? — продолжал допытываться он.

— Двадцать, а тебе?

— Восемнадцать, мал ещё.

— А я, типа, старуха, да? — возмутилась Ольга.

— Да ну, ты что? Я вовсе не хотел тебя обидеть, прости.

Михаил как-то странно смотрел Ольге в глаза, отчего она почувствовала себя неловко и отвела взгляд.

— А какие языки вы учите?

— Французский, немецкий, английский, латынь и готский.

Тут вмешался совсем уже захмелевший Вадик:

— Какой там ещё гопский? Да я этих гопников бы на кактус всех пересажал!

Ольга фыркнула от смеха, а Михаил с серьёзным выражением лица сказал:

— Так, этому столику больше не наливать!

— Чего... это... я не пьяный! А Миха — он вообще французский знает в совершенстве, поняли? Так-то! А латынь

мы эту... да нам она... да эта ваша *lingua latina est*⁶... э-э, блин... — тут он покосился на девочек и замылся.

Эдик положил ему руку на шею и доверительно сказал:

— Да всё нормально, Вадя, давай покурим!

— Давай, — грустно согласился тот.

— *Parlez-vous francais?*⁷ — поинтересовалась Ольга у Михаила.

— *N'importe comment!*⁸ — улыбнулся он.

— Для «кое-как» у тебя слишком хорошее произношение, — пододвинулась к нему поближе Ольга.

— Дедушка Дассен виноват. Я его песни наизусть знаю, — признался Михаил. И процитировал:

*Et si tu n'existais pas,
J'essayerais d'inventer l'amour,
Comme un peintre qui voit sous ses doigts
Naître les couleurs du jour.
Et qui n'en revient pas.*⁹

— Excellent!¹⁰ — удивилась Ольга.

— У, ёлки! — протянул рыжий Рома, пришедший вместе с Витьком. — Да вы просто эти, как их, вундер... киндер... э-э...

— Сюрпризы! — вставила Катя. — Иностранцы, блин.

— А правда, Оль, очень удобно, — шепнул ей на ухо Миша, — вот мы с тобой разговариваем во всеуслышание, а никто ничего не понимает.

Через пару часов Алёна уже целовалась с пятикурсником Женей, а Оксана выясняла отношения с Вадиком по поводу

6. Латинский язык — это... (лат.)

7. Ты говоришь по-французски? (фр.)

8. Кое-как! (фр.)

9. Если б не было тебя,
Придумал бы себе любовь,
Как художник, который видит, как его кисть
Рождает краски дня,
И не может в это поверить (фр.)

10. Прекрасно! (фр.)

какой-то его выходки с «этой гадиной Светкой». Ольга, хоть и пила мало, ощущала в голове лёгкий туман. Всё это время она не выпускала из виду Мишу, иногда заговаривая с ним по-французски по любой мелочи. Михаил тоже старался не напиваться и поддерживал далеко не всякий тост. Вскоре ему надоело сидеть просто так, и он взял в руки гитару.

— О, Миха, сы... сыграй чё-нить из своего! — обрадовался возможности прервать неприятный разговор Вадик.

— Да ладно, ты что, — стал было отнекиваться тот, но вскоре под дружными уговорами был вынужден согласиться.

Пощёлкав суставами пальцев, он прокашлялся, на мгновение задумался, потом начал неторопливым перебором играть приятную, несколько грустную мелодию. Затем негромко запел:

*Солнце застыло, и начался дождь,
Родившись из снежных искристых дюн.
Я, размечтавшись, гитару достал
И с нежностью, мягко коснулся струн.
И песня возникла из тишины
Осеннего моря у серебряных гор
О том, что за облаком нет холодов,
Лишь тёплого солнца весенний простор...*

*Уплыть бы туда, где нет места зиме,
Но море дороги грозит глубиной...
Я понял, что в жизни этой мне не дано
Напиться вечной весной.*

Ольга, не видя и не слыша больше ничего вокруг, зачарованно смотрела на Мишу, который сейчас поднимался в её глазах на какую-то почти недостижимую высоту. А тот, завершив проигрыш, продолжил:

*Вот закончился дождь.
Смолкла гитара, я песню допел.*

*Ветер все тучи унёс.
Я мог бы сбежать с ним, но не успел.
Ветер ушёл в заоблачный край,
Где никогда не бывает слёз.
Взгляд на прощанье — и снова в путь,
Оставив в подарок три тысячи грёз...*

*И вновь, отражаясь в полночной заре,
Кровью сверкнула луна...
Тени ночные забрали меня
Туда, где всегда весна...
Туда, где всегда весна...*

Когда затих последний звук, всеобщее молчание продолжалось несколько секунд.

— Ух ты! — выдохнула Вика.

— Мужик, да ты крут! — это был Витёк.

— Я же говорил, что Миха — талант! — похвалился Вадик, наливая себе ещё водки.

А Ольга молчала, приложив ладонь к своим губам. Ей показалось, что она влюбляется в этого мальчика.

— Молли, ты что, втюрилась? — спросила шёпотом наклонившаяся Оксана, обнимая её за шею.

— Отстань, Ксан!

В тот холодный мартовский вечер Миша проводил её до семейного общежития, где она гостила у троюродной сестры. Ольга всё ждала, что он станет напрашиваться в гости со всеми вытекающими, но тот просто одарил её на прощанье комплиментом:

— Tu es une fille exceptionnelle. Au revoir!¹¹

— Слушай, мы тут с тобой замерзли как бобики, на этом морозе, может, зайдёшь, погреешься? — Ольга сама удивилась своей наглости. Как раз сегодня сестра была на сутках. Квартира пустовала.

11. Ты потрясающая девушка. До встречи! (фр.)

— Да нет, спасибо, я к себе в общагу пойду, а то она скоро уже закроется, — засмутился Миша.

Ольга мысленно выругалась. Да что же это? Какой непонятливый! Досада охватила всё её существо. Немного храбрости, и она бы затащила его к себе насильно! Стараясь ничем не выдать разочарования, Ольга сказала:

— Ну, смотри сам. Я в городе до четверга, живу у сестры в триста семнадцатой, в гости заходи. А tout à l'heure!¹² — она помахала перчаткой и вошла в подъезд.

* * *

До четверга Миша так и не зашёл. Ольга старалась никуда не выходить из дома, всё надеясь на встречу. Конечно, она могла заглянуть в медуниверситет, но гордость не позволяла.

Следующая их встреча произошла уже летом, когда она приехала к сестре на каникулы, урезонив родителей тем, что вовсе не собирается просидеть дома всю жизнь. Миша, как сообщила Яна, уже заходил и спрашивал о ней.

— Я сказала ему, что ты должна приехать после экзаменов, — доложила сестра, собираясь на работу, — вот тебе ключи, продукты в холодильнике, готовь сама, я побежала.

Миша пришёл тем же вечером. Они пили чай, болтали обо всём — от французской грамматики до музыкальных пристрастий. Оля призналась, что ей нравится любая музыка. Миша удивлялся, как это возможно, так как сам терпеть не мог блатных песен и попсы.

Теперь они стали встречаться почти каждый вечер. Оля всё ждала, что Миша перейдет хоть к каким-то действиям, но тот, похоже, видел в ней только приятного собеседника и друга. Однажды Миша даже заночевал у неё в субботу, поскольку не попал в свою комнату в общежитии, где спал мертвецким сном упившийся на чьей-то свадьбе Вадик.

12. До скорой встречи! (фр.)

В ту ночь Оля практически не сомкнула глаз, лёжа рядом с Мишей на одной кровати, но тот, хоть и сам почти не спал, всё же не проявлял никаких попыток прикоснуться к ней. Наутро в дверь постучалась тётя Аня — Янина мама, прознавшая о приезде племянницы. Оле пришлось пустить её внутрь. Тётя вовсе не ожидала увидеть в Олиной постели парня. Миша приоткрыл один глаз, увидел остолбеневшую женщину, вежливо поздоровался, после чего повернулся на другой бок и безмятежно уснул. Тётя Аня забыла, зачем приходила, заторопилась куда-то и ушла. Оля развеселилась и заварила свежего чаю, чтобы за столом обдумать сложившуюся ситуацию.

Миша не поехал домой к родителям и устроился работать санитаром в психоневрологический диспансер. Днём он дежурил, а вечерами приходил к ней. Тогда они обязательно куда-нибудь шли гулять. Однажды Миша заявил, что больше не хочет жить в студенческой общаге, так как у него теперь есть работа и зарплата. Решив снимать гостинку в семейном общежитии, он читал все объявления, развешанные на остановках и световых опорах.

Как-то раз они уже вечером поехали по объявлению и встретили в автобусе бывшего Мишиного одноклассника. Оба парня несказанно обрадовались встрече. Решили взять пива и отправиться на речку. Попутно зашли к Оле домой, где она надела купальник, который предусмотрительно привезла с собой. Купаться при свете костра было несколько странно, но интересно, да и вода была тёплая, прогретая за весь день. Оля плавать не умела, в отличие от ребят, которые, нанырвавшись с берега, теперь плескались и фыркали, как два бегемота. Пиво выпили, все найденные на берегу палки и ветки сожгли в костре и отправились домой. Одноклассник — к каким-то родственникам, у которых остановился в городе, а Миша — к ней. По пути Миша взял две банки датского пива и «Рафаэлло» для Оли.

Они сидели перед включённым телевизором, Миша приобнял её за плечо и что-то рассказывал. Выпитое пиво действовало на Олю усыпляюще. Под размеренный Мишин голос она так и уснула. Проснулась от осторожного прикосновения его губ к своим.

Ответила жарким поцелуем.

* * *

Потом были волнующие встречи, новые впечатления и переживания. Время бежало быстро. Начался учебный год. Оля вернулась домой, где её ожидал четвёртый курс.

Теперь она каждую пятницу садилась на последнюю электричку и мчалась к Мише на крыльях любви, чтобы, проведя с ним выходные, воскресным вечером уехать обратно. Правда, Оле всё чаще начинало казаться, что Миша не вполне разделяет её энтузиазм. Однако она старалась всеми силами удержать Мишу рядом с собой. Никогда не спорила, стараясь во всем угодить. Часто просила его что-нибудь спеть под гитару, интересовалась всем, что происходило в его жизни, выучила наизусть имена, отчества и фамилии всех его родственников и друзей, знала, когда у кого день рождения. Не обижалась, когда он в субботу вечером уходил с Вадиком в пивнушку на два-три часа, чтобы залиться несколькими кружками «Жигулёвского».

Однажды Миша вслух удивился абсолютной покладистости подруги.

— Мишенька, ласточка, ну я же люблю тебя, — ответила Оля, прижавшись к его плечу. Миша промолчал, опустив глаза.

Эта зима стала для Оли настоящим испытанием. Она приехала к Мише на каникулы. Тот, казалось, тяготился её приездом. Они мало разговаривали, всё больше смотрели телевизор. На работу Миша старался уйти пораньше, а вернуться попозже. Оля ничем не выказывала

переживаний, а только тихо плакала в подушку, когда он не видел. Уехала на три дня раньше, сказав, что у неё начинается практика. Миша поверил.

Оксане Оля дала задание разузнать что-нибудь о Мише через Вадика. Через недельку та позвонила с главпочтамта.

— Ну что, Ксан? — нетерпеливо спросила Оля.

— Молли, ты только не расстраивайся, короче, у него девушка есть. Они встречаются уже пару месяцев. Она в «культуре» учится на режиссуре театра. Первый курс. Ириной зовут. Вадик говорит, что они познакомились на «Студвесне». Молли, ты что, плачешь? Молли!

Оля положила трубку, задыхаясь от рыданий. Ну вот и всё, закончилось её счастье. Что же теперь делать?

Этот семестр Оля доучилась на автомате. Лето тянулось мучительно долго. Родители тщетно пытались её хоть как-то расшевелить. Младший брат Игорь, обычно замкнутый, попробовал расспросить её о том, что с ней случилось.

— Игорёк, — взяла Оля брата за руки, — пообещай, что никогда не поступишь подло со своей Наташей. Знаешь, как это больно?

Брат смутился, пробурчал что-то невразумительное и исчез.

* * *

Боль не проходила. Оля больше не завязывала ни с кем отношений. Все парни рядом с Мишей смотрелись тускло. Так прошел ещё один год. Оля собралась с силами и блестяще сдала госы, получив красный диплом. Отметить окончание университета весь их небольшой факультет собрался на берегу реки. Было море водки, итальянского игристого вина, коробочного портвейна и баночного пива. Скинувшись, собрали шикарный стол. Всю ночь счастливые и пьяные студенты, хотя нет, уже дипломированные специалисты — лингвисты, переводчики и филологи —

веселились, пуская китайские петарды, горланя зарубежные хиты и просто дурачась. Веселилась и Оля, твёрдо решив больше не переживать из-за Миши. У неё словно комок ушёл из груди. Только один раз, когда запели песню Джо Дассена о любви, Оля не стала подпевать и, отвернувшись к холодной ещё речке, смотрела, как плещется у берега небольшая волна. Костёр трещал, брызгаясь искрами.

А на следующий день к обеду у неё поднялась высокая температура. Мама встревожилась, проверила Олино горло и вызвала врача. Молодой доктор осмотрел её, заметил в вырезе халата шрам на груди и спросил:

— Так, а это ещё что — операция была?

— Да, мне на сердце операцию делали в девяносто первом. Мне пятнадцать было.

— И что же мы делаем? Тебе не сказали, что беречься надо? Тебе, милая моя, простужаться никак нельзя... М-да... Ну что, красивая, поехали кататься?

— В смысле?

— В смысле, в стационар. Ангина у тебя. А с сердечком твоим да ещё плюс ангина... Давай-ка собирайся.

Оля забеспокоилась.

— Нет, я не хочу. А можно дома полечиться? Антибиотики там, уколы...

— Милая, дело, конечно, твоё, но я бы тебе рекомендовал полежать. Ну, что решила?

— Остаюсь.

Доктор покачал головой, сделал ей какой-то укол и ушёл, оставив на столе использованный шприц и ампулу.

Ночью Оле стало резко хуже. Её сильно знобило. Было трудно дышать.

Перепуганная насмерть мама снова вызвала скорую. На этот раз доктор приехал пожилой, с пышными пшеничными усами. Выслушав жалобы, он осмотрел Олю, отчего моментально пришёл в ярость.

— Вы что, с ума, что ли, все здесь посходили? Быстро в стационар! И без возражений! А ну как помрёт девка? Бегом, так вас раз-этак! Вещи потом соберёте и привезёте!

В санпропускнике доктор снова долго бранился, сам поставил Оле ещё один внутривенный укол, дожидаясь дежурного врача. Олю, наконец, оформили, подняли на второй этаж и поставили капельницу. Озноб на какое-то время спал. Под утро температура опять полезла вверх. На общем обходе было решено перевести её в отделение интенсивной терапии. Вызвали кардиолога. Приходила мама, принесла вещи, сок и фрукты. Долго разговаривала с заведующей отделением — полной тётенькой в годах. На Олю постепенно стала наваливаться слабость. Сердце стучало, как будто после стометровки. Глотать — совсем невыносимо. Оля не смогла осилить даже сок. Её лихорадило. То и дело смаривал сон. Пробуждаться было тяжело. Всё в каком-то тумане, который мешал ясно различать предметы. Проснувшись в очередной раз, Оля обнаружила, что почти не может двигаться от слабости. В нос была вставлена тоненькая трубка. Локтевые сгибы ломало от боли. Левая рука оказалась заклеена пластырем, к правой подключена капельница. Рядом кто-то сидел. Приглядевшись, Оля узнала маму. Какое заплаканное у неё лицо...

— Доченька! Милая! Как ты себя чувствуешь? — встрепенулась она.

— Я не хочу умирать, мама, — кое-как промолвила Оля, отчего мать в отчаянии прикусила пальцы. — Я хочу жить.

— Оленька! Лапочка! — зарыдала мама. — Ну что же ты такое говоришь?

Она ещё что-то говорила, но Оля её уже не слышала, проваливаясь в очередное забытьё. Миша! Был бы здесь Миша...

Четвёртый курс начался для Михаила как-то внезапно. Вдруг закончились каникулы, которых он так и не заметил. По окончании третьего курса его перевели на должность медбрата, и всё лето он вкушал прелести постовых дежурств. С началом учебного года попросился у заведующего на ночные смены. Тот был не против.

Начался цикл лор-болезней, и добродушный пожилой доцент рассказывал им, тыча указкой в древний выцветший плакат, о том, что ринофарингит на фоне евстахиита может привести к среднему отиту. Говорил он увлекательно и со знанием дела, отчего плакату прощалось всё. После теоретического занятия Михаил Емельянович разбил группу по трое и назвал каждой тройке по одной фамилии из тех, кто лежал в отделении. Студенты должны были найти этих больных, уговорить пройти в учебную комнату, а затем поставить диагноз.

— О-ой, кошмар! — Михаил потянулся. Ему хотелось спать, да ещё солнце как нарочно пригревало через зарешёченное окно.

— Пошли, соня, — сказала Лида, — больного вылавливать надо. Так, фамилия у него... Пучкин.

— М-м-м. Девчонки, сходите сами, а? А я вам за это ничего плохого не сделаю.

— Ужас, обленился совсем, бедных девушек бегать заставляет! — возмутилась Таня. — Пошли, девчонки, пусть этот эксплуататор дрыхнет.

Вернулись они быстро.

— Ну, и где больной? — поинтересовался Михаил.

— Что к чему? Мы в палате спросили, а там парень один говорит, типа, нет такого, — озадаченно протянула Настя.

— Ой, ладно, сидите здесь, папа пойдёт, разберётся.

— Иди, иди, папочка.

— Палата-то какая, дочери мои?

— Третья.

Михаил зашёл в палату, сунув руки в карманы халата, где находились сигареты и американская бензиновая зажигалка “Zippo”. Олин подарок на день рождения. Эх, надо бы перекур сделать! В палате лежали двое: пацан лет пятнадцати и усатый мужик лет сорока. Пацан читал какую-то книжку. Судя по нарисованному на обложке звездолёту — фантастическую. Мужчина читал газету. Хотя нет — разгадывал кроссворд.

— Ребята, скажите, Пучкин есть такой?

Усач опустил газету и молча посмотрел на Михаила. Подросток же, не отрываясь от книги, помотал головой:

— Не, такого здесь нет.

Мужик сдержанно улыбнулся в густые усы.

Так, что-то здесь не то...

— А как Ваша фамилия, мужчина?

Тот откашлялся:

— Щеколдин.

— Спасибо. А твоя, парень?

— Моя — Пучнин.

Михаилу захотелось сказать нехорошее слово, но вместо этого он, вздохнув, произнёс:

— Жалко, конечно, я хотел с Пучкиным побеседовать, но я смотрю, ты, парень, тоже ничего. Куришь?

— Не-а.

— Молодец! Пойдём, поговорим о жизни.

— А чего не здесь? Давай в палате поговорим. А то у меня книжка интересная.

— И то дело. Тебя как зовут?

— Дэн. А тебя?

— А меня Мигель. Дениска, чего тут киснуть, пошли, я тебя с прикольными девчонками познакомлю. Ты им понравишься.

— Ну, раз такое дело — тогда пошли.

Они пришли в учебный класс. Представив одноклассникам вредного мальчишку, Михаил надел было, лобный

рефлектор, чтобы приступить к осмотру, но тут в приоткрытую дверь влезла растрёпанная голова Вадика.

— Миха, дело есть. Пошли покурим.

— Ты вообще откуда такой резкий?

— Сверху. У нас урология. Давай жёстче.

На прохладной лестничной площадке напротив учебной комнаты — негласная курилка. Окно было открыто, и Михаил с Вадимом облокотились на подоконник.

— Ну, чего ты там про то дело, которое вроде как есть?

— Слушай, мне Оксанка вчера рассказала... ну, такое дело...

— Сергеич, да ты говори, а не мямли.

— Ну, блин, короче, Оля умерла.

— Какая Оля? — не понял Михаил.

— Ну твоя Оля, Оксанина подружка. Ну Молли.

— Оля? Что значит — умерла? Ты что?.. Как?

— Ну, Оксанка говорит, типа, Оля госы сдала, пошла со своими на речку отмечать, простудилась, попала в реанимацию, а у неё там проблемы какие-то с сердцем...

— Операцию ей делали...

— Ну да. Ну и вот, короче, там у неё рецидив какой-то начался, гипертермия, а потом вроде как тромб оторвался, и отёк лёгких во сне случился. Ну и всё, блин. Два месяца как похоронили.

Михаил стоял в полной прострации.

— Это, у тебя вон фильтр тлеет... Миха...

Михаил продолжал смотреть в окно, судорожно сжимая правой рукой зажигалку. Вадик осторожно вытащил тлеющий фильтр из левой руки друга и выбросил в ржавое ведро, стоявшее в углу. После чего счёл за благо потихоньку удалиться.

Михаил стоял, ничего не слыша, видя перед собой только старый тополь с желтеющими листьями, слегка покачивающимися на слабом ветру.

— Михаил Алексеевич! Всё готово.

— А? Да... спасибо, Людмила Евгеньевна.

Михаил выбросил тлеющий фильтр в окно, закрыл его, положил в ящик своего стола Олину зажигалку, окинул взглядом пустую ординаторскую, после чего подошёл к иконе Спасителя, стоявшей на рабочем столе.

— Господи, помоги! — прошептал он и перекрестился.

После чего, пощёлкав костяшками пальцев, отправился в операционную.

Двухчасовая трепанация сосцевидной части височной кости у подростка с гнойным мастоидитом прошла успешно — ни сигмовидный синус, ни полукружные каналы, ни даже лицевой нерв не были повреждены.

Рабочий день закончился, и Михаил, переодевшись в джинсы и лёгкую гавайскую рубашку навывпуск, вышел из корпуса и завёл свой красный «Пежо 206», над которым посмеивалось всё отделение, говоря, что женский автомобиль ему не идёт. Михаил отшучивался, а сам ни за что не променял бы юркую машинку ни на что другое. Опустив стекло, закурил свои любимые Gitanes и включил музыку. Из динамиков заиграла песня:

*Когда-нибудь настанут холода,
И ты опять уедешь, и тогда
Тебе вослед рукой — и камнем вниз.
И сны сбылись, и косы расплелись...*

Выехав с территории больницы, Михаил добавил газу и через четверть часа уже миновал пост ДПС на выезде из города. Старенькая машина сильно не разогналась, но Михаилу было более чем достаточно опасных ста шестидесяти километров в час. Час поездки пролетел незаметно. Помогли любимая музыка и мысли, копошащиеся в голове, словно муравьи. Сегодня ровно пятнадцать лет со дня смерти Оли. Михаил приехал в её родной город — туда,

где она родилась, училась, где похоронена. Ещё не было поздно, и он заехал в цветочный магазин. Купил пышный букет пунцовых роз. Смущённо улыбнулся заинтригованной милой продавщице. Ещё десять минут. Вот и старое кладбище. Оля погребена недалеко от центральных ворот. Оставив машину перед сторожкой, Михаил забрал с переднего сиденья розы и захлопнул дверцу. Могила украшена свежими цветами — приходили близкие. Внутри оградки — скамеечка, но Михаил присел на корточки рядом и положил руку на прогретую летним солнцем землю могилы.

— Здравствуй, милая, — начал он, немного помолчав. Посмотрел на керамическую фотографию, что была прикреплена к мраморному кресту.

— Вот, я опять приехал к тебе. Извини, что вечером, просто не хотелось встречаться с твоими родителями и братом. Стыдно мне, понимаешь?

Михаил помолчал, положил цветы под крестом, достал сигарету, закурил, чиркнув Олиной зажигалкой.

— Ты никогда не упрекала меня за курение. Впрочем, ты вообще никогда меня ни в чём не упрекала. Ты любила меня. А я думал, что не люблю тебя. А сейчас понимаю, что был дураком, ведь кроме тебя я никого так и не любил. Ты прости меня, Оленька... Если бы я мог тогда быть с тобой рядом!

Михаил посидел ещё какое-то время. Встал, размял затекшие ноги, выбросил окурок за пределы оградки.

— Ну, я пошёл, любимая.

Путь назад был длиннее, акустика молчала, стекло было поднято.

* * *

Завтра Михаилу предстояли ещё две операции, поэтому он внимательно просмотрел потрёпанный учебник оперативной хирургии, анатомический атлас, вышел в Интернет и прочитал ещё пару-тройку медицинских

статей по оториноларингологии. Мобильник заиграл мелодию из «Крёстного отца». Оказалось, что это звукорежиссёр из филармонии волнуется по поводу предстоящего концерта. Фролов уже в течение пяти лет считался одним из самых востребованных бардов по всей Сибири, ему предлагали ехать покорять Москву, но он отказался, сославшись на врачебную практику. Успокоил нервного дядьку, заверив, что его связки уже пришли в норму, отключил телефон и налил себе из барюмку выдержанного кальвадоса. Включил плеер, надел наушники, вышел на застеклённую лоджию, распахнул окно. В квартире Михаил никогда не курил. В подъезде тоже. Для этих целей он использовал лоджию. Как летом, так и зимой.

Затянулся сигаретой, звонко щёлкнул крышкой “Zippo”, пригубил ароматный напиток. Включил песню наугад. Юрий Шевчук, «Метель». В самих словах песни вроде бы ничего особенно грустного не было, но Михаила всегда пробивало на слезу. Вот и сейчас он плакал, вспоминая каждый момент их с Олей знакомства. Он оплакивал её каждый день с того самого момента, когда Вадик сообщил ему о смерти. Он понял, что любит Олю. Не любил, а именно любит. С Ириной расстался в тот же день. Восемь лет назад Михаил крестился в кафедральном соборе. В постах он, бывало, путался, не все праздники помнил, утренние молитвы частенько пропускал, причащался редко — перед Рождеством, на Пасху и на свои именины. Ещё ему так и не удалось бросить курить. Поэтому он считал себя никудышным христианином. Однако зауспокойные молитвы по Оле он неукоснительно прочитывал каждый день.

Ночной ветер донёс весёлый смех со скамейки во дворе. Молодые пацаны заигрывали с девчонками. Выбросив докуренную сигарету, Михаил тотчас достал новую. Пустую рюмку поставил на подоконник. Прислонился к оконной

раме. В плеере была настроена функция случайного выбора композиций. Следующая песня — авторства Джо Дассена:

*Et si tu n'existais pas,
Dis-moi pourquoi j'existerais.
Pour trainer dans un monde sans toi,
Sans espoir et sans regrets.*¹³

Михаил выдернул наушники и швырнул их в плетёное кресло-качалку, стоявшее в углу лоджии. Как же так произошло, что на Олину любовь он так и не успел ответить? Оценил, когда потерял. Вадик тогда рассказывал, что она так и не дружила больше ни с кем. Как же она, должно быть, страдала, когда он её бросил! Михаил с силой опустил кулак на деревянное ограждение. Если бы всё вернуть! Но это невозможно...

Его мысли всякий раз устремлялись к злосчастному Олиному выпускному. Не оставь он её, Оля и не пошла бы на берег реки. Они вдвоем отметили бы красный диплом. Она бы жила.

Окурок полетел вниз. Михаил взъерошил волосы.

— Прости меня, Оленька, прости, родная! — прошептал он сквозь слёзы. — Если бы я мог попросить у тебя прощения за всё, что причинил тебе! Господи, если бы я мог хоть проститься с Олей, просто быть с ней, когда она умирала, когда я был ей нужен! Мне больше ничего не надо! Пожалуйста, Господи...

Чувство бессилия переполняло сердце. Испустив стон, Михаил что было силы саданул кулаком в раму лоджии. Стекло лопнуло, осколки звонко осыпались на кафельный пол. Рама была сломана. Щепки торчали, словно обломки кости при открытом переломе.

13. Если б не было тебя,
Скажи мне, для чего мне жить?
Чтоб влачить жалкое существование без тебя,
В этом мире без надежд и сожалений. (фр.)

— Э, кто там хулиганит? — донесся пьяный девичий голос откуда-то снизу.

Михаил ничего не ответил, зашёл в квартиру, выключил свет и, осенив себя крестом, плюхнулся спать, не раздеваясь. Какое-то время он беспокойно ворочался в постели в полудремоте, но вскоре погрузился в тягучее подобие сна.

* * *

Он шёл по слабо освещённому больничному коридору. На место его работы это ничуть не походило. Вот он достиг широкого лестничного пролета. Свет уличных фонарей проникал сквозь замызганные окна. Эту больницу Михаил видел впервые. Подобные странные сны обычно ему не снились. Нет, реалистичных сновидений у него было навалом, но всё же... Чаще всего он заново переживал во сне случившуюся в одиннадцатом классе драку с тремя наркоманами, стоившую ему ножевого ранения в брюшную полость. Но сейчас всё было как-то слишком скучно. Повинуясь интуиции, Михаил поднялся на второй этаж, положив руку на шершавые перила. Налево и направо вели две закрытые двери. Отделение интенсивной терапии. Левая дверь не заперта. Взору предстали белые покрашенные стены, местами облупленные.

«Убожество какое!» — подумалось Михаилу. Давно уже все больницы как следует отремонтированы согласно губернаторской программе. Странно. Широко зевая, из ординаторской вышел молодой горбоносый доктор, одетый в белый хирургический костюм старого образца. Михаил не знал, что сказать коллеге, но тот проследовал в туалет, даже не заметив его. Ну что же, сон есть сон.

Почему-то Михаил чувствовал, что ему нужно дальше — во второй бокс. Там приглушённо горел свет. На посту спала медсестра, положив голову на раскрытую книжку. Кажется, медицинский учебник. В боксе стояло шесть кроватей,

но заняты только две. На ближайшей лежала грузная женщина, прикрытая до пояса простыней: руки бинтами привязаны к поручням, глаза чуть приоткрыты. Над ней шумно трудился аппарат искусственной вентиляции лёгких. Женщина была без сознания. А вот на дальней кровати...

По спине пробежал резкий холодок, почему-то зачесался нос, дыхание перехватило.

На дальней кровати лежала... Оля?

Её короткие каштановые волосы разметались по подушке в полном беспорядке, глаза закрыты, на лбу испарина. Грудь часто вздымалась, из подключичной артерии торчал закрытый катетер. Локтевые сгибы залеплены пластырями. Михаил медленно приблизился.

Сомнений нет. Перед ним его Оленька. Взяв свободный стул с поста дрожащими руками, он сел, не отрывая взгляда от своей любимой. На её впалых щеках играл нездоровый румянец. Исхудавшие пальцы сжимали простынь. Михаил осторожно взял своими руками её правую кисть. Судорожно сжав пальцы, Оля пошевелилась. Из потрескавшихся губ вырвалось нечто похожее на шёпот. Вот она открыла глаза, медленно перевела взгляд на Михаила. Какое-то время она просто смотрела на него. Вдруг зрачки её расширились, губы задрожали, изо рта сначала донёсся неясный звук. Затем она собралась с силами и вымолвила, улыбаясь:

— Мишенька, ласточка, ты пришёл ко мне.

Михаил не мог сказать ни слова, задышавшись. Он припал губами к её рукам, целуя их и обильно поливая слезами.

— Оленька, милая, прости меня, пожалуйста, я был такой свиньёй, я тебя бросил, я... я... я люблю тебя! Люблю больше всего на свете! Оленька!

Девушка задрожала, её глаза наполнились слезами.

— Мишенька, родной, ну что ты говоришь? Ну ты же пришёл ко мне! Спасибо, любимый! Я так тебя ждала! Вот ты и пришёл. Ты ведь не мог не прийти ко мне, правда?

— Не мог!

— Ты правда любишь меня, Мишенька? — Олины глаза были полны отчаянной надежды.

— Оленька, родная моя, я очень-очень люблю тебя! Прости меня, что никогда тебе об этом не говорил!

Оля улыбнулась.

— Ты больше не уйдёшь от меня? Я тебе нужна?

Михаил приложил её руки к своему лицу.

— J'aurais besoin de toi!¹⁴

— А что у тебя с рукой, ты поранился? — тревожно промолвила она.

— Оленька, ерунда. Заживёт.

— А я опять спать хочу — не могу. Ты только не уходи, ладно?

Её веки смежались, руки покрывались липким потом, дыхание становилось тяжелее. Глубоко в груди словно что-то заклокотало.

— Я здесь, Оля.

Лицо девушки стало быстро приобретать синюшный оттенок. Она начала задыхаться, на губах появилась пена.

— Сестра! — хрипло крикнул Михаил, не отпуская холодеющих рук любимой.

Ноль реакции.

— Сестра! — закричал Михаил что было сил, но та его не слышала.

— Доктор! Отёк легких!

Никто не пришёл на помощь. Его никто не слышал. Его никто не видел, кроме Оли. Михаил понял, что изменить ход событий он не в силах. Уронив голову на грудь своей возлюбленной, он, закрыв глаза, прислушивался к слабеющим ударам её сердца, пока они не смолкли совсем.

14. Ты мне нужна всегда! (фр.)

* * *

— Артур Иванович! — разнёсся громкий голос проснувшейся медсестры по этажу. — Скорей, у нас девочка помирает! Которая сердечница!

— Глюкозу! Полный давай! В подключичку — куда!

— Адреналин! Что значит — нету?

— Ольга, не смей умирать! Держись, девочка!

— Раз! Два! Три! Четыре! Эх, рёбра бы не переломать!

— Ну, дыши! Дыши!

* * *

Михаил проснулся весь в поту и резко сел на кровати. Сердце бешено колотилось.

Что это такое было? Если это сон, то от таких снов инфаркт недолго схватить. Вся подушка мокрая насквозь. Рубашка прилипла к телу. Неужели он был у Оли? Нет, это невозможно!

Глубоко вздохнув, Михаил посмотрел в окно. Там начал подёргиваться алой дымкой небосвод над спящим ещё городом. В душу постепенно приходило неведомое доселе спокойствие. В левом кулаке что-то кололось. Разжав руку, он обнаружил пустую ампулу из-под глюкозы. Подойдя к окну, Михаил упал на колени и, глядя в небо, прошептал:

— Спасибо!

Качели

Тишина воцарилась во дворе только под утро, часам к четырём. Никто не стучал каблуками по изъеденному дождём асфальту. Стихли весёлые разговоры под навесом, скамейка опустела. Лишь несколько пустых пивных бутылок стояли рядом, дожидаясь утренней уборки. Такси уже развезли всех своих пассажиров по домам. Двигатели брошенных под окнами автомобилей давно остыли и сейчас покрывались лёгким налётом влаги. Только в одном доме — хрущёвской пятиэтажке — продолжали гореть два окна. В зале и на кухне. Каждый час на балкон выходил покурить парень лет двадцати. Он поселился недавно, и я его ещё не знал. Но вот и он завершил свои дела — выключил свет, оставил балконную дверь открытой. Ещё раз вышел на балкон, чтобы вытряхнуть пепельницу, видимо курил и в квартире. Нервничал. Как, впрочем, и я. Может быть, хоть этой ночью мне удастся осуществить свой замысел...

Небо, с которого ранний ветерок уже сдувал последние обрывки облаков, начинало светлеть. Тьма стыдливо покидала двор, прячась в подъезды. Я, пожалуй, упомянул бы что-нибудь о шелесте листьев старых тополей, чьи верхушки доставали до четвёртого этажа, но во дворе не было ни одного дерева. И вовсе не дворники спилили их, освобождая место для автомобильной стоянки или баскетбольной площадки. Деревья во дворе не росли никогда.

Зато высились огромные металлические качели в виде гротескного человека, раскинувшего ручки в стороны. Голова с большими ушами, глаза, глядящие куда-то вдаль. Лицо ничего не выражало. Почти никогда.

Я с детства боялся этих качелей. Не подходил к ним в одиночку даже днём. Родители думали, что это последствия психологической травмы, которую я перенёс, когда стал свидетелем смерти. Лет пятнадцать назад эти качели убили девочку из дома напротив. Ей едва исполнилось шесть лет. Она, дождавшись своей очереди, качалась, придерживая левой рукой лохматую игрушечную собачку. Казалось, что девочка что-то поучительно рассказывает собачке, то и дело поворачивая её мордочку то туда, то сюда. Сделав неловкое движение, она выронила собачку, но попыталась поймать её в воздухе обеими руками. Соскользнула с качелей, когда они выполняли ход назад, схватила собачку и стала выпрямляться, не успев даже испугаться своему падению. Тяжёлые качели подались вперёд и нанесли девочке сильнейший удар в затылок, отбросив её в песочницу. Скорая помощь приехала очень быстро, но спасти девочку не удалось.

Песочницу хотели перенести подальше от качелей, разобрали, да так и не собрали. На качели приварили цепочку — для безопасности. Дети скоро отошли от испуга и уже спустя неделю вновь качались на них. Кроме, разумеется, меня.

Потому что только я заметил одну странность. В тот момент, перед ударом, нарисованные глаза сфокусировались на девочке, потемнев на секунду. Мне померещилось что-то вроде кривой ухмылки, хотя рта-то как раз и не было. Мне даже показалось, что качели усилили свой ход, приближаясь к затылку девочки, её вроде бы звали Варей.

Я впоследствии часто наблюдал за этими качелями, но больше ничего не заметил. Делиться своими подозрениями с кем бы то ни было не стал: боялся насмешек. Вдруг сочтут ненормальным и отправят в дурдом? Даже повзрослев, я продолжал избегать этих качелей, хотя к тому времени и отбросил свои страхи. Так было до прошлого лета...

Я возвращался домой со свадьбы Федьки Кирьянова, своего одноклассника. Он после окончания лесотехнического техникума женился на Танюшке Кабановой, с которой дружил ещё с шестого класса. Я был изрядно навеселе и возвращался домой уже после трёх ночи, пересекая двор напрямик, по газонам, мимо этих качелей. Тишину двора нарушал один только я, кашляя с непривычки от крепких сигарет с танцовщицей на голубой пачке, которые мне отдал Миха Фролов — Федькин шафер.

И вот тогда я почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Это, конечно, не Бог весть что, особенно спьяну, но остановился я как вкопанный. Кроме меня во дворе не было ни души. А взгляд, казалось, буравил мою спину насквозь. Я попытался взять себя в руки и рассуждать логически, насколько это было возможно после выпитой почти в одиночку бутылки дагестанского коньяка.

Я не верил в НЛО, привидения, вампиров и прочую ересь. Я всегда гордился своим рациональным умом. Но то, что лезло мне в голову, обязательно обратило бы меня в паническое бегство. Если бы не коньяк. Итак, я обернулся и подозрительно уставился на покачивающиеся от ветра качели. Хотя, стойте, какого ещё ветра? Ветра никакого не было, а чтобы раскачать тяжеленные качели, потребовался бы небольшой ураган. Но качели покачивались, словно кто-то только что второпях их покинул.

Обычно я никогда не матерюсь. Даже на фабрике. Но тут с перепугу завернул так, что мне позавидовала бы сама ламповщица баба Лена. Страх вперемешку со злостью — вот что овладело мной. Глаза на металлическом лице смотрели не вдаль, как обычно, а прямо на меня. И если бы в этот момент передо мной появилась банда грабителей, я бросился бы к кому-нибудь из них на грудь от счастья. Но на меня невидящими от черноты глазами смотрела нелепая железная качельная башка. К подъезду я пятился, не отрывая взгляд от страшной крашеной фигуры. Домой

заходить не стал и сидел сейчас на ступеньке, докуривая совсем уже не крепкую французскую сигарету. Привычные представления о мире разрушились.

Всё моё естество начисто отвергало случившееся. Этого быть не могло. Может быть, всё-таки почудилось? Закусывал я мало, вот в голову и ударило. Однако в данный момент я должен рассуждать здраво. Позволить алкоголю взять надо мной верх никак нельзя. Надо выходить из родного подъезда и выяснять существующее положение. Но подумать — не сделать. Здесь вполне недурственно, а снаружи — эти качели. Хотелось взять в руки какое-нибудь оружие. Но с кем сражаться? С железякой, что ли?

Неумело перекрестившись, я выбежал из подъезда навстречу своему страху. Качелей на привычном месте не оказалось. Судорожно протерев руками слезящиеся глаза, я смотрел вперёд, ничего не понимая. Подъезд, которому полагалось находиться за моей спиной, обнаружился почему-то справа, метрах в тридцати, а прямо передо мной расположилась детская песочница. Это было очень скверно. Но хуже всего оказалось то, что в ней лежала маленькая мохеровая собачка.

При таком раскладе жить мне оставалось не больше секунды.

До сих пор не могу понять, кто словно бы вытолкнул меня вперёд и заставил резко развернуться, вскидывая руки в защитном жесте. Подножка качелей ударила наотмашь, легко ломая локтевые кости. Качели отбросили меня, почти выбив дух.

Я лежал на спине, пытаюсь вдохнуть непослушными легкими, и смотрел в дьявольские глаза — ненавидящие меня, ослепшие от черноты.

Выписавшись из травматологии, я неоднократно пытался спилить качели болгаркой. Один раз меня всё-таки оштрафовали. Позавчера я даже подогнал бульдозер, представившись работником ЖКХ, но был остановлен

бдительными старушками. Я приобрел славу психопата, надо мной смеются даже дети, а качели теперь охраняют от меня всем двором.

Но это меня совсем не беспокоит.

Зло, чем бы оно ни было, химерой или явью, должно быть остановлено.

И я буду снова и снова пытаться.

А ты кто?

— И запрети ему Иисус, и изыде из него бес; и исцеле отрок от часа того, — протянул священник нараспев, перекрестился, поцеловал Евангелие и закрыл его.

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе, — откликнулся небольшой женский хор, скрытый от глаз перегородкой с иконами.

Андрей кое-как выстаивал службу в церкви. По доброй воле он и не пришёл бы в это место, но настояла мама. Она твердо верила в ту ахинею, что вчера наговорила им бабка-знахарка. По её словам, на мальчика наведена большая порча из-за зависти. Вроде как это и являлось причиной участвовавших в последнее время обмороков. Участковый терапевт устало разводила руками всякий раз, когда в её кабинет входил Андрей.

— Ну не знаю, — вздыхала она, делая очередную запись в карточке, — давай попробуем... вот это...

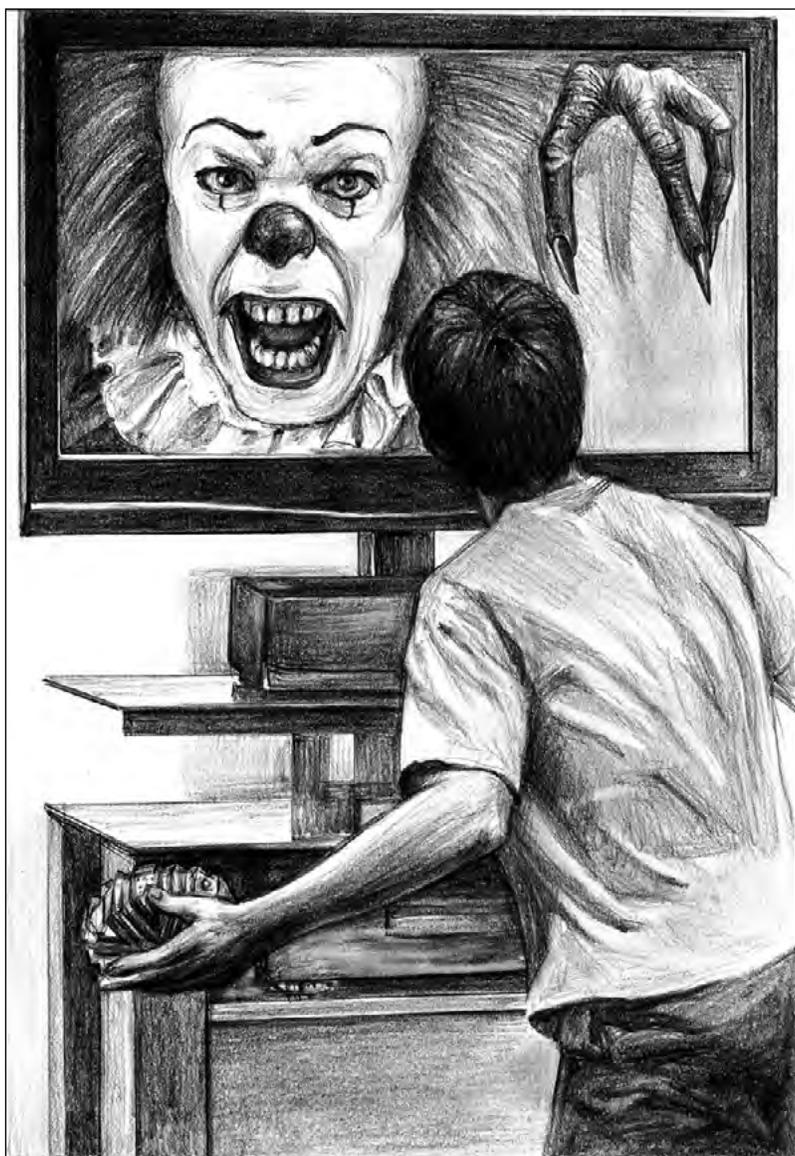
После чего назначала очередной препарат. Юноша уже начинал чувствовать себя как минимум лабораторной крысой для опытов.

— Мне бы орден ещё... типа, собака Павлова или что-то в этом роде...

— Чего?

— Нет-нет, ничего, не обращайтесь внимания, это я так...

Походив по врачам и не добившись ничего определённого касательно болезни сына, Илона Альбертовна приняла решение обратиться к бабке, которую ей давно уже рекомендовали коллеги по работе. Муж был категорически

против, но его мнение никто учитывать не собирался. Как и мнение сына.

Бабка сказала, что не возьмётся снимать порчу прежде, чем мальчик окрестится. Ещё он должен был поставить две свечи за упокой своим завистникам.

— Фитилём вниз, — настаивала она, — свечи нужно перекрутить спиралью, чтоб завистников так же скрутило... да, и слова не забудь сказать...

— Знаю, знаю. Крэкс, фэкс, пэкс.

— Андрей! — одёрнула его мама.

— Молчу, молчу, — вздохнул он, — а ведь это — самое главное!

Теперь Андрей маялся в душной церкви. Мама решила, что креститься — это, конечно, перебор.

— Пойдёшь, постоишь на службе, свечки эти поставишь, а потом пойдём к бабушке.

Идти к знахарке хотелось не больше, чем покупать свечи и ставить их каким-то там хитрым способом. Однако делать было нечего. Придётся потерпеть. Лишь бы никто из знакомых его здесь не застал...

Когда он, уже после службы, мучился со свечками, ветхая бабуля, сидевшая за книжным прилавком, поинтересовалась, для чего он крутит свечи. Услышав правду, она возмутилась:

— Чего надумал! И не стыдно? Взрослый парень уже, в институт скоро поступать, а веришь в порчу и сглаз! Да и вообще грех какой перед Господом — по бабкам да колдунам ходить!

— А что будет-то? Бог накажет, что ли? — агрессивно спросил Андрей.

— Господь-то милосерд. А вот ну как бес в тебя войдёт? Где колдовство, там и бес. Так вот!

— Бес? Это чёрт, что ли? Как войдёт — так и выйдет. Да плевать я хотел на него, на ваших богов и на всю вашу шарашку!

— Господь с тобой! Не кощунствуй, побойся Бога! — испугалась бабка.

— Бойтесь сами, а я не из пугливых! — с этими словами Андрей надел шапку и вышел из храма. Постоял немного на крылечке, застегнул пуховик и зашагал к остановке.

Вечером происшествие казалось уже неприличным сном, в котором не хотелось никому признаваться. Церковь, потом бабкины заговоры, литьё воска на воду...

Позвонил друг Виталька и стал взахлёб делиться впечатлениями от только что увиденного ужасика.

— Дюша, я тебе отвечаю, будешь бояться ночью в туалет ходить! Здоровский фильм! А уж в кладовку точно теперь не полезешь! Даже днём!

— Ой, Виталь, да ладно тебе! Нет такого фильма, чтобы я потом боялся чего-то.

— Да я тебе точно говорю, — не унимался друг, — не будешь спать ночи две, как минимум!

— Спал, сплю, и буду спать! — отрезал Андрей. — Ладно, тащи диск, у меня как раз родители в гости ушли с ночевой.

— Ну ты маньячина! — восхитился Виталик. — Один ночью будешь смотреть?

— И с выключенным светом.

Кино и вправду было неплохое. Сначала даже заинтриговало. Но в конце, когда неведомый ужас перестал скрываться в чуланах и тёмных углах, оказалось, что это просто мерзкого вида тварь.

— Да это просто какой-то бабай! — возмутился вслух Андрей.

Вскоре бабай получил от главного героя ботинком по голове. Андрей оскорбился и выключил неудавшийся шедевр за пару минут до его конца.

— Тоже мне, — ворчал он, — фильм детям!

Зевнув, парень зажёг свет, положил пульт на телевизор и отправился на кухню — приготовить себе пару бутербродов. Из-за кино он пропустил поздний ужин

и теперь собирался наверстать упущенное. Сзади послышался глухой звук падения. Оказалось, что пульт от телевизора свалился на ковёр. Не придав этому значения, Андрей зашёл на кухню. Холодильник был открыт, еда выложена на стол.

— Что за ерунда? — еле вымолвил подросток, ничего не понимая. Он точно помнил, что ещё полтора часа назад с холодильником было всё в порядке. Опасаясь, что получит от родителей втык за то, что разморозил холодильник, он начал лихорадочно запикивать всё обратно. Тут из гостиной послышался звук работающего телевизора. Вздвогнув от неожиданности, Андрей поспешил туда.

— Так это ты посмел бросить мне вызов? — спросил с широкого экрана какой-то бородатый ковбой, щёлкая барабаном револьвера. Андрей взял с телевизора пульт и нажал кнопку питания.

Постойте-ка, а разве пульт не должен был валяться на ковре? Тут ему стало не по себе. Вероятно, всему виной усталость и стресс. Столько всего произошло. Да ещё та бабка приставучая в церкви: «Побойся Бога, бойся Бога!» Вот и начнешь тут бояться всего подряд.

На кухне засвистел чайник. Андрей механически двинулся было туда, но вдруг остановился, содрогнувшись. Он не включал чайник. Усилием воли он заставил себя пройти на кухню. Не хватало ещё бояться в собственном доме!

Чайник оказался холодным. Галлюцинации...

Лопнула лампочка, чуть не задев осколками. Да что же это такое?!

Снова включился телевизор. Видимо, контакт какой-нибудь замкнуло. Придётся мастера вызывать...

По шестому каналу шёл какой-то зарубежный фильм.

— Хочешь шарик? — спросил клоун, сидевший под канализационной решёткой. — Он летает. Они у меня все летают! — прорычал он, обнажая острые зубы.

— Ерунда! — бодро сказал Андрей, нажимая кнопку во второй раз. Ничего не произошло. Тогда он выдернул шнур из розетки.

И вот тут ему стало страшно. Потому что телевизор не выключился. Клоун перестал затаскивать в канализацию визжащего мальчишку и заинтересованно посмотрел прямо в кадр. Затем приложил когтистую руку к экрану изнутри. Постучал. Раздался приглушённый стеклянный звук. Ухмыльнувшись, клоун стал что-то искать вокруг. Андрей смотрел на это в оцепенении. Мальчишка, освободившись от злого клоуна, не убежал, а стоял, спокойно глядя в комнату. Тут клоун нашёл кусок трубы и поспешил обратно. Оцепенение прошло. Схватив мамину пепельницу из чешского стекла, Андрей запустил её в телевизор. Экран разбился и погас.

Какое-то время он стоял, прислонившись к стене, тяжело дыша. Нет, этого не могло быть! Герои кинолент не оживают и не пытаются проникнуть в дом! Телевизор не может работать, если не включен в сеть. Это всё его собственное воображение. Последствия его болезни. Или та знахарка внушила ему все эти видения гипнозом. А иначе пришлось бы поверить во всяких там барабашек. Так недолго поверить и в чертей. А там глядишь — и в Бога начнёшь верить да яйца красить на Пасху.

Нет, всему должно быть рациональное объяснение. Чудовищ нет. Нет бесов. Нет и Бога. Есть люди, есть животный мир, есть законы природы.

Придут родители — спросят за угробленный телевизор. Наказание будет реально. А всё это — иллюзия.

Краем глаза Андрей заметил какое-то движение слева. Резко развернувшись, он обнаружил, что за окном кто-то стоит. Фигура наклонила голову набок, разглядывая его.

— Бред! — выкрикнул Андрей. — Тебя нет! Седьмой этаж ведь!

Он поспешил в коридор, где стояла его бейсбольная бита. Её он приобрел для самообороны. Титановая бита, по его мнению, должна была предотвратить проникновение в дом грабителей, когда родители не ночевали дома. Зажав её в скользких от пота руках, он двинулся к окну. Там уже ничего особенного не происходило. Но стоило убедиться в том, что это снова была иллюзия. Распахнутое окно впустило в дом волну морозного воздуха.

Порядок. Почти. Седьмой этаж продолжал оставаться достаточно высоко от поверхности земли. Вот только на заснеженном подоконнике остались отпечатки чьих-то рук. Отпечатки были расположены пальцами к стеклу. В ужасе Андрей отпрянул от окна. Стал гаснуть свет. Не сразу, а как-то постепенно, словно падало напряжение. Закружилась голова, но дикий страх не давал упасть в обморок. Почти физически ощущалось чьё-то присутствие в квартире. Бита стала такой скользкой, что её уже невозможно было удерживать в руках. Да и грозным оружием она больше не казалась. В ушах неприятно звенело, в висках стучало так, что голова, казалось, сейчас лопнет. Перед глазами плыл густой красный туман.

Затрещали обои. Из внешней стены выступала размытая чёрная фигура. Без лица...

— Ты кто? — истерически заорал Андрей. Ответа не было.

Существо, не спеша, приближалось. От него веяло ненавистью. Холодный липкий ужас вползал в грудь, парализуя дыхание и расслабляя мышцы. Понимая, что скоро бита просто выпадет из рук, парень размахнулся и с нелепым сипом швырнул её в фигуру. Лишь слегка поколебав страшный силуэт, бита вылетела в распахнутое окно.

Перед ним был не монстр из телящика, не сказочный оборотень или вурдалак. Перед ним был самый настоящий демон из преисподней. Не мохнатый чёртик с хвостиком

и рожками из карикатур, а настоящее воплощение зла. Человекоубийца. И он медленно и неотвратно приближался.

Андрей решил, что он должен любой ценой избежать прямого контакта с этим существом. Даже смерть казалась ему сейчас лёгким выходом из положения. Вспомнив, как священник читал в церкви Евангелие, он неуверенно прошептал, вытянув руку:

— Сгинь! Не прикасайся ко мне! Запрещаю тебе... именем Иисуса!

Демон на мгновение остановился, но только для того, чтобы оглушительно расхохотаться. Казалось, что он говорил тысячей отвратительных голосов.

— Именем Иисуса? Иисуса мы знаем! А ты-то кто?

Настанет утро...

Спит ночной город. Улицы пустынно. Редкий прохожий, идущий по своим делам, не нарушает царствующего покоя. В сердце города — православный собор. Он словно сошёл с высоты и, прикинув ко грешной земле, сводит за собой небеса. Подворье Горнего Иерусалима, где всякий может прикоснуться к вечности и устремиться к бессмертию, став причастным к Христову Воскресению. Навстречу золотым куполам тянутся облака, рассыпаясь хлопьями пушистого снега. Ласковый ветер подхватывает белые звёздочки и кружит их в изящном танце. Наигравшись вдоволь, укладывает их в мягкие сугробы и расстиляет по граниту ступеней. Фонари нежно-молочным светом озаряют полёт небесных балерин. Природа в сонном смятении. Снег оседает на причудливом переплетении металлической решётки. Ворота заперты до утра, оберегая кратковременный сон святых стен храма. Тишину нарушает звон цепи. Это пёс у фонарного столба начинает гоняться за своим хвостом. Ловит. Умиротворённый ложится. Снега под ним нет: растаял.

Из сторожки вышел охранник, встревоженный шумом. Огляделся вокруг, перекрестился на купольные кресты и, хрустя снегом, пошел на обход территории. У пояса — резиновая дубинка. Бесплезная. «Если Господь не сохранит города, напрасно бодрствует сторож». Уходит, оставляя за собой борозду, за которую, не теряя времени, берётся вьюга, орудуя ледяной метлой. Убелённый порошей пёс, свернувшийся клубком, больше напоминает снеговика.

Время от времени украшенные цветными лампочками ёлочки, покачивая разлапистыми ветками, сбрасывают с себя хлопья снега, а через минуту вновь облачаются в посеребрённые ризы. Со скрипом отворилась дверь здания воскресной школы. Не желая будить своих соседей по гостевой комнате, молодой послушник собора вышел, окунувшись в бодрящую январскую свежесть и, возблагодарив Господа за дивную ночь, направился к трапезной, напевая под нос пасхальные стихиры.

Успешно миновав натянувшую цепь косматую злющую собаку, он зашёл в трапезную и, скинув тулуп и шапку, встал на еженощное чтение Псалтири.

— *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста,* — начал он глухим басом. Он будет читать до утра, а потом, свернувшись калачиком на лавке, спать, пока его не разбудят пришедшие раньше всех бабушки-просфорницы. Спит собор.

Ближе к утру собаки, позавтракав, отправятся на отдых. Ступеньки будут очищены от снега, появятся две дорожки, ведущие от калиток к храму. Ворота распахнутся и будут ожидать первых прихожан. Придут священнослужители — совершать Бескровную Жертву за весь мир. Придут пономари — помогать на службе. Придут певчие — ангельским служением возносить хвалу Богу.

Придут люди помолиться. За себя, за родных, за всю страну и воинство её. Будут просить о прощении своих грехов и спасении всех людей. Вознесутся к Богу тёплые молитвы о граде сем и о святом храме сем. Ветер утих, да и туча иссякла. Небо, опустившись на снежную перину, приостановило время, продлевая сон утомившейся природы...

Спит собор, ограждая от всякого зла уснувший ночной город. Скоро утро...

Пономарка

Субботним январским утром бывший семинарист Илья Хан с мешком просфор зашёл с морозного крыльца в пономарку. Первым делом набрал в электрический чайник воды и вскипятил её. Ещё нужно было разложить в алтаре облачение служащему священнику и позаботиться о куче других вещей. Спустя четверть часа пришла баба Люба со своей неизменной авоськой, полной поминальных синодиков. Она была при церкви более пятидесяти лет и уже не мыслила без храмовой молитвы ни одного дня.

— Здравствуй, Илюшенька.

— Здравствуйте, баба Люба, как Ваше здоровье?

— Да хорошо, Илюшенька, слава Богу, спаси тебя Матерь Божья!

Выложив помянники на стол, бабушка пошла в храм — ставить свечки.

Следующими пришли заспанные Санька с Лёхой — штатные пономари собора, которые жили в гостевой комнате для ставленников, будучи иногородними.

— Христос Воскресе! — пробасил обычное своё приветствие лохматый Санька. Похоже, что этому он научился у преподобного Серафима.

— Воистину Воскресе! Опять всю ночь Псалтирь читал?

— Да он в коридоре под дверью стоял, бубнил, так я его в трапезную прогнал. Теперь пусть там молится, — радостно вмешался Лёха, приглаживая свои запорожские усы.

— Да ты что, там же Цербер прицеплен — около трапезной! Как ты прошёл? — округлил Илья глаза.

Санька широко заулыбался и похлопал того по плечу.

— Илюха, а я перекрестил Божью тварь да и прошёл с молитвой.

— Блаженный, — иронически подняв бровь, изрёк Лёха, — скоро лесного ведмедя прикормит у нашей кельи. Ну а я-то не святой, потому ведмедь тот меня и заламает. Скорее всего, насмерть.

— Не, ну серьезно, — недоумевал Хан, — он и меня-то не очень уважает, хоть я его и закармлил уже. Признает только сторожей. Пашка рассказывал, что Цербер за время своей службы уже три раза рвал цепь. А она между прочим с палец толщиной.

Пришёл отец Сергей, покрытый мелкими капельками от талых снежинок.

— Здорово, бандиты! Почему лампы на иконостасе не горят?

Санька умчался на солею, а Лёха принялся сортировать принесённые записки на заздравные и заупокойные. Диакон облачился в подрясник, встал у подоконника и стал дочитывать Правило ко Причащению.

Отец Пётр, служащий священник, стремительно ворвался в пономарку, на ходу сбрасывая дублёнку. Обменялся с диаконом рукопожатием и братским поцелуем в щёку.

— Здравствуйте, батюшка, благословите, — подошли под благословение Илья и Лёха.

— Не хватало мне ещё с утра таких приключений — с пацанами целоваться! — пошутил отец Пётр, но благословение всё же дал.

— Слушай, — обратился он к хмыкнувшему в ответ отцу Сергию, — вот если бы лет эдак десять тому назад кто-нибудь сказал мне, что я чаще буду целоваться с бородатыми мужиками, чем с собственной женой, — не поверил бы и в морду дал!

Парни прыснули от смеха, а отец диакон лишь сурово посмотрел на собеседника и спросил у него, вызвав тем самым у пономарей новый взрыв веселья:

— Скажи, бать, а вот ты продал бы свою душу дьяволу за двадцать тысяч баксов?

— Да ну тебя! — отмахнулся священник. — Пошли входные молитвы совершать.

Вошла баба Люба, опираясь на палку.

— Отвещай ми, баба Люба, — обратился к ней диакон нарочито торжественно, перейдя на утробный бас, — а ты возмогла бы продать душу свою дьяволу баксов ради иудейских?

— Матерь Божья! — воскликнула несчастная старушка и не вышла — буквально вылетела обратно в храм.

Отец Пётр закатил глаза и утащил шутника в алтарь.

— А Пашка чего это до сих пор не явился? — забеспокоился Илья о друге, как и он сам, исключённом из семинарии за драку.

— Так ведь он у настоятеля отпросился на утро, — отозвался Лёха, задумчиво глядя в богослужебный календарь, — жену в роддоме навестить, кажется, или типа того.

— М-м-м... Благодать! Бородиных скоро на планете станет больше, — сказал Санька, возвратившись в пономарку.

— Да не в роддоме, а в больнице. У неё проблемы там какие-то... эти... свои, в общем.

— Ну так давайте после службы смотаемся.

— Куда смотаемся? — это пришёл отец Фёдор, утирая испарину со лба платком. — Отсюда не смотаешься.

— Батюшка, благословите!

— Бог вас всех благословит и укрепит! Так, где баба Люба? Где мой синодик? Чего стоим? Быстро находим всех и вся!

Разогнав всех пономарей, отец Фёдор, грузный священник, облачился в просторную греческую рясу и плюхнулся на кушетку. С этой кушетки он будет зорко следить, чтоб возвратившиеся послушники читали во время проскомидии записки и поминальники.

Много забот у пономаря во время литургии. Нет ни минутки, чтобы присесть или даже задуматься о своём.

Вовремя подавать диакону кадило, для которого сперва нужно разжечь на спиральной плитке древесный уголь, да не забыть и о ладане, чтобы был густой ароматный дым. Сам же уголь раз в неделю добывался из дров или упавших тополиных веток.

Всякий раз, когда отверзаются царские врата, включать храмовое и алтарное паникадило. И выключать по закрытии. Одним глазом читая записки, другим глядя на диакона и священника — вдруг что-то понадобится.

Ходить со свечой на входы. Тут следует помнить порядок, кто за кем идёт, где повернуться, куда поклониться, когда перекреститься. И ещё следить, чтоб у тебя и твоего собрата-пономаря подсвечники были на одинаковой высоте, иначе будет ругаться настоятель. Не дай Бог, под стихарём окажется незастёгнутым воротник рубашки!

Читать Апостол. Целая наука! Каждому дню в церковном календаре соответствует своё апостольское чтение, прокимен и аллилуарий. Читать надо громко, чинно, красиво, да так, чтоб прихожанам было понятно каждое слово. Если сам не понимаешь, что написано, то и прочитаешь так, что не поймёт никто — даже служащий священник. А за такое можно получить земных поклонов. Пятьдесят, сотню. Никакие отжимания даже не идут с этим в сравнение.

Нарезать антидор, приготовить запивку, блюсти, чтобы все лампадки горели ровно, поправляя их фитили, подливая вовремя масло. Держать с диаконом плат, пока священник причащает на амвоне. Вынести на молебен столик для записок, требник, водосвятную чашу и кропило.

После службы — уборка. Облачения развешиваются, всё раскладывается по местам. Пол в алтаре и пономарке очищается от восковых пятен и моется со стиральным порошком. После уборки пономари идут в трапезную, где их ждёт вкусный обед и обсуждение прошедшей службы.

Помимо Апостола пономарь должен уметь читать на церковнославянском языке Шестопсалмие, канон на утрени и Часы, чтобы выручать певчих, когда у тех проблемы с голосом. Ну, или даже если проблем нет, а просто хочется постоять среди девчонок, перекинувшись с ними парой шуток. Чаще всего будущие семейные пары образуются именно тут, на клиросе, во время чтения Часов.

А ещё обязательно нужно знать и понимать состав и последовательность богослужения. Тут уж то священник подскажет, то диакон даст нагоняй, то сердобольные псаломщицы возьмут над тобой шефство.

Чудное место — пономарка. Здесь тебе и школа дисциплины, и ускоренные курсы богословия, когда, раскрыв рот, слушаешь разговоры и дискуссии священнослужителей. В этом месте завязывается настоящая дружба на всю жизнь, тут научаешься любить всё, что связано с Церковью. Будучи преддверием алтаря, пономарка подготавливает будущих диаконов, священников и епископов. Являясь преддверием Царствия Небесного, словно сад при Эдеме, пономарка даёт навык возделывать своё сердце, хранить и умножать православную веру.

Пройдёт не больше года, как Илья женится на красавице Ирине, из-за которой он чаще других бегаёт на клирос петь и читать, затем они с Павлом будут рукоположены сперва во диаконов, затем и во священников. Семинарию они окончат уже заочно. Алексей уедет в родное село, где начнёт заниматься строительством деревянного храма, став старостой. Александр поступит в число братии аж самой Троице-Сергиевой Лавры, мечтая после попасть на Святую Гору Афон. И они станут лучшими друзьями, готовыми отдать друг за друга жизни.

Ангельское пение

Этим свежим мартовским утром, уже переходящим в день, Денис проснулся с небывалым чувством — ему не хотелось слушать музыку. Это было очень странно, ведь под звуки хард-рока он засыпал, просыпался, принимал пищу, учил уроки, жил, в общем. Даже лекции и семинарские занятия Денис посещал, не расставаясь с любимым плеером ни на секунду. Фирменный японский плеер имел особую конструкцию: благодаря полной герметичности он мог работать даже под тропическим ливнем. Аудиокассеты к нему подбирались с особой тщательностью, почти ритуально. «Рок-н-ролл — моя религия», — пел великий и ужасный Оззи, и Денис полностью с ним соглашался.

Постояв в недоумении перед внушительной пирамидой аудиокассет, парень к своему ужасу обнаружил, что не испытывает желаний послушать ни «Блэк Саббат», ни «УДО». Тогда, обескураженный, он стал наугад включать альбомы других групп, но тщетно. Одни казались слишком нудными, другие — крикливыми, третьи — шумными. Не изменили положения ни бородатые на две трети «Зи Зи-Топ», ни даже «Алькатрас». Больше ни на что глаза даже смотреть не хотели.

Денис взволнованно ввалился на кухню, распечатал дрожащими руками пачку «Золотой Явы» и стал курить в форточку, переваривая происшедшее. Где-то внизу врубил на полную громкость то ли «Руки вверх», то ли «Отпетых мошенников», и тут же отвращение скользким комом подступило к горлу.

Душа тут же наполнилась радостью из-за того, что поп-музыка всё еще оставалась ему ненавистной. Эстрадных исполнителей он не любил и вообще свято верил, что все катаклизмы и нестроения в мире происходят оттого лишь, что одни поп-музыку пишут, а другие её слушают. Переубедить его в этом не удавалось никому. Даже свои положительные черты характера Денис приписывал исключительно влиянию рок-культуры, а отрицательные — воздействию эстрады. А стоило только краем уха услышать где-нибудь в автобусе: «Крошка моя, я по тебе скучаю...», как настроение неизбежно портилось на весь день. Спасение было только в плеере и мобильном наборе кассет. Правда, неплохо ещё выручали светлое пиво, крепкие сигареты и чёрный крупнолистовой чай.

Если кому-нибудь хоть на миг показалось, что Денис был каким-то забуддыгой, то он ошибся. Молодой человек успешно заканчивал второй курс медицинского университета на факультете стоматологии. Несмотря на обилие отвлекающих элементов, он много читал, учился на пятёрки, получал престижную губернаторскую стипендию и мечтал о красном дипломе. За всю свою жизнь Денис не обидел и мухи. Обладая приятной внешностью, он, однако, всячески избегал девчонок, считая дела амурные пустой тратой времени. Женитьба вовсе представлялась ему как минимум татаро-монгольским игом. «Рокеры не сдаются», — повторял он всякий раз, когда смотрел на однокурсниц.

Жизнь Дениса проходила спокойно. Различные невзгоды обходили студента-медика стороной. Духовная сторона бытия волновала его немногим больше, чем события в дачном посёлке Бурундук. Хотя нет. Был всё же один эпизод, когда друг Пашка рассказал, что если креститься в православную веру, простятся все грехи. Тогда Денис поинтересовался, нельзя ли устроить так, чтобы простились и будущие грехи? Не торопясь принимать Крещение,

парень тем не менее был убеждён, что лишь Православие является истиной. А когда он прочитал (буквально за неделю проглотил) предложенные ему книги диакона Андрея Кураева, то вообще сделал вывод, что все остальные религии не представляют для него ни малейшего интереса, а разнообразные секты, вероятнее всего, — печальный удел любителей попсы.

Произведя статистическую выборку и несложные арифметические расчеты, он на примере своих знакомых вычислил, что несчастные приверженцы поп-музыки большей частью находятся в каких-нибудь сектах, а любители рок-музыки как правило оказывались православными. Заглянув в мини-библиотеку своего соседа по комнате (тот слушал исключительно танцевальную музыку), Денис обнаружил «Бхагават-Гиту», «Агни-йогу» и «Дианетику». «Вот до чего доводит попса», — печально подумал юноша и ещё раз убедился в истинности... рок-н-ролла. На этом его духовные искания утихли.

Выкуренная сигарета оказала нужный психологический эффект, и Денис успокоился. Сегодня не нужно было идти на занятия из-за торжественной конференции по поводу присвоения мэру звания почётного профессора медуниверситета, и он решил пройтись по городу. Не то позавтракав, не то пообедав в оглушающей тишине безо всякого аппетита, парень отправился в зимне-весеннюю прохладу. Без плеера было как-то не по себе. Обязательный обход музыкальных ларьков показал, что никаких изменений в аудиомиру не произошло. Цены всё те же, ассортимент не увеличился. Супермаркеты по-прежнему изобиловали малодоступными для студенческого кармана напитками. Табачные магазины тоже не предлагали ничего нового. Пустые кинотеатры привычно показывали второсортный хлам. В театре шла всё та же «Сильва». Постоял на мосту, поплевался в незамерзающую речушку. Спустился по грохочущей бело-синим трамваем улочке. Долго блуждал ста-

ринными переулками мимо деревянных домов. Любимое кафе оказалось закрытым. Весьма некстати, надо сказать.

Дневная хандра постепенно перерастала в вечернюю депрессию. Визит в семейную общагу к Пашке показал, что тот отсутствует дома. Бородин был тот ещё металлист и из «человеческой» музыки слушал только Фредди Меркьюри. Впрочем, за такое ему прощались всякие металлики и прочие бурзумы. С ним как раз стоило обсудить сегодняшнюю мистику. Тем более, что он работал церковным сторожем и пономарём. Тогда Денис решил поискать его в соборе. Ближился вечер, а значит, где-то в это время должна начаться вечерняя служба.

Невысокий собор был красив. Горящее золото куполов напоминало взметнувшиеся к небу языки пламени пасхальных свечей. Впервые за свои девятнадцать лет Денис переступал порог храма. Шапку он предусмотрительно снял, опасаясь всячески расписанных ему другими студентами злых бабушек. Войдя в притвор, он задержался у стеклянных витрин с книгами и иконами, близоруко пощурился на информационный стенд, перечитал все объявления о работе приходской библиотеки и воскресной школы, полюбовался на лестницу, таинственно уходящую наверх, и только потом решился войти в храмовую часть собора.

Какое-то время он стоял в проходе, впитывая окружающее и происходящее. Денис ожидал увидеть одних только стариков, но, к его удивлению, вокруг стояли люди всех возрастных и социальных (как сказал бы декан) категорий. Впереди высился великолепный иконостас, а перед ним стояло несколько священнослужителей. Пашки нигде не было видно. Скорее всего, он был на смене и сейчас кормил собак в дальних вольерах за трапезной. Царила невероятно торжественная атмосфера. Никто не переговаривался. Многие стояли на коленях. Денис замер.

Молодой священник приятным звучным тенором читал необыкновенно красивые слова: «Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию, но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление». Небольшой хор из двух священников и одного диакона, стоявших рядом, запел: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Тенор продолжал неспешное чтение, а Дениса постепенно охватывало какое-то странное чувство. Незнакомые слова приятно ложились на слух и согревали сердце. Время бездействовало.

Слабое зрение не давало возможности подробно разглядеть иконостас, и Денис, прислонившись к стене, закрыл глаза. То ли от насыщенности впечатлений, то ли от проведённого на ногах дня, хотелось лечь и поспать. Чтение убаюкивало.

Но вот запели: «Душе моя, востани, что спиши?» Денис вздрогнул, открыл глаза и отогнал сон. Вскоре середина храма перед ним опустела. Началось чтение псалмов. Немного постояв, он уже собрался было уходить, но вдруг откуда-то сверху полилось дивное пение. Мужские голоса задумчиво выводили старинным распевом: «С нами Бог, разумеите языцы».

Невероятная красота пения вдруг закружила голову. Стали добавляться другие голоса, хотя количество певчих не изменилось. Голоса эти были сказочно красивы, они умножались, и вот уже огромный хор пел, наполняя старый собор чудным пением: «Хвалите Его во гласе трубнем». Никогда ещё не касались слуха Дениса такие совершенные звуки. Сердце наполнялось необычайной сладостью. Мир Христов наполнял некрещёную душу, призывая к Божественному общению.

«Придите...», — слышались удивительные слова. Они были обращены и к нему тоже.

«Его же славословят непрестанно ангели», — лилось из открытых небесных врат. Лучшей музыки нельзя было и представить.

Насколько возмутительно было бы пить из лужи, испробовав сладчайшего нектара, так невозможной казалась любая другая музыка после ангельского пения. Широко открыв глаза, смотрел Денис куда-то вверх, сквозь купол, вызывая, может быть, у кого-то недоумение. Ему было всё равно. Закончилась служба первого дня Великого поста, а он слушал и внимал небесам, позабыв о земном. Сейчас он стоял, устремившись мыслями к Тому, Кого воинства небесные славят, Кто повесил землю на водах, пред Кем трепещут херувимы и серафимы, Кого хвалит всякое дыхание, Кто призвал его, Дениса, видя незачерствелое ещё сердце и неогрубевшую душу. И Он, некогда распятый на Кресте, призывал сейчас своё чадо с любовью, выше которой нет на всей земле.

Электросон

Странности снова начались во втором тайме. Опять на поле, как из-под земли, появился Морозов. Виталик был готов поклясться, что его не было всю игру. Ну откуда он всякий раз появляется?

Морозов был самым классным футболистом во всём районе. Заполучить его себе в команду гарантировало успех. Однако из всех ребят, кому не посчастливилось играть в одной команде с Морозовым, лишь Виталик никогда не оставлял надежды на победу. Всякий раз он самоотверженно бросался на противника, чтобы отобрать мяч и не пустить к воротам. Но чёрно-белый «колобок» уходил от Виталика так же легко, как и от зайца, и всё время лънул к ловким морозовским ногам. Матч был проигран, и чумазый Виталик, потирая ушибленный о землю локоть, шёл в свой двор. От предложения Морозова пойти поиграть с ним на том берегу реки, он, как обычно, отказался.

— Опять сейчас придёт эта смска, — подумал Виталик. И смска пришла. Как и всегда, она содержала предложение, которое должно было заманить его на правый берег. На сей раз там затевалось открытие спортивного магазина с бесплатной раздачей велосипедов первым трём посетителям. Получить новенький велик взамен искорёженного при столкновении со шлагбаумом очень хотелось. Но Виталик давно уже понял, что многочисленные дела, возникающие на том берегу реки, и разнообразные заманчивые предложения — всё это неслучайно. Кто-то или что-то хочет, чтобы он перешёл по старому заброшенному мосту. Был и другой мост, с автомобильным движением, но тот

закрыли ещё прошлым летом, и автобусы по нему не ходят. Однако жизнь на том берегу, что называется, кипела. Концерты, всевозможные конкурсы, спортивные соревнования, бесплатные киносеансы, ярмарки случались там ежедневно. И ведь почти всех друзей угораздило переехать именно туда. Они звонили, писали, в общем, зазывали в гости, но сами на левом берегу никогда не появлялись. Воспитанный жизнью и книжками Владислава Крапивина, Виталик знал, что подобные загадочные вещи ничего хорошего ему, двенадцатилетнему мальчику, предвещать не могут. Чего только стоит та история с его другом Андрюхой, выпавшим с седьмого этажа. Чудом жив остался. Такую чертовщину рассказывал, просто ужас...

— Дорогие друзья! Только сегодня плавательный бассейн «Бермуды» работает для вас в бесплатном режиме! — внезапно ожил на столбе старый радиодинамик.

Виталик остановился и внутренне напрягся...

— Справка от врача не требуется, — продолжал ржавый колокольчик, глядя на худого мальчишку в стареньких сандалиях пустым круглым глазом.

— Хороший бассейн «Бермудами» не назовут, — выпалил в этот глаз Виталик, предварительно убедившись, что вокруг ни души.

— Бассейн «Дельфинчик»? — немного помолчав, предположил динамик.

— Ага, как же, как же, — уходя, бросил Виталик через плечо.

— Бесплатный прокат шапочек и плавок, — донеслось неуверенно уже из-за спины.

Виталик шагал и думал, что с ним, скорее всего, случилась беда после прошлогодней аварии, когда, слетев с велика, он больно ударился головой. Небольшое сотрясение, вероятно, даёт о себе знать. Только бы не сумасшествие! Папа больше всего на свете боится, что его ребёнок будет ненормальным, как дядя Юра, который свихнулся как раз

из-за травмы. Его сильно ударило качелями несколько лет назад. Сколько раз папа, ударяя пивной кружкой по столу, шумел, что нет на свете ничего хуже безумия! Даже смерть, мол, и та лучше! Так и говорил: «Я бы предпочёл сдохнуть, чем гнать гусей, как мой брательник!» А на приёме у знакомого невролога, к которому они прошлым летом часто ходили из-за участвовавших головных болей, папа как-то раз, понизив голос, даже спросил Вадима Сергеевича, не станет ли его сын дураком. Было так стыдно, что хотелось провалиться под землю!

Подводить папу совсем не хотелось, и Виталик старался превозмогать своё состояние, по возможности не реагируя на странности и иллюзии. Вроде вчерашней, со щенком лабрадора, который убежал от него к заброшенному мосту. Или с глупым радиоглазом. Ну, то уж точно было невзаправду! Надо было сдержаться и не заговаривать с галлюцинацией. Нельзя, чтобы папа узнал. Это его добьёт, а ведь он ещё не вполне оправился после развода. И Виталик вновь решил, что самым правильным будет продолжать жить, делая вид, что ничего необычного не происходит. И, пожалуй, самое главное, ни под каким видом не приближаться к навязчивому старому мосту!

— Буду считать, что правого берега не существует, — произнёс Виталик, вслушиваясь в тишину пустых улиц берега левого.

* * *

Анатолий сидел у постели сына, неуклюже гладил его по голове шершавой ладонью и тихим голосом, стесняясь самого себя, рассказывал, чем они займутся на выходных. С зарплаты можно купить новый велосипед. И шлем. Обязательно шлем. Абонемент в бассейн, в принципе, не такой уж и дорогой, если бросить курить. А он обязательно бросит. Да и на выпивке можно отлично сэкономить.

— Ты только проснись, сынок... К нам в город приезжает «Восьмой День», твоя любимая группа, концерт будут давать как раз восьмого числа. Я и билеты уже взял нам с тобой... В первом ряду, представляешь? Обязательно автографы возьмём у всех музыкантов... А хочешь собаку? Помнишь, ты ещё хотел лабрадора, а я тогда сказал, что он дорого стоит? Я тут подумал, что нам втроём, пожалуй, веселее будет. С собакой-то. Ага... Ты, главное... это... просыпайся, сынок...

Что-то пошло не так, когда он привёл сынишку на сеанс электросна. Виталик не просыпался вот уже неделю. Врачи не знали, что случилось. Обычные методы пробуждения уже испробованы, а результата всё нет...

— Это не кома и не летаргический сон, — сказал сторбленному Анатолию пожилой профессор, морща лоб, — все жизненные показатели в норме, а мозг мальчика находится, согласно энцефалограмме, в фазе быстрого сна. Но мы не знаем, почему мозг отказывается просыпаться. Будьте рядом с сыном. Разговаривайте с ним. Он сейчас видит сны. Яркие. Реалистичные. Рассказывайте ему о настоящей реальности, рекламируйте её, если хотите...

Так и сидел Анатолий с Виталиком каждый день после работы, отлучаясь только, чтобы сбегать домой поесть и помыться. Сидел, изо всех сил стараясь не заплакать, гладил сына по русой голове и тщетно уговаривал его проснуться.

Валаам

Уже более часа отец Павел Бородин, молодой настоятель сельского храма св. Дмитрия Донского, стоял у автобусной станции, ожидая в гости семинарского друга. Автобус безнадежно опаздывал.

— Здорово, борода! — прозвучал сзади знакомый голос. — А ты чего это в подрясник вырядился, денег девать некуда, а?

Бородин обернулся, улыбаясь. Отец Илья был одет во всё чёрное: пиджак, футболку, джинсы и даже солнцезащитные очки. Выдвинув вперёд нижнюю челюсть, он стоял, засунув руки в карманы джинсов. Друзья обнялись.

— Ну, ты просто какой-то man-in-black¹⁵. А чего ты там про подрясник? Это тебе не город, тут в гражданском мне нельзя никак. Люди не поймут. А ты на чём приехал, да и вообще, куда автобус дел с пассажирами и водителем?

— Отец, не поверишь, автобус в реку упал с моста. Я один выплыл.

— В какую ещё реку, охальник? В Нил, что ли? — состроил кислую мину отец Павел, скептически глядя на друга.

— Ну, поломался, короче, твой автобус. А следующий, кажется, идёт к вам вечером. Шофёр его там до сих пор ремонтирует. Я попутку поймал, вот и доехал. Слушай, а у вас тут с речками точно проблема, ни одной, что ли, нет? А где я буду купаться? — возмутился отец Илья. — В корыте, в лохани?

— Ну, в общем, мыслишь ты верно, не в океане. Ладно, пошли ко мне, лягушка-путешественница.

15. Человек в чёрном (англ.)

— Но-но, полегче, — погрозил пальцем друг, — а что это за безумные глаголы — «пошли»? А где карета для дорогого гостя?

— Давай шагай, карета ему! — хмыкнул Бородин.

— А далеко идти? — забеспокоился отец Илья.

— Километров около шести.

— Смерти моей хочешь, пилигрим? Ладно, идём. А может, попутку остановим, да и доедем, а?

Отец Илья умоляюще посмотрел на спутника. Тот помотал головой:

— Нет, здесь так не принято. Никто не остановится.

— В смысле? Меня же подвезли до твоей деревни...

— Не знаю, не знаю... Удивлён.

— Ну а то, что ты в подряснике, с крестом? Никто попа не подвезёт? Тебя же тут все знать должны.

Отец Павел усмехнулся и зашагал по обочине. Так, за разговорами, они прошли пару километров. Отец Илья, конечно, предпринимал попытки останавливать обгоняющие их автомобили, но тщетно. Водители лишь глазели на бородачей.

— Слушай, ну что за люди? — возмущался он, — о, смотри, вон крузер какой-то едет. Наверное, трудяга-колхозник. Сдал в городе урожай, прикупил себе безлошадную повозку...

— Ну-ка? — отец Павел обернулся и посмотрел на приближающийся автомобиль. — А вот это директор асфальтового завода. Я к нему сколько ни обращался, у него для церкви никогда денег нет.

— Ага, ну откуда у директора деньги, сам рассуди. Смотри-ка ты, фары горят. Скандинавский вариант. Ага, Тойота Раннер — «бегун» то бишь, в переводе с вражеского...

Внедорожник проехал мимо. Сквозь тонированные стёкла водителя видно не было. Бородин, сложив пальцы правой руки в священническом благословении, размашисто перекрестил машину вслед. Отец Илья, улыбнувшись, хотел

было отпустить по этому поводу шутку, но тут истерически завизжали тормоза, заставив невольно вздрогнуть.

— Что, сбил кого-то, что ли? — забеспокоился он, тревожно взглянув на отца Павла.

Тот молча поднял указательный палец: тихо, мол. Автомобиль настолько резко затормозил, что его слегка занесло в сторону обочины. Прошло с полминуты. Вновь зажглись задние фары. Зарычал двигатель. Автомобиль дал задний ход и через пару мгновений поравнялся со священниками. Открылась дверца, открыв взорам внушительного вида водителя — под стать автомобилю. Мужчина лет пятидесяти, привыкший командовать и повелевать, выглядел слегка растерянным. На лбу была испарина, свойственная грузным людям.

— Батюшка, что же это ты пешком? Давайте в машину — подвезу, — пробасил он, убирая с пассажирского сидения коричневую барсетку. Та легко уместилась в его широкой ладони.

— Спаси Бог, Александр Валерьевич, — невозмутимо ответил Бородин и деловито забрался в машину. Отец Илья снял тёмные очки, одним движением руки сложил их и сунул в нагрудный карман пиджака.

— Круто, — пробурчал он себе под нос и сел на заднее сиденье.

— Как дела, отец Павел? — спросил директор, включая передачу.

— Да всё так же плохо, Александр Валерьевич, — ответил тот, переворачивая перекрутившийся на груди крест лицевой стороной вперёд, — скоро осень, а на церкви крышу отремонтировать не на что. Доход у нас отрицательный, а ещё за свет не плачено. Послал бы Бог благодетеля, а то сами не справимся.

— А что ваше руководство, оно разве не помогает? — директор поскрёб подбородок указательным пальцем и покосил на отца Илью в панорамное зеркало заднего обзора.

Тот предпочёл промолчать, глубокомысленно наморщив лоб.

— Да вот ведь какое дело. Наше с отцом Ильёй (тут отец Павел кивнул в сторону друга) руководство считает, что посёлок с такими замечательными предприятиями, как вот ваше, к примеру, вполне способен самостоятельно содержать дом Божий в полном порядке. Владыка говорит, что не бывает таких руководителей, которым безразлична Церковь Христова, а бывают нерадивые священники, вроде меня, которые не вполне соответствуют занимаемым должностям.

— Да ну ты что, батюшка, что это за ерунда: «нерадивый», «не соответствует»... Этот ваш Владыка — он здесь не прав. Покроем мы тебе крышу. И территорию постепенно заасфальтируем, дорогу подведём. Заходи ко мне на следующей неделе — обговорим всё. За свет постараемся помочь. Не переживай. Как там говорят: «Бог не выдаст — свинья не съест».

Директор довёз их прямо до дома и попрощался за руку.

— Интересно, — сказал отец Илья, потирая едва не раздавленную кисть, — смотри-ка ты: сразу по тормозам, подвёз, помощь пообещал... Что он такого увидел, когда ты его перекрестил?

— Может, ангела с обнажённым мечом поперёк дороги? — предположил Бородин.

— Как Валаам¹⁶, что ли? Ну да, не исключено...

16. Валаам — прорицатель из города Пефор, призванный царём моавитян Валаком проклясть израильтян, готовившихся к вступлению в Землю Обетованную.

Молебен

— Эх, да чтоб меня! — досадливо хмыкнул дед Лазарь, выйдя поутру на крыльцо веранды. Его взору представила безрадостная картина: поникшие бабкины георгины, утонувшие анютины глазки, всюду мутная жижа. Некогда аккуратные высокие грядки были подмыты водой, лук лежал в грязи. Оставленные вчера на бетонной плите перед верандой калоши не уплыли только потому, что в них плескалась вода. Трезор, цепной пес, услышав хозяина, высунул было рыжую морду из будки, но, уловив его настроение, быстро спрятался.

С неба струилась, нет, лилась почти сплошным потоком вода.

— Хоть рыб запускай, — горько усмехнулся старик, вспомнив слова внучки-библиотекарши. Та что-то рассказывала про одну иностранную книгу, мол, такой же дождь там шёл пятьдесят девять месяцев, что ли.

— Ну, тогда мы здесь все уплывём, — бормотал он, выволакивая тяжёлую скамейку с веранды на крыльцо — под навес. Облокотившись одной рукой на раму окна, дед медленно сел, щадя больную поясницу. Вытащив из кармана трико раскрытую пачку «Примы», постучал синим ногтём о торец — чтобы легче достать сигарету. Покатав её между пальцами, сунул в рот, прикурил от спички. Зажигалкам он никогда не доверял — считал, что газ портит табак. Затянулся, выпустил дым в серое мрачное небо. Закашлялся, вызвав этим краткий интерес Трезора, сплюнул в грязь. Загрустил.

Дождь длился уже шестнадцатый день. Последний раз такое было году в пятьдесят восьмом — тогда лило три

недели подряд. Траву скосить не успели, картошка вся сгнила в земле, Каменка поднялась и затопила понтонный мост, а также несколько огородов, расположенных близко к реке. В общем, хлопот было...

Из соседнего дома вышла Тамара Михайловна — местный фельдшер.

— Томка, а ты куда это собралась-то? Воскресенье же как-никак. А сапоги надо повыше носить. Да. А то что это? Баловство одно. Эх, скоро будем на лодках по деревне разъезжать, как в этой... Венеции.

— И тебе доброго утра, Федосеич! Как спина? Почему без бандажа ходишь? По уколам соскучился?

— Дык я это... покурить просто вышел, ненадолго... чего ругаешься?

— Ага, ненадолго, а как скрючит, так сразу по-другому запоёшь.

Тут женщина поскользнулась на мокрой доске крылечка и ухватилась рукой за перила, чтобы не упасть.

— Ну, ядрить твою перекусишь через медный купорос! — выругалась она. — Да сколько же можно лить-то? Веришь, нет, я вчера к капусте подойти не смогла! Воды — почти по колено. Сгниёт всё напрочь!

— Точно, будем картошку в магазине закупать. Втридорога. Эту... голландскую. Да ты собралась-то куда?

— Да мальчика одного прокапать надо. Дочь его позвонила, попросила.

— Это случаем не Николаича? Почтальона? Так он, говорят, запил вроде.

— Ну, вот и пойдю из запоя выводить. Ему пенсию скоро разносить.

Тамара раскрыла над головой мужнин чёрный зонт, взяла пакет с лекарством и, выйдя за ворота, направилась в сторону клуба.

Докурив сигарету, Лазарь Федосеевич, единственный на весь район печник, бросил окурочок в жестяную банку

из-под кофе, стоявшую на крыльце, медленно, в три приёма, поднялся со скамейки и зашёл в дом.

— Ну, чего там, солнца не видать? — спросила из своей комнаты Зинаида Никифоровна — его жена.

— Да какое там? Забудь про солнце. Всё заволкло — ни просвета.

— А вчера в «Вестях» погоду передавали — по всей области дожди идут.

— Так возьми да позвони им, пусть хорошую погоду передадут в новостях, — пробурчал дед, ставя чайник на газ.

— А сегодня поп наш молиться будет, чтоб дождь перестал, — сказала бабка Зинаида, заходя на кухню.

— Во даёт, циркач! А ты почём знаешь?

— Да мне Ильинична сказала, у её внук там работает, в церкви.

— Митька, что ли? Так он школу-то ещё не окончил вроде.

— Да он там по воскресеньям работает да во время каникул.

— Никак в попы решил записаться? А парень-то вроде толковый, в технике всякой разбирается, ему бы ехать поступать в университет какой. Эх, пропадёт! — дед Лазарь сокрушённо махнул рукой, покачал головой и поставил на застеленный вышарканной клеёнкой стол две кружки.

— Да чего он пропадёт-то? Вон, говорят, попы получают хорошо, живут богато, — возразила жена, вытаскивая из буфета небольшой тазик с булочками.

— Ну, не знаю, может, где-нибудь в Москве они и хорошо живут, а по нашему-то и не скажешь. Сколько видел его, всё в одном и том же ходит, да и попадья его тоже не щеголяет. Хорошо ещё, что детей у них нету. Да и разъезжал бы он тогда на машине, а не на лисапедке. Садись давай за стол, я вон налил уже.

Завтракали супруги молча, время от времени поглядывая в окно.

- Здорово, Митяй! Ты куда это с утра пораньше?
- На рыбалку поди пошёл.
- А чего ходить? Можно прямо тут ловить, карась под-
плывает прямо к забору!

Дмитрий обернулся. Над высоким зелёным штакетником торчали две головы. Одна из них, рыжая, принадлежала Антошке, вторая, лысая, — Серёжке. Оба брата счастливо ухмылялись.

— Сами-то чего не спите, караси? Детское время ещё, баиньки надо.

— Да он щютниг! — округлил глаза Серёжка.

— О-хо-хо! Держите меня! Насмешил. Похвально. Бить не будем. Помилуем, — простонал Антошка, делая вид, что утирает слёзы.

— Не, в натуре, ты куда?

— В церковь.

— А чё, праздник какой-нибудь?

— Ну, в принципе, каждое воскресенье — малая Пасха, — терпеливо объяснил Дмитрий.

— Чё, надо говорить: «Христос Воскрес»? — деланно удивился Антошка.

— Да нет, не обязательно, — смутился Дмитрий.

— Да ладно, не бери в голову. Слушай, а что, правда батёк сегодня Богу будет молиться, чтобы дождь перестал? — заинтересовался Серёжка.

— Ну, молебен будет после Литургии. Отец Павел всех приглашал.

— Скажи ему, что мы не придём, — захихикал Антошка.

— Ага, и да поможет ему Гидрометцентр! — фыркнул Серёжка.

— Да ну вас на фиг! — отмахнулся Дмитрий.

— Ой, он что — так сматерился на нас?

— Да нет, слышалось. Ты чё, ему ведь так нельзя говорить, Боженька накажет.

Махнув рукой, Дмитрий поспешил в храм, стараясь не обращать внимания на дальнейшие реплики одноклассников.

* * *

Литургию отец Павел совершал со смешанным чувством радости и горечи. Радостно ему было всякий раз, когда он, облачившись, становился перед престолом и зычно возглашал: «Благословен Бог наш...» А горечь была оттого, что в новенькой кирпичной церкви, отстроенной богатым спонсором, — бывшим директором совхоза, а ныне преуспевающим бизнесменом, совсем не было народу. Люди не хотели ходить на службы.

Отец благочинный, открывая приход, докладывал архиерею, что в деревне полным-полно верующих христиан, жаждущих духовной жизни. Спонсор докладывал, что приход священника прокормит. Получив указ о переводе, отец Павел ехал в гостеприимную деревню добрых христианских традиций. Приехал — ни прихода, ни жилья. Первые полгода с матушкой жили в бане. Потом сняли небольшой домик. На первой же службе понял, что будет трудно: храм пустовал. В последующие две недели ситуация не изменилась. Прислушавшись к совету своего друга — настоятеля поселкового храма — прошёл по дворам, познакомился с жителями. Посещал все деревенские мероприятия, первое время ходил только в рясе. Пока не понял, что изодрав эту, другую пошить не сможет — не хватает денег. Затем устроился в одну компьютерную фирму в городе — собирать системные блоки за три тысячи рублей в месяц. На жизнь стало хватать. С клиросным пением, уборкой храма, бухгалтерией справились — вдвоём с матушкой. Потом в храм начал ходить соседский парнишка Дима. Дело пошло. Втроём уже веселее.

Два дня назад батюшка развесил по деревне несколько объявлений о том, что после воскресной Литургии в храме св. Дмитрия Донского состоится молебен о прекращении

дождя. Зная обо всех трудностях деревенского жителя, связанных с затяжными дождями, отец Павел надеялся, что теперь-то люди придут. Но Литургия уже подходила к концу, матушка Лидия уже пропела «Отче наш», а во всём храме их только трое. Он, жена и Дима.

Причащались двое — он сам и Дима. Лиду исповедовать он всегда избегал, а другой священник находился за сорок километров. Проповедь звучала для худого застенчивого мальчишки и любимой супруги.

— Господу помолимся! — возгласил отец настоятель перед заключительной молитвой, оглядев пустой храм.

— Господи помилуй! — пропели в ответ два молодых голоса.

* * *

Жители деревни не сразу поняли, что произошло. Ближе к полудню появилось солнце, но дождь не переставал. Затем кто-то сказал, что над церковью дождя вроде бы нет. Ему не поверили, но народ стал постепенно подтягиваться к храму. Братья Коноваловы — Антон и Сергей — прибыли первыми и стояли тихо. Молчал и Витька-комбайнёр — первый в деревне безбожник и остролов. Была молчалива и Валентина Семёновна — учительница биологии, воинствующая атеистка. Подходили молодые и старые. Пришёл и дед Лазарь — в фуфайке, препоясанной дырявой шалью, в полиэтиленовом дождевике.

Вскоре только самый больной или ленивый не стоял у церковной ограды, разинув рот. Вовсю сияло солнце. На сухой церковной крыше сидели отец Павел с Димкой. Перепачканные с ног до головы, они спокойно красили оцинкованное железо в синий цвет. Внизу стояла матушка Лидия и, щурясь, давала указания, как лучше красить. На собравшихся людей они вроде бы не обращали никакого внимания. Только изредка счастливый Димка украдкой бросал взгляд на притихших земляков, поливаемых дождём.

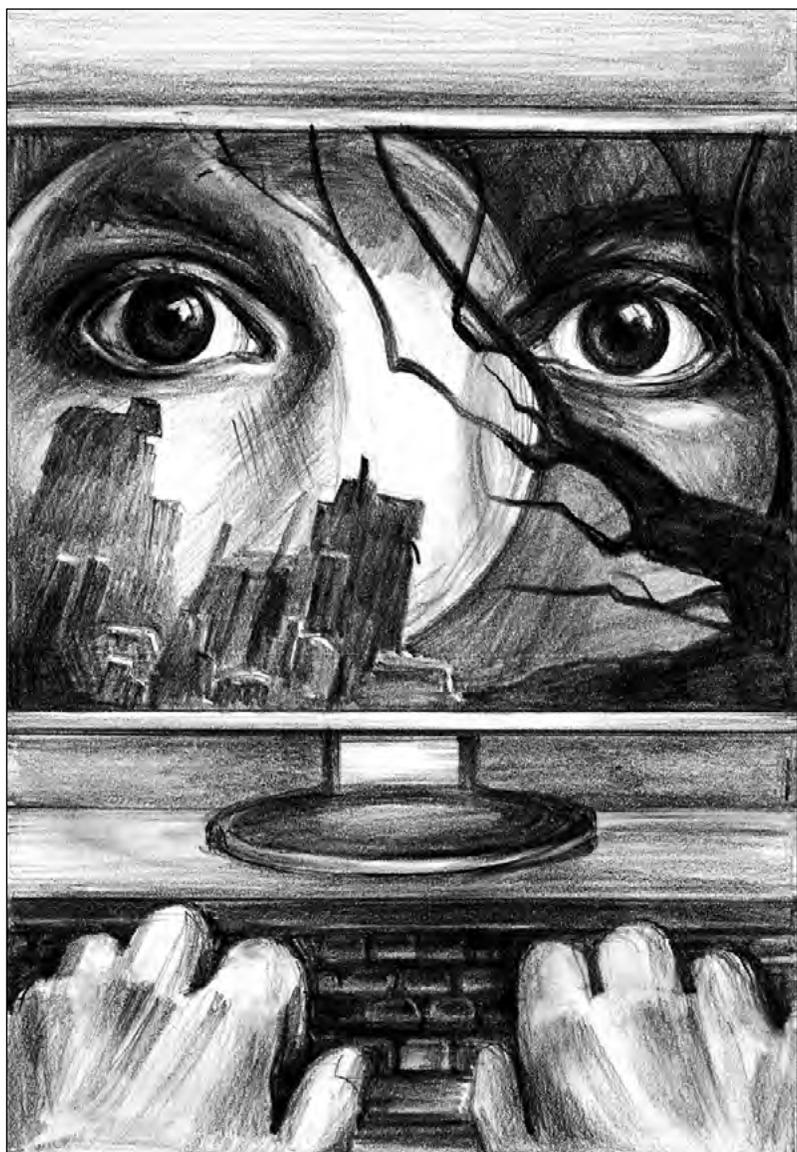
Скрытый контент

Шаг. Ещё полшага влево, пригнувшись. Не наступить на сухую ветку. Надо соблюдать осторожность, ведь эти твари умеют слышать за сотню метров! Надо сохраниться, а то всё продвижение по локации пойдёт коту под хвост. Итак, что мы имеем? На inferнальное проклятье маны может не хватить, а бороться с оборотнями при помощи пистолетов опасно: они исчезают, как только возьмёшь одного на прицел, а появляются уже за спиной. И кусают. Больно. Иногда можно заработать жуткую головную боль на всю ночь, если светит Луна. Что же делать? Разве что прибегнуть к заклятию Бафомета — оно не требует никаких ресурсов, только голова потом как чужая. Но зато всякая нежить впадает в состояние ступора на несколько секунд. Тут-то их можно даже пулями... Лишь бы успеть всех добить, а не то... Вот Лёнька на днях упустил одного волколака, так тот притащил с собой несколько баньши. До сих пор пацан ходит, переспрашивает, что ни скажешь, по несколько раз. Глухая тетеря. Хорошо, родители его не узнали правды: он-то им сказал, что наушники на всю громкость были, когда он музыку на плеере включил. А то нажил бы себе проблем!

Игра-то запрещённая.

Комитет игровой цензуры обнаружил какой-то скрытый контент в гениальной новинке от «SethGames». По словам занудного пресс-секретаря Комитета игра «Baal Power: Keep Yourself Alive»¹⁷ не соответствует международным нормам безопасности. На саму «SethGames» наложили строгие

17. Сила Ваала: Оставайся в живых (англ.)

санкции, все диски с игрой были уничтожены ещё до поступления в магазины.

Лицензионные диски.

Конечно, за приобретение и хранение у себя контрафактных дисков с игрой грозил довольно крупный штраф. За продажу — срок.

Наверное, поэтому желание всех геймеров заполучить «Baal Power» не останавливалось даже перед заоблачной ценой обычного диска в пять петабайт. Когда Данька, которому пришлось всю осень решать за деньги задачки по астрофизике, чтобы скопить денег на игру, наконец притащил домой диск, то волновался просто неопишимо. Родителей он не опасался: они уже год как перестали входить в его комнату без звонка. А систему он, конечно же, отключил от Сети заранее. Для этого пришлось имитировать смерть декодера. Данька надеялся, что это отвлечёт внимание бдительной службы общественной безопасности. Подросток, отключившийся от Сети добровольно, либо сошёл с ума, либо хранит на накопителе что-то запрещённое. А замена декодера стоит немалых денег. Это будет выглядеть естественно.

Перед первым запуском игры Данька усмехнулся было над названием, снисходительно процедив: «The real power is a gun power!¹⁸» Теперь от прежней иронии не осталось и следа. Мощь огнестрельного оружия в этом мире вызвала большие сомнения. Данька вздохнул, вспоминая, как он чуть не лишился зрения, обороняясь от мерзкого василиска при помощи двойной Беретты в самом начале игры. Тварь атаквала, невзирая на пули. Данька тогда чуть было не сломал хрупкий шлем, упав на пол. Глаза не видели ничего почти час. Когда он с третьей попытки всё же развеял монстра в пыль, воспользовавшись услугами дьявольских игральных костей, то понял, что битва будет действительно тяжёлой.

18. Настоящая сила — это сила пистолета! (англ.)

Данька дважды тонул в ядовитом болоте, заработав лающий кашель на четыре часа. Один раз харкал кровью, пронзённый ножом бродячего торговца, которого он пытался нагло обокрасть. Не раз сидел в туалете, отравившись в очередной раз незнакомым грибом или красивой ягодой. Однажды он даже обмочился, когда взрыв неудачно поставленной против мертвецов мины оторвал ему обе ноги. Главное — вовремя перезагрузиться. Так быстрее проходят болевые ощущения от игры. Да, игрушка конкретная. Слюнтяям вроде Игорька из параллельного класса тут делать нечего. К счастью, Данька был опытным геймером, занимавшим почётные места во всех подпольных соревнованиях по стрелялкам и ролевым играм. Многие считали его настоящим «отцом». Сейчас же ему предстояло пройти всю игру, доказав друзьям, верившим на слово, и самому себе свой профессионализм. Ведь очень многие отказались от продолжения игры. Кто-то застрял на одном месте, кто-то испугался боли, а кто-то предпочёл возможность ходить ночью в туалет, не шарахаясь от каждого скрипа. Были такие, которые кричали во сне, вздрагивали на уроках, бросались на людей. Психи, в общем.

Данька для своих семнадцати лет обладал достаточно крепкими нервами, устойчивой психикой, повышенной стойкостью к любым психологическим воздействиям, на него не действовал даже терапевтический гипноз, обязательный для всех школьников. Даже алкоголь его не столько опьянял, сколько делал болтливым и любвеобильным ко всем видам живых существ. Выпив лишнего, он легко мог простить злейшего врага, а на улице аккуратно перешагивал через разных червячков, опасаясь ненароком задавить. Поэтому он никогда не садился играть выпивший. Ведь поднять руку даже на виртуального противника он не мог.

Вот и вчера вечером он, возвращаясь со дня рождения Толяна, нашёл у мусорного бака котёнка, которого

кто-то выбросил на мороз. Были выходные по случаю Дня Революции, и санитарная полиция не работала.

— Вот везунчик! — удивился Данька, беря его на руки. Неподалёку от заброшенной стройки пролежала старая теплотрасса. Туда он котёнка и понёс, соображая на ходу, как теперь его кормить. Домой взять нельзя: старая Найда на дух не переносила семейство кошачьих. Она рычала даже на стереовизор, если там показывали кошку. Или даже тигра.

В теплотрассе оказался человек.

Это был белый как лунь старик, одетый в какое-то рваньё. Он проснулся и теперь испуганно смотрел на Даньку, открыв почти беззубый рот. Старая водородная горелка светила голубым неярким светом, не давая старику околеть от холода.

Данька соображал недолго. Перед ним — самый настоящий бродяга. Нежелательный элемент. Человек, отказавшийся от Регистрации.

Человек, не имеющий Регистрации, не имел права на жильё и медицинскую помощь, на доступ в общественные места, в общем, на жизнь в городе.

— Завтра кончаются выходные. Патруль проверит все закоулки. Тебя найдут, — отрывисто сказал Данька, выглядывая наружу. Старик продолжал жалобно смотреть, сжавшись в углу.

— Уходи отсюда сейчас же. К югу от города должны быть «нахаловки». На выходах из города односторонние посты, — угрюмо продолжал Данька, снимая с себя теплоизоляционный плащ и шапку.

— На вот, возьми, оденься. Одежда клубная, дорогая. Так на тебя не обратят внимания, только пьяным притворись, капюшон накинь.

Старик, осознавший наконец произошедшее, издал глухой звук и повалился на колени. Он пытался поймать Данькину руку и поцеловать.

— Сыночек, родненький!

Даньке стало неловко.

— Давай, давай, иди отсюда поскорей, пока тебя не увидел никто! И котёнка возьми, присмотришь за ним, — пробурчал он, выбираясь на мороз. До дома было рукой подать.

— Спаси тебя Бог, миленький! — донеслось ему в спину. Данька дёрнулся и припустил домой.

Боговер! Безумный псих. Но почему же он не попытался напасть сзади и принести его, Даньку, в жертву Богу? Ведь так описывает культ Боговеров курс социологии за шестой класс. Мрачные ритуалы и, кажется, поедание младенцев или что-то в этом роде. Наверное, из-за старости этот Боговер был уже не в состоянии напасть на кого-либо.

Родителям он сказал, что потерял одежду спяну. Они, кажется, поверили. Отец, в принципе, вообще не расстроился. Мать для порядка поругалась немного.

На следующий день Данька уже почти забыл инцидент, и, придя с занятий, погулял с собакой минут пять, наспех перекусил и заперся в комнате, чтобы завершить прохождение очередного уровня игры.

Над мрачным заброшенным кладбищем стоял туман. Холодный и липкий. Видимость — метров двадцать, не больше. Пригибаясь, Данька передвигался не спеша, тщательно прислушиваясь, осматриваясь. Пять метров прошёл, дождал секунд десять — сохранился. Обратни — ещё не самое худшее, что может быть на кладбище. А до кладбища никто из других геймеров ещё не доходил. Большинство из них застряли за несколько локаций до этого места.

Странно. Что-то слишком тихо и спокойно. Не к добру.

Данька приготовил было заклинание молнии, но тут же передумал. Туман слишком густой. Может и самого зацепить. Аптечка пуста. Лучеёт иссяк ещё в пещерах, где были какие-то твари, выходящие из камня. Два древних пистолета большой уверенности не внушали. Остаются Бафометово заклятие да трансформация жизненной энергии

в магическую. Опасно, правда. Ну да ладно, пора двигаться дальше.

Внезапно Данька ощутил какую-то тревогу. Не ту, что заставляет сознание мгновенно собраться и искать опасность, анализируя ситуацию. Не привычную, игровую.

Внутреннюю. Реальную.

Мороз прошёл по коже. Страх был неведом ему ни в одной игре. Он всегда отличал реальность от виртуальности. Поэтому и выигрывал. Не благодаря быстрой реакции и точной стрельбе. Благодаря умению различать и думать, не паникуя.

Но сейчас он ощущал страх в игре. Это был почти ужас. Его не атаковали орды монстров, не грызли вампиры, не проклинали колдуны, а он боялся.

Из тумана показалась чья-то фигура. Данька взял пистолеты наизготовку, и начал было бормотать формулу заклятия, но онемел и выронил оружие из рук на жухлую траву. Ему очень хотелось заорать команду «Escape!» и оказаться у себя в комнате.

Из тумана размеренной походкой шёл вчерашний старик. В Данькином плаще и шапке. Из правого кармана плаща выглядывал котёнок, озираясь по сторонам.

— Сыночек, зря ты купил эту игру. Миленький мой, поскорее выходи отсюда! Помилуй тебя Бог! — старик крестообразно взмахнул правой рукой.

— Давай, родимый, скорее! — старик оглянулся назад, где сгущался и темнел туман, медленно трансформируясь в какую-то ужасающую сущность.

— Escape! — заорал Данька, но ничего не произошло.

— Alt — F4! — Тот же результат.

Деревья почернели и начали сдвигаться, образуя ловушку. Почва под ногами стала зыбкой и податливой.

— Ctrl — Alt — Delete! — судорожно выдохнул Данька, глядя, как какая-то невообразимая губительная сущность

старается обойти распостёршего руки старика стороной, чтобы добраться до него, Даньки.

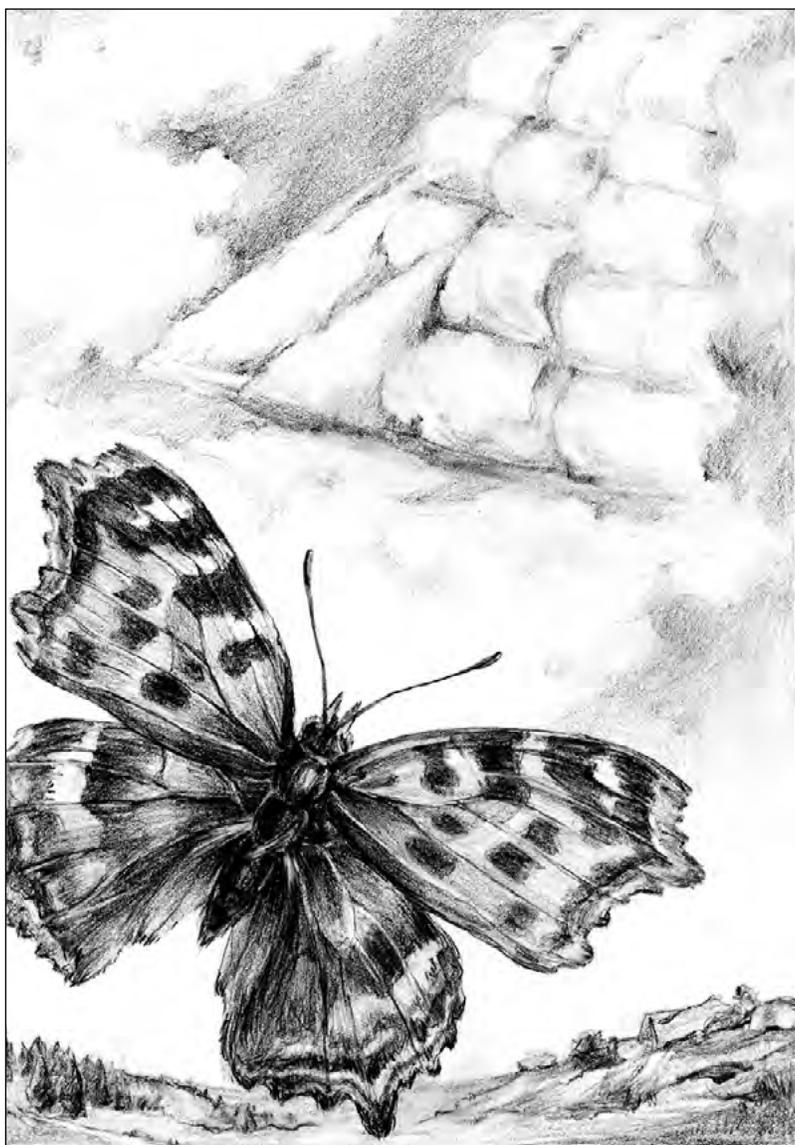
— Боже! — этот крик вырвался из парализованного страхом Данькиного естества и мгновенно вернул его в реальность. Какая-то сила освободила его от шлема, сдёрнула гибкие манипуляторы с рук и ног и отшвырнула в угол. Широко раскрыв глаза, Данька наблюдал, как извергаются голубые молнии из шлема, как судорожно пульсируют манипуляторы, выплёвывая электрические разряды и пытаясь дотянуться до него. Дисковод застонал, и диск взорвался. Манипуляторы обмякли, шлем обуглился. На обложке диска бессильно метался нарисованный огненный демон.

— Боже! — всё шептал и шептал Данька.

Две сотни миль

Сегодня солнце светило совсем по-другому. Оно не слепило глаз, не заставляло обливаться потом и искать укрытие. От него не болела голова. А воздух, прежде обычный, теперь наполнял лёгкие сладостью, как будто вереск ещё не отцвёл. Дышалось свободно и упоительно. Ветер ласково трепал всклокоченные волосы, то и дело меняя свое направление, играл, забираясь под рубашку, заставляя сердце трепетать от восторга. Большое кудрявое облако в виде скачущей во весь опор лошади, задержавшись над холмами, меняло форму на глазах. Вот оно уже больше похоже на могучего кита, выпускающего высоченный фонтан. Нет, это быстроходный клипер «Катти Сарк». Спешит пересечь океан. Его паруса надулись от попутного ветра. Ещё миг — и они вспорхнули стаей перелётных птиц. Хотелось пробежаться, как в детстве, по налитым золотой росой холмам, упасть в душистую траву и зарыться в неё лицом, слушая, как стрекочет над ухом кузнечик. Жадный взор нащупал над ближним холмом неуверенное движение бабочки, издали похожей на лепесток розы, — она как будто не могла решить, куда ей лететь.

«Лети ко мне!» — ревнуя к ветру, вздохнуло сердце. Губы остались сомкнуты. Ведь нельзя же говорить с бабочкой человеческой речью. Воздушная танцовщица, откликнувшись на зов, снова вспорхнула из травы. Поддерживаемая галантным ветром, она, не спеша и не нарушая торжественности момента, приближалась, не замечаемая никем из сотен людей, собравшихся на площади.

Наверное, было очень шумно, но сейчас до слуха доносились только нужные звуки. Шорох полевых цветов, колышущихся от ветра. Бодрое жужжание пчелы, собравшей нектар. А вот стая воробьёв, оголтело чирикающая, пронеслась над головой.

И дивный запах жизни, источаемый природой, проникал в самую душу.

Ещё была радость. Настоящая, впервые за много лет.

Вот-вот настанет миг расплаты. Момент истины, который так долго медлил с приходом.

К нему стремились и ум, и сердце, томясь в ожидании, не находя покоя долгими ночами.

До тех пор, пока он, наконец, не прошёл пешком эти две сотни миль, чтобы сдать местным властям.

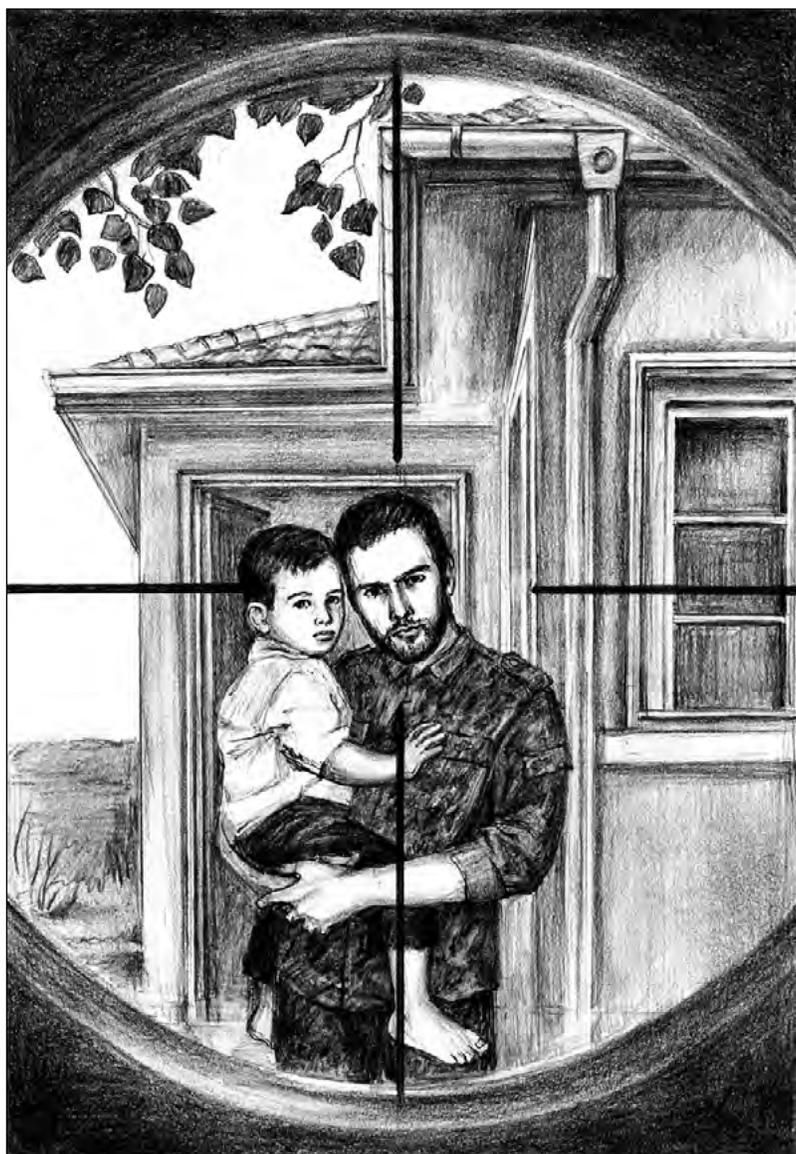
Волнующейся толпы, которую едва сдерживала стража, он не видел.

Рук, перетянутых за спиной верёвкой, он не чувствовал.

Оглашённого судьёй приговора он не слышал.

Вот на голову уже был надет чёрный мешок, но он всё равно не мог помешать видеть бабочку — нежное создание, осколок солнечного света, летевший к нему навстречу.

На городской площади вешали разбойника.

14 часов

Набегая на прибрежные камни, лёгкие морские волны ласково окутывали их на мгновение и отступали, теряясь в утомлённой дневным неистовством пучине. Их мягкий шёпот убаюкивал, умиротворял древние молчаливые скалы, нависшие над узкой полоской берега. Тонкий серп молодого месяца, купаясь в лёгких тучках, небрежно озарял их серебристо-тёмную волнистость. На одном из прибрежных камней спиной к скалам неподвижно стоял на коленях старец, чьё худое лицо было почти полностью скрыто белой бородой. Глубоко посаженные глаза ясно взирали на мир из-под густых кустистых бровей. В широких, изъеденных морской водой и ветром ладонях старик держал плетёные самодельные чётки. Огрубевшие от работы узловатые пальцы не спеша перебирали верёвочные зёрнышки одно за другим — молитва за молитвой.

Но вот пальцы замерли — прервалось размеренное дыхание, память, беспрепятственно пройдя сквозь время, выхватила молодое мужское лицо. Измазанный грязью воин лежал на тёплых горных камнях, терпеливо наблюдая за верандой одноэтажного кирпичного дома через затемнённое стекло оптического прицела Мини-Драгунова.

Вот уже четырнадцать часов, как он ждёт на позиции, не имея права встать и размяться. Другого случая может и не представиться. Он получил приказ ликвидировать командира бандформирования. Сейчас цель была внутри изъеденного выбоинами от пуль кирпичного дома.

На грубой деревянной скамье у веранды сидели два бородатых парня в камуфляже и щёлкали семечки, положив автоматы на столик перед собой. Боевики хоть и беседовали, но всё же не переставали поглядывать на усыпанную раздавленными ягодами тутовника улицу и большой сад, прижавшийся плетнём к обмелевшей горной речке.

Контрактник ждал. Он умел ждать. Снайпером он стал не случайно. В свои тридцать два года он уже был заслуженным мастером спорта по стрельбе и знатоком восточных единоборств. Его профессией, хлебом и даже жизнью была война. За последние двенадцать лет он побывал во многих горячих точках планеты. Даже в Израиле и Эфиопии ему находилось дело.

Наконец открылась входная дверь. Из дома вышел бородатый мужчина с обожжённым лицом в военной форме без знаков отличия. На руках у него сидел мальчишка лет пяти, крепко обхватив его талию ногами. Мужчина смеялся над совсем маленькой девочкой, которая «ехала» на его правой ноге, цепко ухватившись за неё. Следом за мужчиной из дома выходила раскрасневшаяся молодая женщина в цветастой косынке и весело грозила пальцем девчужке.

Телохранители вскочили на ноги. Один из них дал сигнал водителю стоявшего неподалёку внедорожника и, вскочив на крыльцо, стал оглядывать окрестности, задрал дуло автомата в сумеречное небо. Автомобиль осторожно дал задний ход прямо к веранде, стараясь не задеть беседку из виноградной лозы и яблоню. Снайпер занервничал. Оставались считанные секунды, а мальчик всё не слезал с рук, несмотря на уговоры матери. Сейчас машина заклонит от него цель, и задание останется невыполненным. Четырнадцать часов против нескольких секунд.

— Слезай, — беззвучно прошептали его пересохшие губы.

— Уходи! — крикнуло сердце. Ещё секунда. И ещё.

— Ну что же ты, пацан, — выдохнул он, спуская курок.

Венгерская пуля прошла расстояние в шестьсот метров за один миг, мягко проткнув густой вечерний воздух.

Мальчик судорожно обхватил шею отца, который, захлебнувшись собственной кровью и страшным проклятьем, уже падал на земляной пол веранды, пытаясь непослушными пальцами зажать рану в спине сынишки. Двухлетняя девчушка, напугавшись неожиданного падения и пронзительного крика матери, истошно заорала, пытаясь выбраться из-под папиной ноги. Стоявший на крыльце брат убитого, бросив оружие, рванулся, схватил племянника и, убедившись, что маленькое сердечко уже не бьётся, завыл страшно, почти по-звериному, прижимая тельце к груди. Второй уже палил из автомата наугад в сторону горы, через речушку, надеясь зацепить невидимого стрелка.

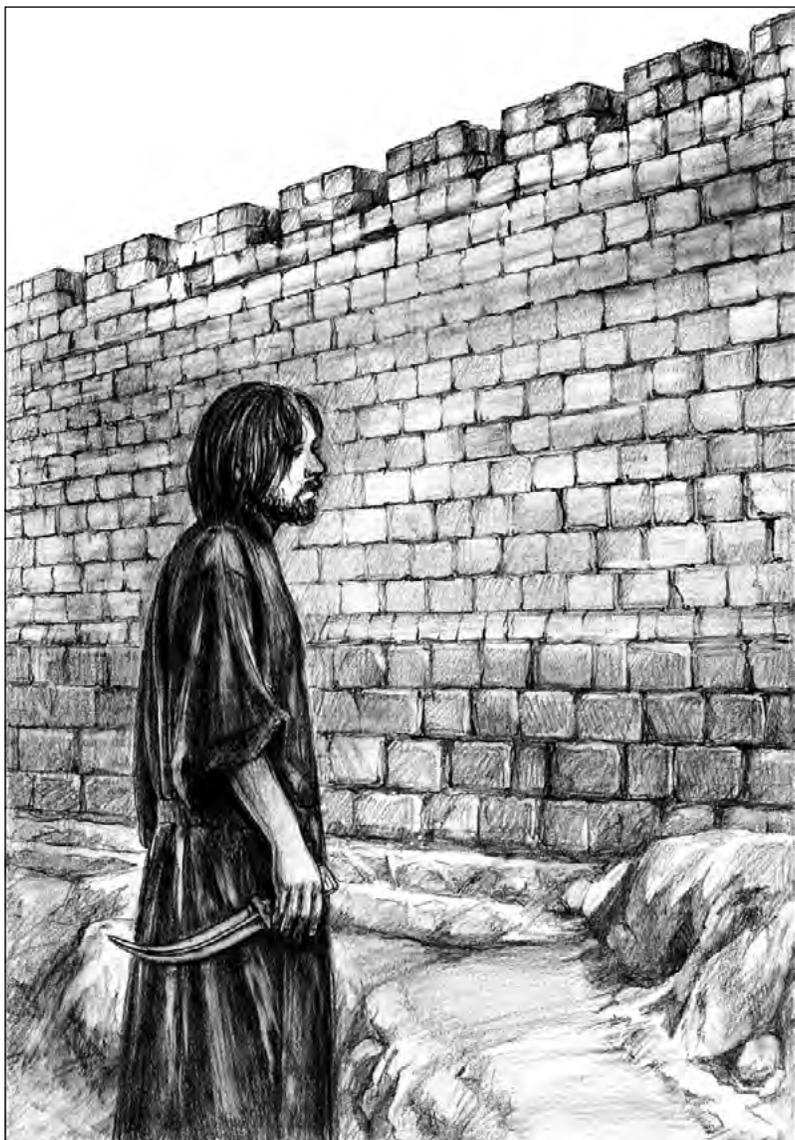
Поздно. Снайпер, матеря всё и всех, уже бежал вниз по склону, пригибаясь то и дело. Он надеялся добраться до части ещё до наступления темноты. Там его ждал командир и, вероятно, новое задание. А где-то далеко отсюда — жена и маленькая дочка.

Седовласый старец едва подавил стон. Слёзы привычно полились по морщинистым щекам. Глаза закрылись. Пальцы, помедлив, вновь тронули зёрна чётков.

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое, — зашептали губы слова молитвы. Сердце, раненное грехом, отозвалось тяжкой болью.

Равнодушно плеснула волна, месяц спрятался в тучу. Старик положил земной поклон и долго-долго не поднимал головы...

Вот уже более полувека живёт он у ставшего родным жгучего северного моря, оплакивая один-единственный выстрел.

Иерусалим, Иерусалим...

— Мир тебе, добрый человек, — эти слова я обратил к невысокому старику, восседавшему на осёдланной верблюдице с богато украшенной сбруей. Несмотря на тщедушный вид, он явно был главным. Остальные, скорее всего, рабы, особенно вон тот исполин, похожий на кинейнина. Он напряжённо всматривался в меня, пытаюсь понять, большую ли опасность я собой представляю. Остальные спокойно взирали со своих верблюдов. Видимо, считали, что путешествующего в одиночку, которого они встретили у пастушьего колодца, бояться не стоит.

— Да пребудет мир и с тобой, — наконец промолвил старик. — Я охотно назвал бы и тебя добрым человеком, не будь ты разбойником.

Эти слова повергли в смятение всех его спутников. Кинейнин, озираясь по сторонам, потащил откуда-то из-под одежд пращу, накинув её петлю на большой палец правой руки. Четверо обнажили узкие короткие мечи, ещё один направил было своего верблюда прямо на меня.

Мой насмешливый взгляд обескуражил рабов, и те вопросительно уставились на своего господина. Тот поднял руку вверх, предостерегая остальных от поспешных действий.

— Похоже, ты не один и число твоих товарищей достаточно велико. Не станем проливать кровь. Земля и так настолько пропитана ею, что вместо хлеба производит одни только тернии на корм верблюдам. Я отдам всё, что принадлежит лично мне, но оставлю то, что предназначено Храму. Я должен исполнить волю своего господина, который послал

меня с благодарственными подношениями в Иерусалим. В противном случае тебя ждёт достойный отпор. Бетрехав управляется с пращой не хуже благословенного Давида, и первой его жертвой станешь ты. Возможно, я погибну здесь, но зато избегну проклятья за нарушение обета, данного Всевышнему и моему господину.

Облокотившись на посох, я впери́л взор в старика.

— В твоих словах есть смысл, но как ты узнал о моём ремесле, мудрец?

Он пригладил свою редкую седую бородку.

— Как в воде отражается лицо человека, так в лице человека отражается его сердце. Ты злодей, но в глазах твоих светится разум. Думаю, мы придём к согласию.

— Ты смел и мудр. Откуда у тебя такое знание?

— Я не обладаю знанием, я лишь сливаюсь с ним, как капля дождя сливается с другой каплей. Знание также не обладает мной. Мы становимся одной большой каплей. Разделить нас невозможно.

Я задумчиво тронул бубенчик из дорогой коринфской меди на сбруе верблюдицы, равнодушно жующей фиолетовые цветы ежовника.

— Скажи, что за дар ты везёшь и почему он столь важен для твоего господина?

— Это драгоценные камни. Создатель благословил моего славного господина наследником в преклонных годах. Это великое чудо, за которое он хочет принять участие в благоукрашении Храма, которое, как он верно слышал, продолжается поныне. Итак, разойдёмся же!

Я задумчиво переводил взгляд с одного на другого. Бетрехав вызывал у меня самые большие опасения. Похоже, что мудрец прав. Этот великан успеет умертвить двоих-троих, прежде чем сам отправится к праотцам. Да и остальные, видимо, не впервые держат в руках мечи.

Тут я заметил движение за холмом. Беседа затянулась, и мои люди могли неверно истолковать заминку. Подняв

руку вверх в условленном жесте ожидания, я издал резкий гортанный звук.

К сожалению, у одного из рабов не хватило выдержки. Видимо, он счёл, что я призвал подмогу. Направив на меня верблюда, несчастный, свесившись, сделал прямой выпад мечом. Чуть качнувшись в сторону, я резко ударил посохом по тыльной стороне его ладони. Оружие вылетело из руки нападавшего, я же, выхватив из ножен, скрытых за пазухой, персидский клинок, ударил им прямо в грудь глупца. Раб обмяк и выпал из седла, притянутый моей рукой за одежды. Я продолжал следить за кинянином. Тому потребовалось лишь мгновение, чтобы зарядить пращу. Не желая попасть под камень Бетрехава, я воспользовался телом поверженного врага, как щитом. В этот момент несколько стрел, пропев в воздухе, поразили ещё двоих из небольшого каравана.

Поднявшись из-за холма, мои люди напали на тех, кто оставался в живых. Выхватив из-за пояса тонкую искривлённую саблю, старик резво спешился и бросился на Бунима. Бывалый мечник отпрянул ровно настолько, чтобы, позволив лезвию рассечь воздух прямо перед ним, ответным выпадом пронзить противника насквозь. Но в следующий миг Буним уже пал, убитый страшной пращей Бетрехава. Следующий камень кинянин пустил в голову Мелега, стоявшего на вершине холма. Всего только одним скупым взмахом могучей руки был смертельно ранен мой лучник, не ведавший промаха...

Возможно, пращнику удалось бы сделать много больше, не надеясь он поразить меня. Я же продолжал прикрываться телом его мёртвого товарища до тех пор, пока он не был сражён двумя стрелами — в спину и шею.

Тотчас бросив труп, я извлёк из него свой кинжал и метнул его в бок последнего раба, оборонявшегося против мечника Газеза.

Проклятье! Потерять двоих — слишком уж большая роскошь!

Увидев, что мудрец ещё шевелится, я приблизился к нему. Он угасал.

— Благословен Судья Праведный, — прошептал он, озирая убитых.

Я молчал, задумчиво созерцая его пульсирующую рану. Тут бессильны даже египетские лекари.

Взор умирающего остановился на мне. Губы беззвучно шевельнулись, и он затих.

Практичные биньяминитяне уже отвязывали льняные тетивы с недешёвых луков, снимали нарукавники и напальчники. Ко мне подошел Горион — мой давний друг и помощник.

— Как сегодня делим добычу, господин? — его глаза улыбались.

— Друг, ты ли называешь меня господином? Не тебе ли обязан я жизнью? — я обнял Гориона за плечи.

— Но и моя жизнь продолжается лишь благодаря тебе, — осклабился он, понижая голос. — Ты долго беседовал о чём-то с этим стариком. Правильно ли я полагаю, что все его вещи следует оставить для тебя?

— Да, Горион, ты правильно рассуждаешь, впрочем, как и всегда.

Верблюдов уже держали под уздцы, оружие и поклажу собирали в отдельную кучу. Я встрепенулся:

— Оставьте убитым ровно, сколько пеший путник может нести на себе. Кроме дорогих вещей. Они не должны выглядеть так, будто их ограбили. Оставьте им какое-нибудь оружие поплоче. И пусть Малах принесёт сюда свой гладиус.

Когда моё приказание было выполнено, я бросил короткий римский меч на россыпь придорожных камней и наступил на рукоять. Жестом я указал Малаху на меч, выпавший из руки одного из рабов.

— Руби!

Тот досадливо почесал грязную шею, но выбора не было. Взревев, он широко размахнулся и одним ударом сломал свой любимый клинок. Зазубрившийся от такого испытания меч раба был теперь брошен рядом с его телом. Под дружный хохот товарищей Малах хмуро вернулся к прерванному занятию — обыску мертвецов.

Сломанный гладиус я швырнул к телам. Первое впечатление того, кто наткнётся на них: дело рук римских воинов. Богобоязненный иудей ни за что не осквернит себя ношением оружия язычника, а мнимая сохранность имущества не даст заподозрить разбойничьего нападения. Люди разбираться не станут — поднимут шум, что римляне вновь обижают народ. Лишняя смута будет нам только на руку. Горион одобрительно хмыкнул — видимо, понял мой замысел.

Разделив добычу, мы с верблюдами отправились за пересохший поток Хораф, где погребли бедных Мелега и Бунима под грудой камней, сотворив несколько положенных на этот случай молитв. Меч Бунима я отдал недовольному Малаху.

— Лучшим было то оружие, что я держал в руках, — бурчал он. — А это просто никчёмная железка. Сойдёт разве что овец стричь! Газезу будет в самый раз.

Громкий хохот заглушил протесты самого Газеза. Имя мечника означало, что он был рождён во время стрижки.

Налетевший пыльный ветер заставил людей замолчать и пригнуть головы. Вскоре, созерцая только пыль под сандалиями, я предался воспоминаниям. Начинал своё ремесло я безусым юнцом. Покинув отчий дом, примкнул к шайке Элезара и был верен ему много лет — до самой его кончины. На тот момент я пользовался наибольшим уважением после предводителя, так что место Элезара занял с всеобщего молчаливого согласия. Уже более десяти лет я был для этих людей всем — и господином, и отцом. Мы никогда не оставались на одном месте более семи дней,

меняли одежды, разбивались на группы. Абсолютно никто из народа не знал никого из нас в лицо. Да что там говорить — никто даже и не подозревал о нашем существовании. Благодаря этому мы могли беспрепятственно проникать в любой из городов, не таясь и не опасаясь ничего.

Приближался праздник деревьев, и мы пришли к окрестностям Вифании, где и расположились, приняв все меры предосторожности. Я и Горион отправились в Иерусалим, взяв из оружия только кинжалы, которые скрыли под богатой одеждой. Мечи брать не стали, дабы не привлекать к себе лишнего внимания. Остальные группами по два-три человека в разное время могут по своему желанию подняться в Иерусалим, а собраться вместе уже ближе к ночи в Гефсимании — по эту сторону Кедронского потока.

Путь много времени не занял — каких-то пятнадцать стадий, и вскоре мы пришли в великий город. В глазах пестрело. Что же тогда будет на Пасху? Вот уж где можно будет пожить — одних только чужеземцев хватит, чтобы каждому из нас поправить свои дела.

Почти не разговаривая, мы подошли к Овечьим воротам, осматриваясь и отмечая различные подробности вроде удвоенного против обычного числа римских легионеров. Да и среди простого народа то и дело попадались люди, вроде бы праздно проводящие время, но уж слишком внимательно разглядывающие окружающих. Слуги прокуратора, не иначе. Хотя кто их разберёт теперь — кто чей соглядатай?

Успешно миновав бдительную стражу у ворот, мы подошли к одному из крытых ходов купальни. Тут было безлюдно, если не считать нескольких блудниц, ожидающих путников. Мы уселись на ступенях, изображая усталость. Преломили вымокшую пресную лепёшку, завели неспешную беседу. Вскоре к нам приблизился хромой нищий, закутанный в дырявую шкуру, которая не очень-то спасала его от морозящего дождя.

— Господин, — обратился он ко мне дрожащим голосом, бросив быстрый взгляд на массивный золотой перстень, украшающий мою правую руку. — Не проявишь ли немного милости к несчастному калеке? Всего один кодрант¹⁹...

За меня отвечал Горион, задумчиво ковыряя посохом дорожную жижу:

— Просить-то всякий может. Но не всякий имеет мудрость заработать.

— Мудрость кроется не в зарботке, а в знаниях, — продолжал хромой.

— А есть ли у тебя знание, нужное нам? — поднял взор мой товарищ.

— Нужное вам кроется в доме Шимона-горшечника, — понизив голос, промолвил нищий. — Вас будут ждать после захода солнца.

— Какого ещё солнца? Где ты его видишь? Затянуло тучами всё небо, словно кожей, — буркнул я, бросая калеке ассарий²⁰, так как на нас уже обратил внимание один из стражников.

— Да благословит вас рука Господня! — громко запричитал нищий. Он тоже уловил на себе внимательный взгляд римлянина.

— Давай, веди нас, негодный, — важно рявкнул Горион. — Да смотри, чтобы в этой гостинице хорошо кормили, а не то не поздоровится тебе!

— Конечно, господин, — закивал хромой и увёл нас вверх по улице. Завернув за угол, он избавился от хромоты и скрылся в лавке, где торговали различными благовониями.

Мы проследовали дальше.

— Уж не обманул ли нас этот Пасеах²¹? — хмыкнул Горион. — Что за важность — горшечник?

19. Кодрант — мелкая медная монета, равная 1/60 динария.

20. Ассарий — мелкая медная монета, равная 1/20 динария.

21. Пасеах — это имя можно перевести на русский язык как «хромой».

— Думаю, горшечник здесь ни при чём. Успокойся, друг мой.

Справившись у торговца пряными травами, где живёт горшечник по имени Шимон, мы немного поплутали по городу, прежде чем найти это место, бывшее в некотором удалении от улицы царских горшечников. Горион волновался напрасно. Уже смеркалось. Дождаться самого заката, ввиду отсутствия светила на небосклоне, можно было ещё дней пять-шесть, и я трижды ударил посохом в дверь. Сказав, что меня прислал хромой, я получил от неведомого собеседника задание — умертвить начальника синагоги по имени Факей.

— При успехе вас будет ждать другое — возможно, более сложное, но щедро оплачиваемое дело, — заверил глухой голос. — Цена жизни Факея — под камнем у двери.

Под камнем оказались две серебряные мины²².

— Не так уж и высоко ценится жизнь этого Факея, — недовольно проворчал Горион.

— Не всё так плохо, как тебе кажется, друг мой, — произнёс я вполголоса. — За эти деньги дюжине землекопов придётся работать дней десять.

— Но мы не землекопы, и нас больше дюжины.

Я поморщился, словно хлебнул уксуса, не разведённого маслом²³.

— Ну что ты как несмышлёное дитя, Горион? Припомни, мудрость не в заработке, а в знаниях. Вот как мы поступим. Узнаем, где живёт несчастный, убьём его днём перед синагогой, смешавшись с толпой. А в условленный час Омри начнёт кричать у дома этого Факея, что его в синагоге убивают римляне. Домашние его и все слуги побегут туда, а Тиншемет тем временем проникнет в дом и унесёт самое

22. Мина — монета, равная 60 сиклям (серебренникам).

23. Кислое вино, смешанное с оливковым маслом, — обычный прохладительный напиток.

ценное, что найдёт. Малах же и Завад будут у дверей дома, дабы не дать застать Тиншемета врасплох.

— Звучит хорошо, господин мой. Идём же искать этот дом, становится прохладно, на ходу согреемся.

Уже ночью, встретившись с остальными в Гефсиманском саду, мы обсудили детали завтрашнего предприятия и, просушив одежду у костра, легли спать, благо, тут не шёл дождь. Начальник синагоги, значит. Помню я одного...

Некоторое время я не спал, вспоминая события трёхлетней давности. Я тогда был в Иерусалиме, надеясь найти какое-нибудь стоящее дело, которым можно было бы заниматься регулярно, приходя на праздники. Заодно я присмотрел жертву — богато одетого мужчину, который, судя по всему, был вне себя от горя. Он шёл быстрым шагом по направлению к конским вратам. «Уж не в Вифанию ли направляется?», — подумалось мне тогда. Решив ограбить его по дороге, я двинулся за ним.

— Вот идет Яир, начальник синагоги, — услышал я, проходя мимо двоих юношей, не обременённых каким-либо занятием. Я остановился чуть поодаль, повернувшись к молодым людям спиной. Догнать жертву труда не составит, а вот узнать побольше об этом Яире стоило.

— Куда это он в такой час?

— Дочка у него умирает. Мой отец сегодня приглашён вместе с другими свирельщиками играть погребальные песни.

— Взрослая?

— Двенадцати лет. Несчастный отец повредился в рассудке. Услышал про какого-то Йешуа — пророка из Назарета, думает, что он поможет ему обмануть смерть. Лекарши говорят, что она не переживёт этот день.

Дальше я не слушал. Мне почему-то расхотелось вредить этому человеку. С досады я ограбил в тот день какого-то мытаря, возвращавшегося в город из Иерихона, пересчитав ему все кости посохом.

Поутру, когда солнце должно было озарить верхушки масличных деревьев, но вместо этого снова спряталось за хмурыми облаками, протянувшими несколько дождевых хвостов к земле, мы разделились и отправились на заранее обговорённые позиции.

Вот из дома Факея вышел человек, одетый в белый шёлковый плащ с длинными воскрилиями. Степенной походкой направился вверх по улице в сторону синагоги. Я проследовал за ним. В каких-то десяти шагах позади меня вразвалку шествовал Горион. У дома напротив уже сидел Тиншемет. Замотавшись в какие-то тряпки, он уныло кланчил подаяние. Малаха с Завадом я не разглядел, но не обеспокоился. Они должны быть где-то рядом.

На площади перед синагогой было многолюдно. Отлично, это только на руку. Внезапно я заметил впереди вора. Нет, воров, конечно, тут хоть отбавляй, но этот — явно новичок. Юноша бегаящим взором оглядывал пояса прохожих. Сунув руку под верхнюю рубашку, я снял с внутреннего пояса кошелёк, оставив в нём несколько ассариев. Остальное ссыпал за пазуху. Задрав голову к храмовой горе, я принялся вертеть кошелёк, держа его за кожаный ремешок. Я надеялся, что золотой перстень на моём пальце привлечет внимание вора, равно как и моё небрежение кошельком.

Так оно и вышло. Выхватив из моей руки мнимое богатство, юноша бросился бежать. Безумец! Кто же так поступает?

— Вор! — завопил я что есть мочи, указывая на беглеца.

Люди вокруг встрепнулись, невольно ухватившись за пояса.

— Держи вора! — заорал Горион, делая вид, что преследует юношу. Внимание толпы теперь приковалось к беглецу. Повернулся и тот, кого я преследовал.

— Факей, — потихоньку позвал я, проходя мимо. Рука скользнула к ножнам за пазухой.

— Что? — растерянно отозвался человек, но тут же захлебнулся, пронзённый кинжалом, который вернулся в ножны так же молниеносно, как и покинул их.

— Помогите! — истошно закричал я, обхватив руками обмякшего Факея. — Он убил его! Тот вор!

Мой палец вновь показал на юношу, который всё ещё бежал по прямой. Вот глупец!

— Убийство! — подхватил растрепанный Йишмаэл, один из моих лучников, который вынырнул невесть откуда. — Я всё видел! Убийца побежал в ту сторону!

Два человека, отделившись от общей массы, бросились бежать в указанном направлении.

— Надо позвать стражу! — крикнул я и оставил Факея лежать на мокрых камнях. От него протянулся вниз по улице кровавый ручеёк. Я смешался с толпой и свернул в проулок. Теперь надо было идти к дому Факея и проверить, как там Тиншамет.

— Лекаря! — кричал Йишмаэл.

— Нападение на прокуратора! — раздался взволнованный голос Газеза.

— Римляне подожгли синагогу! — старался всюю Горрион.

Да, в такой суматохе можно обвинить даже египетского фараона.

Народ зашумел. К голосам моих людей стали добавляться и другие. Вот уже раздалась первые команды центурионов. Воины начинали наводить порядок.

— Римский воин заколол начальника синагоги! — раздался чей-то голос.

— Святотатство!

— Хула на Израиля!

— Пилату мало нашей крови!

— Он ещё ответит за свой водопровод! — это опять Горрион. Надо же, Пилатов акведук помянул. Много тогда погибло иудеев, недовольных тем, что деньги из храмовой

сокровищницы идут на оплату его строительства. А ведь пора бы Гориону уже уходить, пока кто-нибудь не запомнил его внешности. С мятежниками могут расправиться и на месте.

У дома Факея дежурил Завад. Прислонившись к стене, он сидел у дверей, подобно рабу, ожидающему своего господина. Вот Омри. А где же Малах? А вот и он — спускается по улице, придерживая нечто под одеждой. Мной овладело нехорошее подозрение. Я коротко кивнул Заваду. Тот дважды стукнул в дверь камнем, который вертел в руках. Вскоре оттуда вышел Тиншемет с двумя глиняными водоносами в руках. Один он отдал Заваду, второй взгромоздил на плечо. Никто из проходивших мимо даже не взглянул на двух рабов, которых отправили за водой.

Когда все вновь собрались в Гефсимании, выяснилось, что Малах отлучался к площади перед синагогой, где, рискуя быть схваченным, напал на замешкавшегося ветерана, охранявшего ворота внутреннего двора синагоги. Ввиду праздника, легионеры были расставлены по всему городу. Вонзив в шею несчастного кинжал, он перерезал ремень, на котором держались ножны с мечом, и уже на бегу сунул их под плащ. За то, что нарушил моё повеление и оставил Омри и Завада у дома одних, а также подверг всех риску, Малах получил от Гориона кулаком в лицо.

— Друг, если тебе безразличны твои товарищи, — обратился я к поднимающемуся на ноги Малаху, — ступай к Бар-Аббе или Шалуму. Они принимают всякий сброд.

Малах отвернулся, сплюнул кровавую слюну в сторону, потом, приблизившись, упал на колени.

— Господин, прости меня, старого глупца. Я польстился на римский клинок, ты же знаешь, как я привык к гладиусу. Если хочешь — накажи меня. Только не гони никуда. Я больше никогда тебя не подведу.

— Встань, Малах, — вздохнул я после краткого раздумья, — знаю, что не подведёшь.

К дому горшечника отправился уже я один, несмотря на протесты Гориона. Но я сказал, что убийство римлянина должно вызвать ответные меры со стороны властей. А один человек, к тому же богато одетый, не вызовет подозрений.

Три удара посохом в дверь. Условные слова. Таинственный незнакомец за дверью был доволен результатом. Теперь он хотел жизнь первосвященника Йосефа Каиафы.

— А не задумал ли ты предать меня в руки прокуратора? Это верная гибель. Первосвященник имеет личную охрану. К тому же к его жилищу постоянно приставлен римский караул.

— Десять талантов, — был краткий ответ.

У меня пересохло во рту. Тридцать тысяч сиклей. Сто двадцать тысяч динариев. Что за люди хотят души первосвященника? Я огляделся кругом. Если не соглашусь — живым не уйду. Вокруг наверняка засада. И талантами мне тогда уже не воспользоваться. Мёртвые, как известно, не наследуют ничего. Тесно мне! Что же делать? Моё молчание по ту сторону двери было истолковано как сомнение.

— Шестьдесят мин ты получишь прямо сейчас. Если выполнишь то, что тебе сказано, получишь остальные девять талантов.

— Как я могу знать, что ты не обманываешь меня?

— Хорошо, ты получишь три таланта сразу. Это уже целое состояние. Твоё дело стоит этих денег. Потом получишь и оставшуюся часть, если не побоишься вернуться, конечно. Решайся, разбойник. Ты и твои люди хорошо потрудились у синагоги. Уверен, ты справишься. Деньги под камнем.

Что ж? Выходит, эти люди всё просчитали заранее. Но чего я боюсь? Три таланта уже мои. Я взял увесистые золотые монеты.

— Согласен. И за остальными деньгами я вернусь.

Покидая город, я никак не мог отделаться от навязчивого ощущения слежки за собой, несмотря на то, что долго поплутал по узким улочкам Иерусалима.

У самого Кедронского ручья на меня напали четыре человека, вооружённых мечами. Разбойники! Как было бы нелепо самому погибнуть от руки другого разбойника. С одним ножом против них мои шансы как у младенца. Я бросился бежать вдоль потока, задрав полы верхней рубашки, надеясь увести их подальше от места возможной засады. Над головой противно свистнула стрела. Плохо дело. Одна надежда — ночью из меня мишень негодная. Обернувшись на бегу, я швырнул посох в ближайшего преследователя. Тот, получив удар по ногам, растянулся во весь рост. Я продолжал бег, когда услышал сзади вопли и звуки сражения. Обернулся ещё раз. Увиденное заставило меня не только остановиться, но и броситься назад, вынимая на бегу кинжал из ножен. Один из разбойников лежал в грязи лицом вниз, получив смертельный удар в спину. Второй уже бился в судорогах, зажимая живот. Малах яростно отбивался от двоих оставшихся в живых противников. Вот он пропустил колющий удар в правый бок. Упал на одно колено. В два прыжка я оказался за спиной одного из врагов. Мой кинжал вошёл как раз под лопатку и пронзил сердце того, кто ранил Малаха. Проклятье! Откуда он здесь взялся? Видимо, следовал за мной всё это время. Его гладиус немедленно вонзился в горло последнего разбойника, не ожидавшего моего возвращения.

Малах быстро терял кровь. Он упал на второе колено. Вонзив меч в землю, опёрся на него.

— Господин, я не подвёл тебя! — он тяжело дышал.

— Друг мой, какой я тебе господин? Я обязан тебе жизнью, — опустил я в свою очередь перед ним на колени. Послышались крики. К нам стремительно приближалось по меньшей мере человек десять.

— Беги, господин, только сперва возьми мою жизнь! — торопливо заговорил Малах. — Не хочу погибать от рук людей Бар-Аббы, да будет труп его пищей свиней. Не медли, они сейчас будут здесь!

Я колебался. Малах крепко ухватил меня за одежды и посмотрел в глаза.

Я ударил точно в сердце. Малах, не издав ни звука, рухнул к моим ногам. Выдернув его меч из земли, я подхватил ещё один и с разбегу бросился в воду. Набрал в грудь побольше воздуха, я погрузился с головой и, используя мечи как груз, перебрался по каменистому дну на другой берег. Впереди меня была ветхая ограда Гефсиманского сада, в глубине которого расположился наш лагерь. Разбойники преследовать меня не решились, лишь выпустили вдогонку несколько стрел, благодаря тьме пролетевших мимо.

Узнав о случившемся, мои люди выразили готовность немедленно выступить и напасть на Бар-Аббу. Я остановил их.

— Кровь Малаха отомщена. Все четверо нападавших мертвы. С рассветом заберём его тело. Остальные не должны помешать нам в нашем деле. Я коротко передал им разговор с заказчиком убийства.

— Это невозможно! — вырвалось у лучника Баши. Горион коротко взглянул на него, и тот осёкся. Остальные молчали, переминаясь, но было видно, что они согласны с Башей.

— Если мы убьём Каиафу, то заработаем ещё семь талантов. А если схватим того, кто ищет его крови, то избегнем необходимости рисковать жизнью и возьмём все его деньги.

Моё предложение было встречено всеобщим одобрением.

Оставив всех биньяминитян в нашем временном становище, так как от лучников в городе немного толку, мы в количестве восьми человек прошли немного вниз вдоль непривычно полноводного от обильных дождей чёрного ручья, чтобы не наткнуться на Бар-Аббу и его людей.

Разделившись на две группы, мы успешно миновали стражу, щедро заплатив ей. К дому горшечника подошли, проникнув в сад. Дом оказался пустым. По всей видимости,

в нём вообще никто не жил последнее время. Да и гончарный круг под навесом был совсем сухим. Рядом не было видно ни воды, ни глины.

— Проклятье! — выругался Горион. Остальные озирались, ожидая внезапного нападения. Однако ничего такого не происходило. Возвращались мы другим путём. Было решено не рисковать и тотчас покинуть город.

Тело Малаха было на месте. Как и тела тех, кто напал на меня. Стало быть, так Бар-Абба относится к своим людям. Их мы бросили в мутный ручей. При удаче тела унесёт к Восточному морю. Горион сходил в соседнее селение и привёл какого-то бедняка. Вручив трясущемуся от страха старику шесть сиклей, он указал на тело Малаха:

— Сегодня же погребёшь его, как своего родного отца. Я вернусь через четыре дня и обязательно проверю.

Несчастный закивал, опасаясь даже и глаза поднять на нас.

Оставив его, мы перешли поток, соединились со своими товарищами и оставили Иерусалимские пределы, предавшись на время каждый своим собственным делам.

* * *

Вскоре сезон дождей окончился, приближалась Пасха — великий праздник. Каждый иудей старался посетить Иерусалим. Отправились и мы, так как к этому времени успели несколько поиздержаться.

В Вифании творилось что-то невообразимое. Народ шумел, как много лет назад, когда стоял всенародный плач о тех, кого Ирод казнил за уничтожение золотого римского орла, висевшего над храмовыми воротами. Сперва я решил, что назревает какой-нибудь бунт. Однако оказалось, что некто воскресил некоего Элезара, вроде бы умершего четыре дня назад. Видимо, этот человек был весьма уважаем, иначе не собралось бы столько знати. Потеряв всякий интерес к бабьим басням, я, по обыкновению, отпустил

людей и направился к Иерусалиму в неизменном сопровождении Гориона. На этот раз я решил местом общего сбора назначить гору Гарив — к северу от горы храмовой. В Иерусалиме также было беспокойно. Много говорили про Йешуа из Назарета. Кто-то приписывал ему великие чудеса, другие уверяли, что он обольщает народ, чтобы стать царём.

Мы поднялись к Храму. Ещё издали он поражал взор своим великолепием. Блистающий на солнце безукоризненной белизной, он возвышался на сотню локтей. Вблизи он вообще завораживал. Над входом свешивалась массивная золотая виноградная лоза. На дверях красовались пёстрые занавески с цветами. Вокруг всего здания тянулись прибитые к стенам доспехи варваров и арабов — знак былого могущества Израиля. Великая масса народа толпилась здесь весь день напролёт.

Я запустил руку за пазуху. Мешочек с драгоценными камнями, которые вёз убитый мудрец, был при мне.

— Что ты хочешь делать, господин? — спросил меня Горион.

— Я собираюсь вернуть долг.

— Но кому?

— Богу.

Горион пытливо посмотрел на меня, но, увидев, что я не шучу, более не спрашивал ни о чём. Мы пересекли обширный двор и зашли в Храм. Здесь оказалось не менее шумно, чем снаружи. К людским разговорам примешивались громкие звуки, издаваемые многочисленными жертвенными животными и птицами.

— Народ лишён пророка, на которого можно было бы взвалить своё бремя и возложить надежды, — доказывал какой-то фарисей слушавшим его людям.

— Нет ни заступника, ни посредника между Господом и народом. Моисей ушёл в горы и там умер, и никто не знает, где он погребён, и никто никогда не молился ему, и

не призывал его перекинуть мост через ту пропасть, что разделяет людей и их Создателя, — продолжал он.

— Итак, мы лишены всего, кроме слова Божьего, записанного на священном свитке...

Устав его слушать, я приблизился к корвану²⁴ и высыпал в него всё содержимое мешочка. Горион молча смотрел, как зев сокровищницы поглощает изумруды, яхонты, топазы, рубины и сапфиры.

— Эти фарисеи подобны собакам, спящим на кормушке быков, — негромко сказал один человек другому, задумчиво почесав бороду, когда мы с Горионом уже пробирались к выходу. Тот также вполголоса согласился со своим собеседником, подозрительно покосившись на нас.

Мы провели в окрестностях Иерусалима несколько дней, грабя преимущественно чужеземцев — они имели при себе гораздо больше денег и драгоценностей. В один из этих дней в самом городе случилась смута, произведённая Бар-Аббой и его людьми. Во время беспорядков, вызванных убийством священника, разбойники подожгли здание архива, напав на надзирателей. Те бежали, так что Бар-Абба смог беспрепятственно предать всё огню. Все долговые документы обратились в пепел. Само собой, должники встали на сторону поджигателей. Бедняки поднялись против людей состоятельных. Воспользовавшись всеобщим смятением, некоторые обратились против своих врагов, чтобы убить их. Многие начальники и первосвященники были вынуждены скрываться в подземных ходах.

В городе воцарилась паника. Кто мог быть уверен в собственной безопасности в такие дни? Издали опасались врагов, не верили даже друзьям. Каждый ожидал смерти в любую минуту. К царским отрядам, которые оказались не в состоянии противостоять бунтовщикам, вскоре присоединились римские воины, посланные Пилатом.

24. Церковная сокровищница.

Мои люди держались в стороне, ничем не выдавая себя, в результате никто из нас не пострадал, кроме несчастного Газеза, которого по ошибке пронзил мечом переодетый легионер, скрывавшийся в толпе. Тот решил, что Газез имеет прямое отношение к мятежу, потому что заметил у него под верхней одеждой очертания меча. Быстро отступив к своим, воин избежал смерти, хотя к нему немедленно двинулись Омри и Завад.

Римляне быстро организовали наступление. Много бунтовщиков было убито, остальные обратились в бегство, устроив смертельную давку на узких улочках города. Сам Бар-Абба был схвачен живым, многих из его людей обезглавили принародно, без суда. Восстание подавили, но люди успокоились нескоро.

До Пасхи оставалось всего три дня. Я хотел дожидаться праздника, прежде чем покину пределы Иерусалима. Вдвоём с Горионом мы наведались в дом горшечника, всё ещё надеясь застать там того, кто предлагал целое состояние за жизнь первосвященника. Однако это место по-прежнему пустовало.

Решив, что ищущие крови Каиафы могут наблюдать за его домом, мы ночью отправились туда. У дома размещалась римская стража. Первосвященника охраняли всегда. Внутри было светло. Притаившись за стволом кипариса, я послал Гориона вниз по улице разведать, нет ли чего подозрительного. Тут я увидел, что из дома вышел человек. Стража пропустила его, и он направился в мою сторону, время от времени озираясь и держа руку за пазухой. Пропустил его и я, но затем потихоньку двинулся за ним. Навстречу поднимался Горион. Он перегородил дорогу незнакомцу. Тот, испугавшись, бросился обратно, но налетев на меня, остановился. Судя по всему, он собирался кричать на всю округу.

— Не бойся, добрый человек, я не причиню тебе вреда, — сказал я мягко, демонстрируя ему свои раскрытые ладони.

Мой спокойный голос, очевидно, подействовал. Мужчина немного успокоился.

— Однако я не смогу поручиться за него, — я кивнул головой в сторону друга, который постарался скорчить самую свирепую гримасу, — если ты не ответишь на мои вопросы. Думаю, мы обойдёмся без крови. Я даже не возьму у тебя те деньги, которые ты прячешь за пазухой.

Человек вздрогнул, отдернул руку от пояса, кивнул и осторожно откашлялся, прочищая не совсем послушное горло:

— Что вам нужно?

— Скажи мне, кто ты и что за дело у тебя к первосвященнику?

— Мое имя Йехуда. Я любимый ученик Йешуа из Назарета. Первосвященник Йосеф желает пригласить Учителя в свой дом, поэтому я здесь.

— Постой, добрый Йехуда. Это не тот ли человек, что три дня тому назад был встречен всем Иерусалимом так, как если бы он был царём?

— Истинно так, — Йехуда то и дело посматривал в ту сторону, откуда пришёл.

Я немного помолчал.

— И давно ты знаешь его?

— С юных лет, — был ответ.

— Хорошо, ступай. Тебя никто не тронет.

Йехуда повернулся и осторожно пошёл, обойдя Гориона и стараясь не выпускать его из поля зрения.

— Подожди!

Я догнал его и, понизив голос так, чтобы меня не слышал мой друг, спросил:

— Три года тому назад некий человек по имени Яир, начальник синагоги, хотел звать твоего учителя, чтобы он исцелил его дочь. Так вот, ответь, осталась ли она жива?

Йехуда опустил голову и негромко ответил:

— Да, девица здорова. Я могу... идти?

— Ступай.

— Думаешь, этот человек сказал правду? — задумчиво протянул Горион, глядя вслед Йехуде. — Почему тогда его не проводили рабы Каиафы? Если он — лучший друг желанного гостя. И что за деньги ему дал первосвященник?

— Может, пожертвование? — пожал я плечами. — Хватит об этом. Смотри!

Несколько неясных теней отделились от темноты в начале улицы и скользнули в нашем направлении. Переглянувшись, мы не спеша свернули в проулок, затем кинулись бежать со всех ног. Тут мы хозяевами положения точно не были, и при желании нас могли перебить, как перепелов. Почти достигнув Старых ворот, мы перешли на шаг. Погони вроде бы не наблюдалось. Избавившись от слишком уж бдительной стражи в обмен на четыре динария, мы вышли за стены города и направились к горе Гарив. Месяц то и дело прятался за тучи, что вовсе не спрямляло наш путь.

Вскоре мы пришли к нашему маленькому лагерю. Недавно разведённый костёр трещал и бросался в небо искорками. Каждый, кто сидел у огня, слегка привстал, приветствуя меня. Нам дали наше оружие и поднесли по куску жареной козлятины с хлебом. Спать почти не хотелось. Где-то по городу ходят люди, готовые расстаться с золотом ради жизни Каиафы. И они должны быть недовольны напрасной потерей трёх талантов. Следовательно, надо постараться разыскать их прежде, чем они найдут нас. Лжехромой знает нас с Горионом в лицо. Кто-то из них наблюдал за Факеем в момент убийства и видел все наши действия. Найти хромого? А если он поднимет шум и сдаст нас властям?

Мой сон был прерван криком Тиншемета, который в утренней дымке заметил приближение римского отряда. Мы оказались в кольце и теперь были атакованы одновременно со всех сторон. Я обнажил гладиус Малаха, левая рука уже сжимала верный персидский нож. Лучники

Эшек и Йишмаэл уже успели натянуть тетивы и выпустили каждый по стреле, нашедшей свою цель. Не знающий равных в стрельбе из лука Киш успел убить двоих, прежде чем был поражен в шею дротиком. Затем мир вокруг меня резко сузился. Я увернулся от копья, рубанул его владельца с разворота. Ранил в плечо. Парировал прямой выпад меча, направленного в мою грудь, отскочил в сторону, ударил сражавшегося с юным Шевером ветерана ножом в незащищённый доспехами бок. Биньяминитяне уже лежали мёртвые. В ближнем бою лук — не оружие. А эти римляне знали, что такое ближний бой. Вот пал Завад, пронзённый копьём. Рухнул мой дорогой Горион — из его груди торчал дротик. Меня теснили сразу двое римлян, вооружённые мечами. Чуть поодаль уже примеривался метнуть дротик третий. Сзади кто-то захрипел, изрыгая страшное проклятье. Бесстрашный Омри. Размахнувшись, я что было сил швырнул свой меч в одного из нападавших. Кубарем бросился под ноги второго. Ударил его снизу ножом. Выхватил из ослабевшей руки щит. Закрылся от брошенного в меня дротика. Тот скользнул по щиту, не причинив мне вреда. Резко обернулся назад, готовый к нападению. По крайней мере, мне казалось, что я был готов. Обезображенный шрамами коротко стриженный воин уже опускал с размаху свой щит на мою голову. Мир вокруг возмущённо загудел и завертелся кружалом.

Очнулся я на холодном каменном полу. Глаза не хотели открываться. В носу стоял приторно-острый запах крови. Казалось, череп развалился на части. С трудом перевернувшись на спину, я попытался открыть глаза. Напрасно. Боль пронзила голову изнутри, и я снова потерял сознание.

Я находился в темнице. Скорее всего, сейчас уже вечер. Способность двигаться я обрёл не сразу. Кроме нижней рубашки на мне ничего не оказалось. Пояс с деньгами и ножнами, конечно же, исчез. Как и перстень с ониксом.

Где-то рядом раздавались крики и проклятья. Голос был незнакомым. Ещё один узник.

— Да чтоб тебе подавиться, пустынный шакал! — хрипло рявкнул некто справа от моей решётки. — Завтра вопить будешь — на кресте, а сейчас дай поспать!

Значит, крест? Что же меня не убили тогда — на горе Гарив? Это было бы во сто крат лучше!

— Думаешь, наместник именно тебя выпустит ради Пасхи? — взбесился крикун. — Будешь спокойненько спать всю ночь, а мне, значит, места себе не находить? Не выйдет! Сдохнем вместе! — продолжал надрываться он.

— За меня-то народ заступится. Люди почитают меня как борца против римского владычества. Чего только стоит сожжённый мною архив, доверху набитый долговыми расписками! Глупец! — усмехнулся в ответ... Бар-Абба! Это был точно он! А самое скверное — он наверняка был прав. Люди забудут, что он уже пятнадцать лет разорял окрестности Иерусалима, притесняя народ. Долговые расписки с лёгкостью могут перевесить всю его вину перед людьми.

Стражи со мной не разговаривали, еду не принесли даже к ночи. Хорошо хоть была вода. Видимо, прав Бар-Абба — завтра казнь. Впрочем, чего ещё мне ожидать? В моём-то положении? Но откуда взялся тот отряд, что напал на нас прошлой ночью? Значит, всё-таки нашли нас те, кто искал смерти Каиафы. Опередили.

Наутро меня заковали в кандалы и повели к преторию в сопровождении четверых легионеров. На площадке перед резиденцией наместника не было свободного места. Казалось, весь Иерусалим собрался здесь, чтобы посмотреть на казнь. Вот огласили мой приговор. Я обвинялся в смерти начальника синагоги, горшечника, двоих римских воинов, а также в разбое. Хм, Шимона, стало быть, я убил? Ну-ну... Ещё два приговора, вынесенные римским судом, были похожи на мой. А вот последний...

Человека, выведенного на каменный помост перед преторием, обвиняли в развращении народа, хуле на Бога, подстрекательстве людей к мятежу, угрозах разрушить Храм, провозглашении себя царём Израиля и во всём, что только могло придти на ум. Выходило, что опаснее человека ещё не было на белом свете. Он был сильно избит и с трудом держался на ногах.

— Вот я исследовал всё, в чём обвиняют этого человека! — обратился к народу вышедший на ту же площадку прокуратор. — Ирод также рассмотрел все обвинения и, подобно мне, не нашёл ничего достойного смерти в этом человеке. Поэтому я отпущу его.

Реакция народа смутила наместника. Сначала из толпы раздались одиночные крики протеста, к ним добавились другие. Вскоре уже вся толпа кричала: «Смерть ему!»

Пилат хмуро покосился на первосвященников, стоявших отдельно внизу, и возвысил голос:

— Что за зло сотворил он? По имеющемуся у вас обычаю, ради праздника, я дам свободу Йешуа, которого вы называете Мессией.

Йешуа? Я встрепенулся, не веря своим ушам. Уж не тот ли, кого пять дней назад приветствовал весь Иерусалим? Но как это возможно? Вот и Каиафа стоит перед прокуратором. Наверняка он ходатайствовал об освобождении того, кого звал в свой дом. Почему же он не образумит народ?

— Отпусти лучше Бар-Аббу, прокуратор! — закричали из толпы.

Ага, видимо, кто-то из его уцелевших подручных.

— Бар-Аббу отпусти нам! — подхватили безумные люди. Пилат растерялся.

— Что же мне сделать с Йешуа, называемым Мессией?

— Да будет он распят!

Я в изумлении смотрел то на людей, то на Каиафу. Почему же он молчит?

— Вот ваш царь, которому вы ещё недавно воздавали великие почести, — воскликнул Пилат, указав на Йешуа, который не подавал никаких признаков беспокойства или страха. — Как же я предам на распятие вашего царя?

— Нет у нас никакого царя, кроме Тиверия-кесаря, а этот самозванец — враг кесарю, — отвечал Каиафа. Первосвященник Ханан, стоявший рядом, степенно наклонил голову в знак согласия со своим зятем, после чего сказал, не глядя на наместника:

— Если отпустишь его, ты уже не друг кесарю. Ибо всякий, кто делает себя царём, — противник кесарю.

По лицу прокуратора было видно, что он едва сдерживает себя, чтобы не убить Ханана голыми руками.

Подозвав жестом слугу, он взял рукомойник и демонстративно омыл руки.

— Смотрите, невиновен я в крови этого праведника! Решайте сами!

— Не бойся, прокуратор, его кровь будет на нас! — тот же голос из толпы.

— Кровь его на нас и наших детях! — подхватил безумный народ.

Пилат еле заметно кивнул какому-то сотнику, стоявшему неподалёку. Тот коротко поклонился и скрылся. Найдут крикуна.

Что же получается? Прокуратор и рад бы отпустить Йешуа, но побоялся доноса с обвинением в содействии мятежу, а вот первосвященник — наоборот, всячески старался предать его на смерть. Народ, вероятно, подговорили. Иначе как объяснить все эти крики?

Бар-Аббу развязали. Тот, нисколько не удивившись своему освобождению, скользнул куда-то. Миг — и он растворился в толпе. Суд свершился.

Меня отвели в сторону. На плечи взгромоздили поперечную перекладину. Вот и всё. Крупная дрожь начинала бить моё тело. Я не боялся быть убитым в бою, но теперь

всё естество восставало от мысли о предстоящих муках и скорой смерти. Почему я не римский гражданин? Ведь ещё прошлой зимой мне предлагали купить римское гражданство. Деньги были, но я счёл эту затею пустой тратой богатства. Зато сейчас мог бы требовать суда у кесаря. Меня по закону препроводили бы в Рим. На суд. Даже если не найду способа освободиться, казнят всего лишь мечом.

Другой разбойник попытался было рвануться в сторону, но удар древка копья в грудь быстро усмирил его.

— Проклинаю вас всех! — сорвался он на дикий визг, озираясь кругом, за что получил от другого воина удар кулаком в лицо.

Я был благоразумнее и молча потащил перекладину, стараясь не раздражать и без того нервных римлян. Солнце жарило беспощадно, идти с таким грузом становилось всё тяжелее. Вскоре я уже почти ничего не видел, кроме дороги под ногами. И не слышал ничего, кроме своего тяжёлого дыхания и бешеных приливов крови в голове. С каждым ударом сердца она была готова лопнуть. Пот лил с меня сплошным потоком. Перекладина один раз чуть не выскользнула из моих рук. Вот и Судные ворота. Если кто-нибудь оспорит приговор до того, как осуждённый пройдёт сквозь них, его вернут обратно к преторию. Возможно, Йешуа отпустят. Ведь у него много учеников, а среди арестованных я их не заметил. Они даже могли бы попытаться отбить его сейчас. Потом уже будет поздно. Во время сутолоки могу и я попытаться сбежать. Однако ворота позади, учеников не видно и не слышно.

Меня осенила страшная догадка. Видимо, все ученики перебиты, как и мои люди. Но неужели вся их вина лишь в том, что они следовали за учителем, который исцелял больных и что-то проповедовал?

Вот и гора Голгофа. Здесь казнят всех преступников. Здесь закончится моя жизнь. Я задышал глубже и чаще. Успокоиться. Надо успокоиться. Но как? Да и зачем? С меня

сняли перекладину. Один из римлян обнажил свой меч и стал напротив меня, готовый поразить, если я попробую бежать. Глупец! Умереть от меча много лучше. Может, попробовать напасть на него? Смерть будет быстрой.

Мне поднесли чашу, наполненную какой-то пахучей жидкостью.

— Что это? — спросил я, едва ворочая распухшим от жажды языком, прежде чем попробовать.

— Уксус и смирна. Пей, если не хочешь лишиться разума от боли, — ответил немолодой хмурый сотник, распорядившийся казнью.

Очевидно, он уже давно не мог нести воинскую службу, но домой возвращаться не хотел. Наверное, приставлен сюда не первый год. Я осушил чашу в три глотка. Жидкость будто бы обожгла внутренности. В голове слегка зашумело. С меня сняли одежду. Несколько воинов схватили меня и уложили на крест, к которому уже прикрепили перекладину. Откуда-то слева раздался отчаянный крик боли. Я дернулся, но мою голову крепко держали чьи-то руки. Правое запястье пронзила острая боль от вбитого четырёхгранного гвоздя, моментально распространившаяся по всей руке. Пальцы онемели. Хотелось закричать, но я только стиснул зубы. С левой рукой было ещё хуже. Казалось, что её изнутри грызёт ехидна. Я судорожно втянул в себя воздух. Ступни мне экономно пронзили всего лишь одним гвоздём, поместив правую поверх левой. От безумной боли я потерял сознание.

Когда пришёл в себя, то уже висел на кресте. С сознанием вернулась и боль. Казалось, под тяжестью тела руки разорвутся, и я рухну на землю. Вокруг стояло очень много народу, но смотрели не на меня. Я повернул непослушную голову, проследив взгляды сотен людей, после чего вновь уронил её на грудь. Слева от меня был прибит ко кресту Йешуа — пророк из Назарета. Сейчас его тело уже не открыто хитоном и нижними одеждами, отчего видны кро-

вавые полосы и глубокие раны, нанесённые римскими плетями. Выходит, его уже подвергли бичеванию — казни, которая часто заканчивалась смертью. Но казнить дважды, согласно римским законам, нельзя. Как же так?

— Что же, разрушающий Храм и создающий его в три дня, спаси хотя бы сам себя! — с издёвкой закричал кто-то из толпы. Я вновь поднял голову. Неподалёку стояла большая группа фарисеев. Среди них и Йосеф Каиафа. Он насмешливо посмотрел на Йешуа и важно произнес во всеуслышание:

— Царь всего Израиля, Мессия, обетованный Всевышним, да сойдёт с креста, чтобы мы, увидев чудо, уверовали в него!

Раздался дружный издевательский смех.

— Как же он спасал других, а себя спасти не может? — поддержал Каиафу какой-то законник.

Йешуа молчал, тяжело дыша. На его лице, распушем от побоев, запеклась кровь.

— Сойди с креста, Мессия! — раздались крики из-за оцепления, которое выстроили римские воины вокруг места казни.

— На Бога уповал, что же Бог не избавит его от смерти, если он угоден Ему? Ведь он сам свидетельствовал: «Я — Божий Сын»!

Пока раздавались крики, я стал ощущать удушье. С каждым разом делать вдох становилось всё труднее. Вскоре я почувствовал, что вся грудь стала как деревянная. Я не мог уже вздохнуть. Меня охватила паника. Я с усилием опёрся на пробитые длинным гвоздём ступни, чуть не взвыл от боли и выпрямился всем телом. Воздетые верху руки, от которых уже отлила кровь, опять пронзила резкая боль. В грудь влилось немного живительного воздуха. Выходить обратно он уже не желал, и мне пришлось вновь повиснуть на руках, чтобы выдохнуть. Каждое движение сопровождалось невероятными муками. Хотелось кри-

чать и плевать на всех, кто собрался поглазеть на казнь. Теперь я уже не висел, а непрерывно двигался на кресте то вверх, то вниз.

Насмешки в сторону Йешуа продолжали раздаваться со всех сторон. Какой-то бред! Все эти люди недавно встречали его как своего царя. Он исцелял их больных близких, чему-то учил, они слушали его, а сейчас ненавидели больше, чем римлян. Иерусалим, Иерусалим, что же ты делаешь?

Мою голову заполнял туман, но я продолжал слышать и видеть всё, что происходило вокруг.

— Если ты иудейский царь, спаси себя и царствуй! — насмеялись уже и римские воины.

Йешуа медленно поднял голову к небу и с трудом разлепил губы:

— Отец, прости им, ведь они не знают, что делают! — в тихом голосе ясно слышались просительные интонации. Этот голос потряс всё мое естество. Я на краткое время перестал страдать от жары. Холод пробежал по всему телу. Я всегда гордился своим умением разбираться в людях и отличать правду от лжи. Этот человек обращался к Богу так, как обращается сын к родному любящему отцу, прося напиться, зная, что отец ни за что не откажет. Я был готов проклинать всё на свете, а Йешуа молился за своих доносчиков и палачей!

До моего слуха донёлся знакомый истерический голос бывшего соседа по темнице, который висел на втором от меня кресте:

— Разве ты не Мессия? Спаси себя и нас! Что же ты молчишь?

Какое-то время он ещё продолжал выкрикивать оскорбления и насмешки, пока не вывел меня из себя.

— Уймись, наконец! Разве ты не боишься Бога? Ведь и ты сам осуждён на то же! Что же ты злословишь его?

Мы с тобой справедливо заслужили смерть, а он не сделал никакого зла!

Я выбился из сил и опустил голову, готовую лопнуть, как переспелая смоква. Движение вверх и вниз по кресту было невыносимо. Я задыхался. Меня начинал бить озноб. Хотелось пить. Когда всем надоест, какой-нибудь воин мечом перебьёт мои голени, и я задохнусь. В глазах потемнело. Что это? Разве уже ночь? В ушах появился шум. Я закрыл глаза, но почему-то ясно увидел своего отца, который очень скорбел после моего ухода из родного дома. Я видел мать, братьев. Видел мудреца, который вёз драгоценные камни своего господина в Храм. Он уже не лежал в придорожной пыли, зажимая страшную рану в животе, а стоял передо мной, что-то поясняя. Я напряг свой слух:

— Твоя жизнь вся украдена, добрый человек, а украденное время слишком мимолётно. Им не насытятся никогда. Всего какой-то миг — и вот уже вся жизнь позади, а ты так и не успел ничего ощутить, познать.

— Мне конец, мой добрый мудрец, да будет благословенной твоя память, — обратился я к нему. Тот улыбнулся мне:

— Открыл ли ты начало, чтобы искать конец?

— Начало? — переспросил я, но тот уже пропал куда-то. Затем перед моим взором поочередно появлялись те, кого я лишил жизни, а также мои товарищи. Вот Горион, вот Малах, Завад, Тиншамет, Буним, Газез, Йишмаэл, Мелег, Омри, Киш, Эшек и прочие, с кем я делил хлеб и воду, богатство и опасности. Вся моя жизнь, наполненная беззакониями, пронеслась перед мысленным взором. Кровь. Чужая кровь. Жизни. Много жизней. Вдовы и сироты. Калеки. Деньги. Вино. Блудницы у городских ворот. Богатой ли была моя жизнь, которой теперь лишаяюсь? Пустота. Мерзость и скверна. Чему учил своих учеников тот, кто, как с родным отцом, говорит с Богом? Послушать бы! Почему я не из их числа? Наверное, счастлив был добрый Йехуда, что знал его! Кто же он? Не иначе, как Божий Сын. Тог-

да, в Вифании, когда восстал из мёртвых некто Элеазар, это точно было правдой! И восстал он именно по просьбе Йешуа к Своему Отцу. Не иначе. Царь? Только Царство Его не среди всей этой земной мерзости! Это Его собственное Царство.

Я открыл глаза.

Они были полны слёз.

Что мне делать? Я оказался обманут и предан самим собой! Я и не начинал жить. Куда мне идти?

Я повернул голову налево и с надеждой посмотрел на Того, против Которого ополчился весь мир.

— Вспомни обо мне, мой Господин, когда придёшь в Своё Царство!

И мой Господь — Тот, чей Закон я нарушал всю жизнь, Тот, о Котором помышлял лишь в минуты крайней скорби, поднял Свою окровавленную голову, увенчанную терниями, посмотрел в моё сердце ясным взором и произнёс надо мной Свой собственный суд:

— Истинно говорю тебе, сегодня же будешь со Мной в раю.

Содержание

Дверь в мою весну	3
Ворваться в рай	9
Кровная месть.	15
Постоялец.	21
Пять месяцев жизни.	29
Ангел-хранитель	33
Семинарист	44
Остановка времени	61
В ожидании	69
Если б не было тебя...	73
Качели.	99
А ты кто?	105
Настанет утро...	113
Пономарка	115
Ангельское пение	120
Электросон.	126
Валаам	130
Молебен	135
Скрытый контент.	141
Две сотни миль	149
14 часов	153
Иерусалим, Иерусалим...	157